

**ИЗВЕСТИЯ
ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Политология. Религиоведение»

2021

Том 38

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

**23.00.04 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

*От редактора раздела. Российско-корейские отношения: исторический,
социально-экономический и политический аспекты* 5

Лексютина Я. В.

Особенности партнерства России и Республики Корея в хозяйственном
освоении Арктики 7

Хан Джонман

Стратегия выживания России и Кореи, сфокусированная на Сибири и
Арктике 15

Акуленко В. С.

Сотрудничество стран Северо-Восточной Азии в сфере рыболовства:
торговля морепродуктами и обмен квотами 24

Самович Ю. В.

О безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона в свете проблемы
Корейского полуострова 31

Павлов Д. А.

Восточная политика России в трудах представителей южнокорейского
научного сообщества 38

Захарова Л. В.

Отношения России и КНДР в условиях пандемии коронавируса (2020–2021).. 46

Олейников И. В.

Конструирование контактов: прошлое и настоящее в международном
сотрудничестве регионов Сибири и Республики Корея 51

Ли Е. В.

Опыт российско-корейского регионального сотрудничества (на примере
регионов-побратимов – Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто
Республики Корея) 58

Цой И. В., Зайнуллина П. И.

Сравнительный анализ государственной молодежной политики в России и
Республике Корея 65

Овчинникова Л. В.

Российские корееведы о корейском коммунистическом и национально-освободительном движении конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг. 73

Матвеева Н. И.

Экономическое развитие КНДР в контексте советско-северокорейских отношений, 1955–1964 гг. 82

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»
**09.00.14 ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)**

От редакторов раздела. Религиозная ситуация: восточные дискурсы в контексте межкультурной коммуникации и Стратегия национальной безопасности 90

Агапов О. Д.

Методологические стратегии религиоведения 92

Арзуманов И. А.

Этноконфессиональные и геополитические аспекты межкультурной коммуникации в Восточной Сибири конца XX–XXI в.: опыт теоретико-эмпирического анализа 99

Камедина Л. В.

Культурные смыслы православия в университетской среде (на примере Забайкальского государственного университета) 109

Митыпова Г. С.

Буддизм как фактор образовательных процессов в Бурятии: социально-исторические аспекты 118

Мельник С. В.

Дипломатический межрелигиозный диалог в системе межрелигиозных отношений 129

Федоров М. А.

Конфессиональный диапазон протестантизма 141

**THE BULLETIN
OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY**

Series Political Science and Religion Studies

2021

Volume 38

CONTENTS

SECTION “POLITICAL SCIENCES”

**23.00.04 POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT**

<i>Section Editor's Note. Russian-Korean Relations: Historical, Socioeconomic and Political Aspects</i>	5
Leksyutina Ya. V. The Specifics of the Partnership between Russia and the Republic of Korea in the Economic Development of the Arctic	7
Han Jong-Man The Survival Strategy of Russia and Korea Focused on Siberia & Arctic	15
Akulenko V. S. Cooperation in Fisheries in Northeast Asia: Seafood Trade and Fishing Quotas Exchange	24
Samovich Y. V. On the Security of the Asia-Pacific Region in the Light of the Security Problem of the Korean Peninsula	31
Pavlov D. A. Russian Foreign Policy in the Works of South Korean Scientists	38
Zakharova L. V. Relations between Russia and the DPRK in the Face of COVID-19 Pandemic (2020–2021)	46
Oleynikov I. V. Designing Contacts: the Past and the Present in International Cooperation between the Regions of Siberia and the Republic of Korea	51
Li E. V. Russian-Korean Regional Cooperation (the Case of Twinned Regions – Irkutsk Region and Gyeongsangbuk-do Province of the Republic of Korea)	58
Tsoy I. V., Zaynullina P. I. A Comparative Analysis of State Youth Policy in Russia and the Republic of Korea	65

Ovchinnikova L. V. Korean National Liberation and Communist Movement in Korea (Late 1910-s, 1920-s and Early 1930-s). Concepts of Russian Orientalists	73
Matveeva N. I. North Korean Economic Development and the Evolution of the North Korean-Soviet Alliance, 1955-1964	82
SECTION “PHILOSOPHY OF SCIENCE”	
09.00.14 PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES (PHILOSOPHY OF SCIENCE)	
<i>Section Editor's Note. The Religious Situation: Oriental Discourses in the Context of Intercultural Communication and the National Security Strategy</i>	
Agapov O. D. Methodological Strategies for Religious Studies	92
Arzumanov I. A. Ethno-Confessional and Geopolitical Aspects of Intercultural Communication in Eastern Siberia in the Late 20th and Early 21th Century: a Theoretical and Empirical Analysis	99
Kamedina L. V. Cultural Meanings of Orthodoxy in the University Environment (the Case of Transbaikalian State University)	109
Mitypova G. S. Buddhism as a Factor in Educational Processes in Buryatia: Socio-Historical Aspects	118
Melnik S. V. Diplomatic Interreligious Dialogue in the Framework of Interreligious Relations ...	129
Fedorov M. A. Confessional Range of Protestantism	141

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» / SECTION «POLITICAL SCIENCES»

23.00.04 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ / POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

*От редактора раздела. Российско-корейские отношения: исторический,
социально-экономический и политический аспекты /
Section Editor's Note. Russian-Korean Relations: Historical, Socioeconomic
and Political Aspects*

Данный тематический раздел подготовлен по материалам избранных докладов конференции «Россия и Корея: взгляд из Сибири – 2021», состоявшейся 9–10 октября 2021 г. в г. Иркутске. Конференция была организована Центром корейских исследований ИГУ при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation).

Множество вопросов, касающихся российско-корейских отношений, до сих пор являются дискуссионными, и недавний 30-летний юбилей дипломатических отношений России и Республики Корея – достойный повод для того, чтобы подвести итоги и в очередной раз обсудить наболевшие проблемы двусторонних связей, а также значимые вопросы в сфере корееведения, затрагивающие весь Корейский полуостров.

Читателю предложены 11 статей, авторы которых исследуют различные аспекты российско-корейских отношений и политической истории Республики Корея. В авторский коллектив входят три доктора наук, шесть кандидатов исторических, экономических и филологических наук, а также два аспиранта. Авторы представляют исследовательские центры (университетские и академические) Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Иркутска, Хабаровска, Владивостока, Лондона (Великобритания) и Тэджона (Республика Корея).

Одна из центральных тем данного выпуска – экономическое сотрудничество России и Республики Корея. Ей посвящены статьи доктора политических наук, профессора РАН, профессора кафедры американских исследований Я. В. Лексютинной «Особенности партнерства России и Республики Корея в хозяйственном освоении Арктики» и доктора экономики, почетного профессора кафедры исследований России и Центральной Азии Университета Пэджэ Хан Джонмана *The Survival Strategy of Russia and Korea Focused on Siberia & Arctic*.

Важный аспект российско-южнокорейского экономического сотрудничества в области обработки морепродуктов и аквакультуры рассматривается в статье кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры корееведения ДВФУ В. С. Акуленко «Сотрудничество стран Северо-Восточной Азии в сфере рыболовства: торговля морепродуктами и обмен квотами».

Вопросы экономико-политического сотрудничества, а также проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии поднимаются в статьях «О безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона в свете проблемы Корейского полуострова» доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры государ-

ственно-правовых дисциплин Казанского филиала РГУП Ю. В. Самович и «Восточная политика России в трудах представителей южнокорейского научного сообщества» аспиранта ДВИУ РАНХиГС при Президенте РФ Д. А. Павлова.

В контексте поддержания мира и безопасности для Российской Федерации имеет существенное значение сохранение стабильных отношений с КНДР. Анализ положения дел в этом направлении в сложных условиях 2020–2021 гг. посвящена статья кандидата экономических наук, ученого секретаря Института Дальнего Востока РАН Л. В. Захаровой «Отношения России и КНДР в условиях пандемии коронавируса (2020–2021)».

Что касается взаимодействия России с Республикой Корея, то, помимо сотрудничества по глобальным вопросам, значительное внимание в последние годы уделяется развитию межрегиональных связей. Россия подобные связи особенно активно развивает в регионах Сибири и Дальнего Востока. В статье «Конструирование контактов: прошлое и настоящее в международном сотрудничестве регионов Сибири и Республики Корея» кандидата исторических наук, доцента кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ И. В. Олейникова фокус внимания направлен на весь Сибирский макрорегион. В статье кандидата филологических наук, доцента кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ Е. В. Ли «Опыт российско-корейского регионального сотрудничества (на примере регионов-побратимов – Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто Республики Корея)» рассматриваются отношения между двумя регионами России и Республики Корея.

Кандидатом филологических наук, доцентом кафедры корееведения СПбГУ И. В. Цой и аспирантом СПбГУ П. И. Зайнуллиной проводится сопоставление политики и законодательства России и Кореи в сфере работы с молодежью («Сравнительный анализ государственной молодежной политики в России и Республике Корея»).

Наконец, две статьи номера посвящены историческим аспектам российско-корейских отношений в первой половине и середине XX в. Л. В. Овчинниковой, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры японской филологии ИСАА МГУ, представлен обзор взаимосвязи революционных событий в России и активизации антияпонской борьбы в колониальной Корее в конце 1910–1920-х гг., причем в качестве источников использовались служебные издания японского генерал-губернаторства. Статья Н. И. Матвеевой, преподавателя Школы востоковедения и африканистики (SOAS) Лондонского университета, освещает более поздние события, в частности экономические взаимоотношения между СССР и КНДР в 1950-х гг.

Часть статей данного выпуска является промежуточным результатом долговременных исследований, часть – формулировкой новых направлений исследований. Хотелось бы выразить надежду на то, что данный раздел не только вызовет интерес у читателей, но и побудит студентов и молодых ученых к проведению научных работ в области корееведения и изучения российско-корейских отношений.

К. В. Иванов,

канд. ист. наук, руководитель Центра корейских исследований ИГУ

УДК 327, 339.9

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.7>

Особенности партнерства России и Республики Корея в хозяйственном освоении Арктики

Я. В. Лексютина

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

Аннотация. Оцениваются реальные масштабы сотрудничества России и Республики Корея в области разработки ресурсной базы Арктической зоны РФ и развития инфраструктуры Северного морского пути, а также определяются факторы, сдерживающие развитие арктического сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, Арктика, экономическое сотрудничество, Северный морской путь, судостроение.

Для цитирования: Лексютина Я. В. Особенности партнерства России и Республики Корея в хозяйственном освоении Арктики // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 7–14. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.7>

В последние несколько лет на повестке дня российско-южнокорейского взаимодействия неизменно присутствуют вопросы налаживания и углубления сотрудничества в развитии Северного морского пути (СМП) и освоении ресурсной базы Арктической зоны РФ (АЗРФ). Прилагаемые Россией комплексные усилия по масштабному освоению своих арктических территорий, разработке ресурсной базы Арктики и превращению СМП в крупную морскую транспортную артерию мирового значения обуславливают необходимость для Москвы налаживать тесную международную кооперацию, что, соответственно, открывает широкие коммерческие возможности для зарубежных компаний, имеющих особые компетенции, востребованные в освоении Арктики. Хозяйственное освоение арктических пространств, большая часть которых находится в российской юрисдикции, привлекло внимание широкого спектра зарубежных компаний: от логистических предприятий, способных оказывать услуги грузоперевозок по СМП, судостроительных верфей, специализирующихся в строительстве судов ледового класса, компаний, производящих морские буровые платформы и иное высокотехнологичное оборудование, адаптированное к суровым арктическим условиям, до строительных организаций, заинтересованных в получении подрядных работ по строительству и модернизации арктической портовой и иной инфраструктуры. Южнокорейские компании, занимающие ведущие позиции среди крупнейших в мире судостроительных, транспортно-логистических, высокотехнологичных и строительных компаний, не стали исключением.

Интерес южнокорейских деловых кругов к российским планам масштабного освоения АЗРФ в полной мере соответствовал государственному курсу Республики Корея (РК) на интенсификацию арктического направления внешней политики. Активность РК на арктическом направлении значительно выросла с 2013 г., когда после пяти лет ожиданий РК удалось получить статус наблюдателя в Арктическом совете – ключевом межправительственном объединении, регулирующем международную деятельность в Арктике. В том же году был опубликован первый официальный документ РК по арктической политике (Генеральный план по арктической политике на 2013–2017 гг.), и активность Сеула на арктическом направлении стала выходить за рамки сфокусированности на научных исследованиях, все более проявляясь в заинтересованности подключаться к международному экономическому сотрудничеству в Арктике. Арктике была отведена важная роль в «Евразийской инициативе» Пак Кын Хе и «Новой северной политике» Мун Чжэ Ина. Развивая многовекторную арктическую дипломатию, РК вместе с тем среди всех пяти арктических держав приоритетное значение придает наращиванию экономического арктического сотрудничества с Россией. В принятом в 2018 г. обновленном документе по арктической политике РК «Основы политики содействия арктической деятельности РК на 2018–2022 гг.» именно Россия неоднократно упоминается в контексте планов Сеула по наращиванию экономического сотрудничества в Арктике¹.

С российской стороны также сложились благоприятные условия для развития сотрудничества с РК в области хозяйственного освоения Арктики: с 2013 г. Россия взяла курс на привлечение неарктических стран к освоению АЗРФ (ранее Москва с большой осторожностью относилась к вовлечению неарктических стран в арктические дела); осложнение отношений России с США и западноевропейскими государствами после 2014 г. повысили для Москвы значимость развития сотрудничества с незападными государствами, особенно с теми, которые не присоединились к антироссийским санкциям. На этом фоне Сеул представляется ценным технологическим и финансовым партнером в реализации российских арктических проектов; Россия придает большое значение реализации арктических проектов, создавая исключительно благоприятные инвестиционные условия и режимы в Арктической зоне РФ; Южная Корея видится в качестве важного партнера, способного уравновесить роль Китая в Арктике; Южная Корея обладает целым рядом уникальных компетенций (например, в области строительства судов ледового класса).

Взаимный интерес России и Кореи к развитию арктического сотрудничества способствовал появлению арктической тематики в российско-южнокорейском политическом диалоге. Рассматривая арктическое сотрудничество как взаимовыгодное и способствующее дальнейшему развитию двусторонних отношений, страны обнародовали намерения и планы развития двустороннего сотрудничества в Арктике. В 2017 г. в ходе Восточного

¹ Policy Framework for the Promotion of Arctic Activities of the Republic of Korea 2018-2022. URL: http://www.koreapolarportal.or.kr/data/Policy_Framework_for_the_Promotion_of_Arctic_Activities_of_the_Republic_of_Korea-2018-2022.pdf (дата обращения: 08.08.2021).

экономического форума во Владивостоке президент РК Мун Чжэ Ин изложил концепцию «девяти мостов», направленную на стимулирование сотрудничества с Россией в девяти областях: судостроение, морские порты, СМП, газ, железные дороги, энергетика, промышленные комплексы, сельское хозяйство и рыбное хозяйство. В 2019 г. концепция «девяти мостов» была принята двумя сторонами в качестве дорожной карты их инвестиционного взаимодействия, а в октябре 2020 г. стороны подписали Совместное заявление о Плане реализации концепции «девяти мостов» российско-корейского торгово-экономического сотрудничества, версия 2.0. Более того, в соответствии с достигнутым в сентябре 2017 г. соглашением между двумя сторонами на ежегодной основе стали проводиться российско-южнокорейские консультации по арктическим вопросам.

Между тем на практике сотрудничество между двумя странами в области освоения ресурсной базы АЗРФ и развития инфраструктуры СМП пока носит неоднозначный характер: до сих пор много декларативных заявлений, не подкрепляемых реальным сотрудничеством, также южнокорейская сторона предпочитает участвовать в таких формах сотрудничества, которые полностью исключают финансовые, коммерческие и политические риски для нее. К настоящему моменту Москве до сих пор не удалось привлечь значимые корейские инвестиции или софинансирование в арктические проекты: ни в проекты совместной разработки арктических ресурсов, ни в проекты по развитию инфраструктуры в российской Арктике (например, строительство или модернизация портов). В отличие от других крупнейших мировых импортеров сжиженного природного газа (СПГ), таких как Япония и Китай, РК воздержалась от инвестиций в российские крупнейшие СПГ-проекты в Арктике – «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2». Хотя южнокорейская KOGAS рассматривала возможность участия в проекте «Арктик СПГ-2» – втором сверхкрупном арктическом проекте российской компании «НОВАТЭК» по производству СПГ после успешного запуска завода «Ямал СПГ», в итоговом списке инвесторов она так и не появилась.

Более того, в противовес даваемым в последнее десятилетие экспертными оценкам об огромных перспективах экспорта российского СПГ (в том числе арктического) в РК это направление сотрудничества пока является маргинальным. РК, третий крупнейший в мире импортер СПГ с долей 11,5 % от всего мирового импорта СПГ (на 2020 г.), большую часть СПГ импортирует из Катара, Австралии, США, Малайзии и Омана (на них суммарно приходится 79 % южнокорейского импорта СПГ) [5, р. 30, 32, 33]. Доля России составляет всего лишь 5 %, и в основном она складывается за счет природного газа, произведенного не в российской Арктике, а на Сахалине (проект «Газпрома» «Сахалин-2»). Ограниченность присутствия российского СПГ на южнокорейском рынке среди прочего связана и с тем, что Россия (и, в частности, «Газпром») длительное время занимала консервативную позицию, отдавая предпочтение трубопроводным поставкам газа, и, соответственно, запоздала с выходом на мировые рынки, в частности на южнокорейский рынок СПГ, где крупные долгосрочные контракты на по-

ставку СПГ уже успели заключить конкуренты. Также в развитии российско-южнокорейского энергетического сотрудничества на протяжении длительного времени приоритет отдавался планам строительства транскорейского газопровода.

В целом нежелание РК инвестировать в российские арктические энергетические проекты укладывается в нынешнюю логику и реалии южнокорейской инвестиционной деятельности. Для российско-южнокорейского экономического сотрудничества по-прежнему характерен невысокий масштаб инвестиций РК в Россию. Так, на начало 2020 г. входящие прямые инвестиции из РК в Россию составляли всего лишь 3,7 млрд долл., что соответствовало менее 1 % всех входящих в Россию инвестиций². К сдерживающим южнокорейские инвестиции в Россию факторам можно среди прочего отнести: сложный инвестиционный климат в России, опасения со стороны южнокорейских инвесторов в связи с непрозрачностью процесса принятия решений в России и возможным вмешательством со стороны российского правительства в проекты [7, р. 56], предыдущий неоднозначный опыт реализации совместных проектов с российскими партнерами (например, совместные проекты судостроительного завода «Звезда-DSME» и завода электротехнического оборудования Hyundai Electrosystems не были реализованы по вине российской стороны [3]), а также антироссийские санкции со стороны США и ЕС.

Более того, в общемировом контексте на сегодняшний день нет ни одного реализуемого арктического проекта по добыче углеводородов с участием южнокорейских инвесторов. Это связано как с осторожностью корейских инвесторов к арктическим проектам в принципе (в связи с техническими сложностями при освоении арктических углеводородов, сравнительной дороговизной их добычи и пр.), так и меняющейся международной конъюнктурой рынка углеводородов (например, коррективы в инвестиционные планы вносило падение мировых цен на газ в 2014–2015 гг. и снова в 2020 г.). Так, например, в 2011 г. KOGAS приобрела 20 % акций канадского газового месторождения Умиак в дельте реки Маккензи, однако разработка месторождения была приостановлена из-за падения цен на СПГ.

Воздерживаясь от прямого финансового участия в российских арктических проектах и взятия на себя сопутствующих рисков, РК предпочтение отдает развитию таких форм кооперации с Россией, как, например, строительство специальных судов ледового класса для России и техническое обслуживание судов. Будучи одними из самых конкурентоспособных компаний в мире по производству ледоколов, судов ледового класса, морских нефтегазовых платформ, предназначенных для использования в Арктике, а также оборудования для предотвращения загрязнения, южнокорейские компании выиграли целый ряд крупных контрактов на строительство танкерогазовозов ледового класса для нужд России, обойдя в конкурентной борьбе японские, сингапурские и китайские судостроительные верфи. Так, в 2014 г. южнокорейская судостроительная компания DSME получила крупный кон-

² Прямые инвестиции в РФ. 2020 // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 09.08.2021).

тракт на строительство 15 танкеров-газовозов ледового класса Arc7 для проекта «Ямал СПГ». Контракты на строительство еще 6 танкеров Arc7 стоимостью 1,7 млрд долл. для проекта «Арктик СПГ-2» эта же судостроительная компания получила в 2020 г. В июне 2020 г. DSME также приняла заказ от российской компании «НОВАТЭК» на два плавучих хранилища СПГ на сумму 748 млн долл. [1].

Вместе с тем следует указать на то, что взятый российским руководством курс на импортозамещение и стимулирование развития отечественного судостроения способен в перспективе ограничить коммерческие возможности для южнокорейских верфей. Согласно планам Москвы, дальнейшее строительство танкеров-газовозов ледового класса будет осуществляться на российской судовой верфи «Звезда». Это, однако, не исключает полностью российско-южнокорейского сотрудничества в области судостроения. Россия по-прежнему нуждается в услугах южнокорейских судостроительных компаний: не имея технологий, необходимых для строительства судов ледового класса, «Звезда» будет развивать технологическое партнерство с южнокорейскими компаниями. Так, в сентябре 2019 г. судостроительный комплекс «Звезда» подписал контракт с Samsung Heavy Industries на проектирование танкеров-газовозов для проекта «Арктик СПГ-2». Также в рамках совместного предприятия с Hyundai Heavy Industries на верфи «Звезда» ведется строительство танкеров класса «Афрамекс». Южнокорейские компании выступают не только в качестве разработчика проектов крупнотоннажных судов и поставщика оборудования, но и в качестве партнеров «Звезды» по обучению персонала.

В сотрудничестве с Россией по развитию инфраструктуры Северного морского пути РК уделяет приоритетное внимание судостроению, но не участвует в создании портовой и иной инфраструктуры в российской Арктике (в роли инвестора или кредитора). Подписанный в январе 2014 г. Меморандум о взаимопонимании между Министерством транспорта РФ и Министерством морских дел и рыболовства РК по сотрудничеству в области развития и модернизации портовой инфраструктуры пока так и остается заявлением о намерениях сторон. РК предпочитает развивать собственные порты, способные стать перевалочными узлами для грузов, транспортируемых из или транзитом через Арктику. Между южнокорейскими портами, такими как Пусан, Ульсан и Кванъян, даже возникла конкуренция в вопросах получения финансирования от правительства РК для развития и модернизации портов, способных обслуживать арктические грузоперевозки [6, р. 64].

За последние годы, для которых характерна интенсификация судоходства по СМП, южнокорейские судоходные компании приобрели некоторый опыт мореплавания по этой морской артерии, способной значительно сократить расстояние и продолжительность грузоперевозок между Азией и Европой. С 2013 г. РК несколько раз принимала участие в пилотных проектах использования арктического маршрута, призванных оценить особенности навигации и коммерческую ценность СМП. В 2017 г. южнокорейское судно Hyundai Glovis совершило первый коммерческий рейс, доставивший груз из Европы в Азию по арктическому маршруту вдоль СМП.

Однако южнокорейские компании пока значительно отстают от целого ряда зарубежных судоходных компаний, которые уже активно участвуют в осуществлении морских грузоперевозок по СМП. Так, в 2010–2013 гг. международные перевозки по СМП характеризовались активным участием судоходных компаний Северной Европы: датской Nordic Bulk Carriers, шведской Marinvest и финской Neste Oil Company. С течением времени их активность значительно снизилась, и уже в 2016–2019 гг. 45 % всех международных транзитов по СМП приходилось на китайскую COSCO, за которой следовали немецкие компании с долей 25 % [4, р. 19]. Что касается нетранзитного судоходства, которое остается преобладающей формой перевозок по СМП, то, например, обеспечением грузоперевозок при строительстве завода «Ямал СПГ» (перевозка буровых модулей и другого оборудования) занимались преимущественно европейские компании (из Нидерландов и Германии). Перевозки СПГ с «Ямал СПГ» осуществляются по долгосрочным чартерным контрактам, заключенным между «НОВАТЭК» и тремя компаниями – из Греции (Dynagas), Великобритании (Teekay Shipping LNG) и Японии (Mitsui OSK Lines), создавшими совместные предприятия с китайской COSCO [4, р. 18]. Компании из Греции и Германии транспортируют газовый конденсат из Сабетты.

В контексте развития арктического сотрудничества РК по-своему представляет приоритеты, фокусируясь на развитии совместных научных исследований, промышленном и технологическом партнерстве. Сеул видит большие возможности в расширении технологического партнерства с Россией. При этом технологическое партнерство не ограничивается сферой судостроения, но и включает планы совместного создания зеленой системы независимого энергоснабжения в Арктике, такой как микрогрид (MicroGrid), развития информационно-коммуникационных систем в регионе, применения новых строительных технологий и материалов [2, с. 24]. В 2020 г. стало известно о принятом правительством РК решении о формировании специального фонда для взаимодействия с Россией в области водородной энергетики, первым проектом которого, как ожидается³, будет проект создания в Ямало-Ненецком автономном округе арктической станции «Снежинка» на базе возобновляемых источников энергии и водородной энергетики, без дизельного топлива.

В целом на современном этапе РК занимает осторожную, выжидательную позицию, рассчитывая подключиться к российским арктическим проектам только тогда, когда сопутствующие им финансовые и политические (обусловленные антироссийскими санкциями и напряженностью в отношениях России и Запада) риски будут минимальны. «Зона комфорта» РК в контексте арктического сотрудничества с Россией включает развитие научно-исследовательского сотрудничества, технологического партнерства и выполнение подрядных работ. Большой акцент в арктической политике РК делается на расширении участия в вопросах управления Арктикой, в связи с чем ин-

³ Сеул создает фонд для сотрудничества с РФ в области водородной энергетики // ТАСС. 20.11.2020. URL: <https://tass.ru/politika/10057835> (дата обращения: 09.08.2021).

тенсификация политического диалога по арктической повестке с Россией как крупнейшей арктической державой приобретает особую значимость.

Список литературы

1. Дятел Т. НОВАТЭК получит танкеры из Южной Кореи // Коммерсант. 2020. 15 окт, № 189. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4531018> (дата обращения: 06.08.2021).
2. Ли Сок Пэ. Республика Корея – Россия: сегодняшний день и будущее сотрудничества в Арктике // Арктические ведомости. 2020. № 1(29). С. 18–25.
3. Реутов Д., Черкашин П. Южная Корея и развитие шельфового судостроения на Дальнем Востоке России // РСМД. 2014. 29 апр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnaya-koreya-i-razvitie-shelfovogo-sudostroeniya-na-dalne/> (дата обращения: 01.07.2021).
4. Gunnarsson B., Moe A. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route: Trends and Challenges // Arctic Review on Law and Politics. 2021. Vol. 12. P. 4–30. <https://doi.org/10.23865/arctic.v12.2614>
5. Henriquez C., Jamoussi N., et al. GIIGNL Annual Report. 2021. Available at: https://giignl.org/sites/default/files/PUBLIC_AREA/giignl_2021_annual_report_apr27.pdf (date of access: 10.08.2021).
6. Park Y. K. South Korea's Interests in the Arctic // Asia Policy. 2014. N 18. P. 59–65.
7. Yoon S. A Cooperative Maritime Capacity-Sharing Strategy for the Arctic Region: The South Korean Perspective // Asia and the Arctic. Narratives, Perspectives and Policies / Ed. by Vijay Sakhuja, Kapil Narula. Singapore : Springer Science+Business Media, 2016. P. 49–62.

The Specifics of the Partnership between Russia and the Republic of Korea in the Economic Development of the Arctic

Ya. V. Leksyutina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Since 2013, when the Republic of Korea (ROK) was admitted in the Arctic Council as an observer and issued its first Arctic policy, Seoul has strengthened its engagement in the Arctic and revealed its strong interest in expanding the economic cooperation in the Arctic with Russia. Seeing Arctic cooperation as mutually beneficial and further advancing the bilateral relations, Russia and the ROK have made a number of policy statements on their intentions to develop cooperation in the Arctic. This paper reveals the specifics and current scale of Russia's cooperation with the ROK in the development of the resource base of the Arctic zone of the Russian Federation and the Northern Sea Route.

Keywords: Russia, the Republic of Korea, Arctic, economic cooperation, Northern Sea Route, shipbuilding.

For citation: Leksyutina Ya.V. The Specifics of the Partnership between Russia and the Republic of Korea in the Economic Development of the Arctic. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 7-14. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.7> (in Russian)

References

1. Dyatel T. NOVATEK poluchit tankery iz Yuzhnoy Korei [NOVATEK to receive tankers from South Korea]. *Kommersant* [Kommersant], 2020, vol. 189, 15, Oct. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4531018> (date of access: 06.08.2021). (in Russian)

2. Lee Sok-Bae. Present and future of Korea – Russia: cooperation in the Arctic. *Arctic Herald*, 2020, vol. 1(29), pp. 18-25.
3. Reutov D., Cherkashin P. Yuzhnaya Koreya i razvitie shelfovogo sudostroeniya na Dalnem Vostoke Rossii [South Korea and the development of offshore shipbuilding in the Russian Far East]. *RIAC*, 2014, 29, April. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnaya-koreya-i-razvitie-shelfovogo-sudostroeniya-na-dalne/> (date of access: 01.07.2021). (in Russian)
4. Gunnarsson B., Moe A. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route: Trends and Challenges. *Arctic Review on Law and Politics*, 2021, vol. 12, pp. 4-30. <https://doi.org/10.23865/arctic.v12.2614>.
5. Henriquez C., Jamoussi N., et al. *GIIGNL Annual Report*. 2021. Available at: https://giignl.org/sites/default/files/PUBLIC_AREA/giignl_2021_annual_report_apr27.pdf (date of access: 10.08.2021).
6. Park Y.K. South Korea's Interests in the Arctic. *Asia Policy*, 2014, no. 18, pp. 59-65.
7. Yoon S.A Cooperative Maritime Capacity-Sharing Strategy for the Arctic Region: The South Korean Perspective. *Asia and the Arctic. Narratives, Perspectives and Policies*. Ed. by Vijay Sakhuja, Kapil Narula. Singapore, Springer Science+Business Media, 2016, pp. 49-62.

Лексютин Яна Валерьевна

доктор политических наук,
профессор РАН, профессор, кафедра
американских исследований
Санкт-Петербургский государственный
университет Российская Федерация,
199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9
e-mail: lexyana@ya.ru

Leksyutina Yana Valeryevna

Doctor of Sciences (Political Science),
Professor of RAS, Professor, Department
of American Studies
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg,
199034, Russian Federation
e-mail: lexyana@ya.ru

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.15>

The Survival Strategy of Russia and Korea Focused on Siberia & Arctic

Han Jong-Man

Pai Chai University, Daejeon, Republic of Korea

Abstract. Siberia is a vast expanse of land, water, and air as well as abundance of natural and energy resources, covering a huge area equivalent to one tenth of the total land area of the world, or three-quarters of Russia's total land area. Since 2010 Russia has been strengthening New Eastern Policy, and Energy, Transport and Arctic Strategies in Siberia for balanced development of the land and a new growth area. Currently, South Korean society has multiple obstacles. To solve these problems, South Korean society needs to pay attention to Siberia of Russia, which is geographically adjacent to and historically related with Korea. Including the Russian Arctic Circle, Siberia can be a 'land of opportunity' for the future Korean society providing diverse supplies of energy and resources, strengthening its influence at sea and on the continent, expansion of living space, providing security for overseas bases for food storage, addressing environmental and ecological global issues, setting basis for green growth, promoting the inter-Korean integration and 'soft landing' of the North Korean economy. In conclusion, the future of South Korea, being an island country with poor resources, depends entirely on Siberia. In order to ensure the competitiveness of the Korean economy as well as provide it with resources, energy, and food, the government and companies will urgently need to cooperate with Russia and Siberia and to promote human and material exchanges. The strategic partnership between South Korea and Russia has a great significance. In order to improve relationship in practice, a free-trade zone with Russia or the Eurasia Economic Union should be a priority goal, and South Korea needs strategical investment to secure a foothold in the Advanced Special Economy Zone and the free port area in the Far East for implementation of the 'New Northern' policy.

Keywords: Russia, Korea, Siberia, Arctic, Survival Strategy, cooperation.

For citation: Han Jong-Man. The Survival Strategy of Russia and Korea Focused on Siberia & Arctic. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 15-23. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.15> (in Russian)

1. Introduction

The background of our interest in Siberia coincides with the establishment of diplomatic relations between Korea and Russia (then Soviet Union) in September 1990 and Korea's expansion into the North, which was isolated like an island through the establishment of diplomatic relations in the Eastern Bloc during the dissolution of the Soviet Union.

Geographically, the starting point that separates the East from the West is divided around Novaya Zemlya Island, the Ural Mountains, and the Caucasus

Mountains. Siberia in a broad sense is the Asian region of Russia, which is one-tenth of the world continent and three-quarters of Russia's total area.

In general, West Siberia from the Ob to the Yenisei River, Siberia from the Yenisei to the Lena River, from the Lena River, and from the Amur River to the North Pacific and annexed islands are called the Far East (the Far East in Russian). Siberia in the broad sense of the present administrative structure of the Russian Federation is incorporated into the Urals, Siberia, and the Far Eastern Federal District¹.

From the end of the 16th century, Russia advanced and conquered Siberia. The Urals came under Russian rule in 1581, the Yenisei in 1628, the North Pacific in 1680, and Alaska in 1741. Russia's entry into North America ended when Alaska and most of the Aleutian Islands were sold to the United States in 1867 for \$7.2 million.

Is the vast area of Russia's Siberian/Arctic region a benefit or a detriment to the development plan? A large 'space' has infinite potential for development and at the same time has a dilemma that requires numerous 'space overcoming costs', such as defense, logistics, and social overhead capital facilities. Despite these shortcomings, considering that most economic subjects prefer a 'big house' over a 'small house', there is no doubt that there are more benefits than harm. Most of the northern regions of Siberia/Arctic were not of high value as permafrost, but their value is increasing as the possibility of resource development and use of sea routes (NSR) increases due to global warming and the development of science and technology.

2. The Importance of Siberia and the Russian Arctic

Siberia and the Arctic are one of the few virgin lands remaining on the planet, and are a treasure trove of eight resources [1].

① It is a treasure trove of energy resources (oil, natural gas, coal, hydropower, wind power, geothermal heat, nuclear power, etc.) including all mineral resources on earth, and there is one-third of the world's underground resources. In addition, untapped fossil fuels (especially oil and gas) buried in the Arctic Ocean are thought to be mankind's last treasure.

② It is a water resource reporting area. More than 10,000 rivers have developed, including the Yenisei, Lena, Obi, Amur and Iritysh rivers, which are over 4,000 km long. In particular, 50,000 lakes, including Lake Baikal, which can supply human beings with drinking water for 60 years, account for a fifth of the world's surface freshwater resources. In addition, the economic value of the ice caps, groundwater and tundra permafrost glaciers in the southern region is thought to be infinite.

③ Hydropower potential through numerous rivers also accounts for more than 20 % of the world's hydropower potential.

¹ After Putin's administrative reorganization in 2000, the three federal entities of the Siberian Federal Okrug (Tyumen Oblast, Khanty-Mansi Autonomous Region, and Yamal-Nenets Autonomous Region) were incorporated into the Ural Federal Okrug. In November 2018 Republic of Buryatia and Zabaykalsky krai were incorporated into the Far Eastern Federal Orug. As a result, the number of federal entities in the Siberian Federal Okrug has decreased to 10, and this Federal Okrug's status has weakened compared to the past.

④ Siberian forests, which provide oxygen in the global village, account for more than one-fifth of the world.

⑤ As a treasure trove of aquatic resources, cold-water fish in the East Sea, Okhotsk Sea, Bering Sea and Arctic Sea are the largest fishing grounds in the world.

⑥ Southern Siberia is a treasure trove of huge agricultural resources, including animal husbandry.

⑦ It is a reporting area for ecotourism resources.

⑧ It is an area with high potential for basic science and technology. Examples include the Scientific City of Novosibirsk (Akademgorodok) and its branches.

In addition, Siberia & Russian Arctic has high geoeconomic value that can serve as a bridge between continents (Asia and Europe, for example TSR) or oceans (North Pacific and Atlantic oceans, for example, NSR) by land, sea, and air.

Mikhail Lomonosov, a person who recognized this potential and value, from Arkhangelsk and founder of Moscow State University (MSU), said that “Siberia and the Arctic Ocean provide opportunities for an increase in Russian national wealth and opportunities for great powers”.

At the beginning of the 20th century, Norwegian polar explorer Fridtjof Nansen (1861-1930) called “Northern Siberia of Russia the land of the future”.

In fact, Russia became the world's largest territorial power through Siberia, and created an opportunity for the victorious power in World War II. In the era of Tsarist Russia and the Soviet Union, Siberia not only provided fur and minerals, but also made it possible to become a great agricultural, military and energy power. To this end, when the 3rd President of the Russian Federation was inaugurated in 2012, the 'Ministry of Far Eastern Development'² was established for the first time in Russian history.

In fact, at the National Security Council in April 2014, Putin declared that “the Arctic is traditionally an area of our special interest, where practically all aspects of national security such as military, politics, economy, technology, environment, resources, etc. are concentrated” and “a place that enables a return to a great power” [2].

3. Development status and issues of Siberia and the Arctic.

But why has Russia's Siberian/Arctic development not progressed as expected so far? The reasons for the failure were geographical remoteness, harsh natural environment, and the catastrophic economic situation that occurred in the process of system transition. It is due to the struggle for power and interests of the central government elite (between Siloviki, Oligarch, and Technokrat) in addition to the territory and poor infrastructure. In addition, as local governments and bureaucrats act independently or mafia behavior, illegal economy (fishery, forestry, fuel/resources mafia, etc.) and corruption are rampant, all sectors deteriorate again, causing resource waste, environmental destruction and pollution. The process of becoming a 'vicious cycle' was repeated [2].

² In 2019, this ministry was expanded and reorganized into the Ministry of Far East/Arctic Development.

Is Russian Siberian/Arctic development possible under state control over the next 15 years? It is judged that the question of whether state intervention or control is more effective than the market economy mechanism of the spatial development plan is very difficult. Empirically, it seems that the space development programs of Canada or Australia, the world's second largest territorial power after Russia, are being successfully achieved through market mechanisms rather than state intervention and control.

Canada and Australia were possible because of the British colonial experience, the fact that they were members of the Commonwealth, and border problems, as well as the liberal democracy and market economy inherited from the Anglo-Saxons. Spatial development planning has traditionally been carried out under the leadership of the state due to the centralized governance method, the socialist planned economy of the Soviet era, and the national character and national security of Russians.

If Russia's Siberian/Arctic development project over the next 15 years is led by the state, I wonder if something similar to the failure of the Soviet system will happen. China's spatial development plan is also being successfully implemented, but is it possible to continue to succeed? Can't it be considered that spatial development and social overhead capital facilities require state intervention and intervention for a certain period of time rather than a market economy mechanism?

Considering that today's Russia is a hybrid or state-led economic system rather than the Soviet-style planned economy, I think that it might learn a lesson from the failed experiences of the past Soviet Union.

The current Russian government's Siberia/Arctic development program is similar to Park Chung-hee's development dictatorship model, that is, the state-led strategy of building key industries and infrastructure and then developing economic freedom for the market and the private sector.

The prospects of Vladivostok, Khabarovsk, Irkutsk and Krasnoyarsk in the Russian East like Los Angeles, San Francisco and Chicago in the US are only possible from a long-term perspective. The development of the western region of the United States, especially California since the 1960s, has attracted foreign manpower (Chinatown, Koreatown, Japantown, Indiatown, etc.) as well as the establishment of excellent universities and Silicon Valley comparable to the film industry and Ivy League in the eastern United States. Considering that Russia's Siberia and Arctic have succeeded in the development of 'material social overhead capital' such as energy and logistics, the expansion of educational facilities, R&D facilities and high-tech industries, and the attraction of foreign manpower have been facilitated. There is a need to simultaneously establish 'immaterial social overhead capital' such as institutions and laws.

Considering the success of revolutions and reforms in the US and Great Britain 'from below', but the development experience of Germany and Japan succeeded through reforms "from above," a rise in citizenship was achieved from the bottom up. It is expected that Russia's 'eastern' and 'northern' development will develop as well as that of Germany and Japan.

4. Korea's Survival Strategy and New Northern Policy

Currently, Korean society is highly dependent on imports of energy, resources, and food, increased logistics costs, competition for logistics hubs in Northeast Asia, relatively high level of population density due to small territory, aging, welfare, and polarization (by household/company/industry/region). Future growth engines such as problems, low happiness index among OECD countries, food problems (agriculture/livestock farming/fisheries), disposal of plastic waste, yellow dust, and ecological problems such as fine/ultra-fine dust and carbon dioxide reduction, North Korea's denuclearization problem, etc. There are obstacles to the positive development of future growth engines.

Korea is strongly constrained by the physical space necessary to solve these problems, and the geographical location of the Korean Peninsula and the confrontation between North and South Korea isolates Korean society to the south of the peninsula like an 'island', so that it is a situation that cannot enjoy the benefits as a connecting point of the maritime society [3].

In order to achieve a common denominator between Russia's New Eastern Policy and Korea's New Northern Policy, President Moon Jae-in announced the '9-bridge' strategy between Korea and Russia as the vision of the New Northern Policy at the 3rd Eastern Economic Forum and Korea-Russia Summit in September 2017. announced: 1. Fisheries (fishing ports, logistics, processing facilities), 2. Agriculture (construction of agricultural bases, installation of grain storage facilities (silos), 3. Electricity: North-East Asia, a regional power grid of North and South Korea-China-Mongolia-Japan-Russia) Construction of super grid 4. Railroad (invigoration of TSR transportation and connection of TSR and TKR, 5. Arctic Route (invigorating commercial use of Arctic Route and leading the Arctic Ocean market), 6. Gas (expansion of gas cooperation such as LNG, future connection of gas pipelines between South Korea and Russia), 7 Shipbuilding (construction of ice-breaking LNG carriers for polar migration and construction of shipyards), 8. Ports (construction/modernization of ports in the Far East), 9. Industrial complexes (creation of coastal and coastal industrial complexes).

For short-term projects such as fisheries and agriculture, and for long-term projects such as electricity, railroad, gas, etc., they announced a step-by-step promotion while first establishing a foundation for cooperation through joint research and pilot projects.

The 9-bridge project with Siberia & Arctic also has a 'high risk, high return' structure, so organic cooperation from the government and the private sector is required. Considering that Russia's political and economic system is state capitalism, these projects should be approached in a win-win and comprehensive way from the point of view of reciprocity as state cooperation at the highest level.

In order to revitalize large-scale projects and investments between the two countries, the Republic of Korea agreed to promote bilateral cooperation for regularization and revitalization of high-level summits and inter-state committees ('Korea-Russia Joint Committee on Economic Science and Technology,' 'Korea-Russia Far East and Siberia Subcommittee'). The creation and regularization of working-level meetings will be necessary as follow-up measures to adjust details.

The Russian government and the people of Siberia are sensitive to economic cooperation that is destructive to the environment and exploits resources in the process of external economic cooperation. It should be used as an important means to secure the understanding and support of local people based on 'Corporate Social Responsibility (CSR)' to secure the image of Korean companies as well as the continued possibility of Korea's cooperation with Siberia, especially investment cooperation. In fact, Canadian companies that have invested in the Chukotka gold mine contribute to regional development, and the acquisition of additional gold mine development rights from the Russian side provides many implications [3].

In fact, Siberia is the only region that can supply energy, resources and food to Northeast Asia. In terms of succession, I think it is necessary not only to actively participate in economic cooperation with Russia, especially in the federal purpose program for socio-economic development in the Far East and Baikal, but also to achieve megaton-level projects in South, North Korea and Russia. If the triangular cooperation between South Korea, North Korea, and Russia is activated, it is expected that South and North Koreans and Koreans in the CIS will receive high momentum for human and material exchanges in Siberia.

These projects not only contribute to security and peace on the Korean Peninsula by inducing the possibility of change in North Korea in terms of functionalism, but also promote the revitalization of multilateral councils such as the Six-Party Talks, the possibility of resolving the denuclearization of the Korean Peninsula, and fostering North Korea's openness and reform.

In the future, development of Siberia and the Arctic is expected to develop without cooperation with Korea. The large-scale economic cooperation between Russia and Siberia between the European countries and China, which have strong capital and human networks, and Japan, which has abundant capital, is expected to exert a great influence on the future of the Korean Peninsula.

In conclusion, it is believed that the future of Korea, which is a resource-poor country in the 21st century and lives like an island, depends entirely on Siberia & Arctic. Considering that Korea has relatively many weaknesses in terms of national power, capital, technology, and human networks with Russia compared to Europe, America, China, and Japan, establishment of energy and logistics strategies in the mid- to long-term and establishment and reinforcement of human networks in Russia and Siberia. Of course, I believe that there is a need for a program for nurturing Russian regional experts, including experts related to energy, resources and logistics, organically at the government and private levels.

The strategic partnership between Korea and Russia has great rhetorical significance, and in order to improve the practical relationship, the priority of Korea to conclude an FTA with Russia or the 'Eurasia Economic Union' should be selected as a priority. It is time to make strategic investments to secure a bridgehead in the 'Advanced Special Economy Zone' designated in the Far East and Baikal region and the free port region to materialize the 'Northern' policy.

5. Concluding Remarks

So far, Korea has no record of cooperation in the upstream sector of resource development in the Russian Arctic, and cooperation is only being made in the downstream sector, where oil and gas are imported from Russia. However, it is encouraging that Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (DSME) won all orders for 15 Arc7 LNG carriers in the Yamal LNG project.

In the competition for orders (\$4.45 billion) for 14 transport vessels required for the Arctic LNG-2 project on the Gidan Peninsula to be completed in 2024, Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (to be merged with Hyundai Heavy Industries) is expected to provide an ice-resistant LNG carrier construction experience, timely supply, and technological advantage. It is necessary to take measures to actively participate in this project.

China directly or indirectly participated in the Yamal/Kidan project, expecting to win orders from its own shipbuilding industry, Japan also filed a lawsuit against the WTO in relation to government subsidies for Korea Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering, and Russia also developed nuclear icebreakers and nuclear icebreakers through modernization of the Zvezda shipyard in the Far East. It is setting a goal to build its own ice-resistant tankers and LNG carriers.

However, the Zvezda shipyard located in Bolshoi Kamen, Russia's Far East coastal province, has the potential to cooperate with a Korean shipyard due to a lack of professional manpower, lack of experience in building ice-resistant ships, delay in timely delivery and possible defects, and high ship prices.

Although Korea is not a direct party to economic sanctions from the West, there are problems such as secondary boycotts from the United States and others. At the new northern level, the current government will not only cooperate in the upstream sector in the development of the Russian Arctic, but also provide various types of ships with icebreaking capabilities that Korea has comparative advantage and competitiveness, such as ice-resistant ships (LNG ships, tankers, etc.) (drillship), 'floating crude oil production/storage/offloading equipment (FPSO)', transshipment terminal construction, energy-saving and eco-friendly smart ships, and smart ports are considered to require bold investments.

References

1. Han Jong-Man. V poiskah metodov ekonomicheskogo sotrudnichestva Respubliki Koreya, KNDR i Rossiyskoy Federatsii [In search of methods of economic cooperation of the Republic of Korea, the DPRK and the Russian Federation]. *Hanguk Siberia yongu* [Korean-Siberian Studies], 2006, vol. 8, pp. 159-189. (in Russian)
2. Han Jong-Man. Reosia bukgeukgwon jiyegeseoui jawon/mullyu jeonjaeng: hyeonhwanggwa isyu [The War for Resources and Logistics of Russian Arctic Circle : The Present Conditions and Issues]. *Hanguk Siberia yongu* [Korean-Siberian Studies], 2014, vol. 18, no. 1, pp. 1-33. (in Korean)
3. Han Jong-Man, Kim Joung-Hun, Yi Jae-Hyuk. Definition of Arctic Based on Physical and Human Geographical Division. *KMI International Journal of Maritime Affairs and Fisheries*, 2020, vol. 12, iss. 1, pp. 1-16. <https://doi.org/10.54007/ijmaf.2020.12.1.1>

Стратегия выживания России и Кореи, сфокусированная на Сибири и Арктике

Хан Джонман

Университет Пэджэ, г. Тэджон, Республика Корея

Аннотация. Сибирь богата природными и энергетическими ресурсами, ее богатства составляют в том числе суша, вода и воздух. Сибирь занимает огромную территорию, равную одной десятой общей площади суши мира, трем четвертям площади России. С 2010 г. Россия активизировала новую восточную политику и новые энергетическую, транспортную и арктическую стратегии в Сибири в целях сбалансированного развития территорий и создания новых точек роста. В настоящее время южнокорейское общество сталкивается со множеством препятствий, для преодоления которых ему необходимо обратить внимание на Сибирь, географически примыкающую к Корее и исторически с ней связанную. Сибирь, включая российское Заполярье, может стать «страной возможностей» для будущего корейского общества, обеспечить энергоресурсами, способствовать расширению морского и континентального влияния, жизненного пространства, обеспечить безопасность зарубежных баз для хранения продуктов питания, удовлетворить потребности окружающей среды и экологии, поддерживать основы зеленого роста, продвижение межкорейской интеграции и стратегии «мягкой посадки» для экономики Северной Кореи. Будущее Южной Кореи, островной страны, небогатой на ресурсы, в XXI в. в значительной степени зависит от Сибири. Чтобы сохранить конкурентоспособность корейской экономики, обеспечить ее ресурсами, энергией и продуктами питания, правительству и компаниям будет крайне необходимо налаживать сотрудничество с Россией (Сибирью в том числе), развивать социальные и материальные обмены. Стратегическое партнерство между Южной Кореей и Россией имеет большое значение. В целях укрепления отношений создание зоны свободной торговли с Россией или Евразийским экономическим союзом должно быть приоритетной целью. Южной Корее необходимы стратегические инвестиции для обеспечения плацдарма в зоне передовой специальной экономики и зоне свободного порта на Дальнем Востоке в рамках реализации «Новой северной политики».

Ключевые слова: Россия, Корея, Сибирь, Арктика, стратегия выживания, сотрудничество.

Для цитирования: Хан Джонман. Стратегия выживания России и Кореи, сфокусированная на Сибири и Арктике // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 15–23. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.15>

Список литературы

1. Хан Джонман. В поисках методов экономического сотрудничества Республики Корея, КНДР и Российской Федерации // Хангук сибэриаёнгу = Корейский журнал сибирских исследований / Университет Пэджэ. 2006. Vol. 8. С. 159–189.
2. Хан Джонман. Росиа пуккыквон чйёкесо чавон / мулло чонджэнь: хёнхвангва исю = «Война» за ресурсные и логистические возможности в российской Арктике: нынешнее состояние и проблемы // Хангук сибэриаёнгу = Корейский журнал сибирских исследований / Университет Пэджэ. 2014. Vol. 18, № 1. С. 1–33.
3. Han Jong-Man, Kim Joung-Hun, Yi Jae-Hyuk. Definition of Arctic Based on Physical and Human Geographical Division // KMI International Journal of Maritime Affairs and Fisheries. 2020. Vol.12, Issue 1. P. 1–16. <https://doi.org/10.54007/ijmaf.2020.12.1.1>

Han Jong-Man

*Doctor of Economics, Honorary Professor,
Department of Russian and Central Asian
Studies, Korean Siberian Center
Pai Chai University
155-40, Appenzeller Hall, Baejae-ro, Seo-gu,
Daejeon, 35345, Republic of Korea
e-mail: jmhan@pcu.ac.kr*

Хан Джонман

*доктор экономики, почетный профессор,
кафедра исследований России и
Центральной Азии, Корейско-Сибирский
центр
Университет Пэджэ
Республика Корея, 35345, Тэджон, Со-гу,
Пэджэ-ро, 155-40, Appenzeller Hall, каб. 416
e-mail: jmhan@pcu.ac.kr*

Дата поступления: 30.09.2021

Received: September, 30, 2021

УДК 339.92

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.24>

Сотрудничество стран Северо-Восточной Азии в сфере рыболовства: торговля морепродуктами и обмен квотами

В. С. Акуленко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. Анализируется современное состояние сотрудничества стран Северо-Восточной Азии в области рыболовства по двум основным направлениям: торговля морепродуктами и обмен квотами на их добычу. В целях исследования используются статистические данные, официальные документы и отчеты, а также информационные сообщения российской и зарубежной прессы. Делается вывод, что взаимодействие в области рыболовства между странами Северо-Восточной Азии по указанным направлениям развивается весьма активно, основными его акторами являются Россия, Япония, Южная Корея и Китай, в то время как Монголия и КНДР в силу различных факторов в нем активного участия не принимают.

Ключевые слова: рыболовство, Северо-Восточная Азия, минтай, Россия, Южная Корея, Китай, Япония, КНДР.

Для цитирования: Акуленко В. С. Сотрудничество стран Северо-Восточной Азии в сфере рыболовства: торговля морепродуктами и обмен квотами // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 24–30. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.24>

Еще в середине прошлого века все страны Северо-Восточной Азии (СВА) использовали свои богатейшие «природные морские биологические ресурсы в качестве одного из локомотивов развития собственной экономики и источника иностранной валюты. Однако постепенно вместе с развитием внутренних рынков и более глубокой переработки РК, КНР и Япония начали ввозить все больше морепродуктов для внутреннего потребления и создания продуктов с высокой добавочной стоимостью» [1]. В то же время рыбное хозяйство на Дальнем Востоке РФ, непосредственно расположенном в данном регионе, продолжило развиваться в сторону преимущественного экспорта сырья, а КНДР столкнулась с глубочайшим кризисом, приведшим к деградации не только рыбного хозяйства, но и всей экономики. Эти процессы не могли не повлиять на сотрудничество стран региона в области рыболовства.

Еще одно государство, традиционно включаемое в регион СВА, – Монголия в силу отсутствия выхода к морю и неразвитости как самого рыболовства, так и традиции потребления рыбы в целом не может быть рассмотрена в данной работе. Тайвань, являющийся частью СВА, также останется за рамками нашего исследования прежде всего из-за признания Россией его в качестве неотъемлемой части Китая и вытекающих из его статуса проблем с поиском достоверной статистической и прочей информации.

Взаимодействие между странами в области рыболовства будет рассмотрено по двум основным направлениям: торговля (сырьем и продуктами переработки) и наделение и обмен квотами.

Четыре из семи входящих в СВА стран являются крупными производителями морепродуктов в мире. В Китае в 2018 г. было произведено 62,207 млн т морепродуктов, в России – 5,308 млн, в Японии – 3,774 млн, в Республике Корея – 1,905 млн т [3]. При этом Китай (4,398 млн т) наряду с Южной Кореей (1,866 млн т) и Японией (3,505 млн т) входит в десятку крупнейших импортеров морепродуктов (их совокупная доля на мировом рынке составляет 22 %), являясь к тому же крупнейшим их экспортером (8,171 млн т) с долей в 14 % на мировом рынке. Россия также является крупным экспортером рыбы – 2,522 млн т (2018 г.), ее особенностью являются преимущественные поставки за рубеж рыбы, добытой в естественной среде. Что касается КНДР, то, по имеющимся данным, общее производство морепродуктов в этом государстве (включая аквакультуру) в 2018 г. составило около 1 млн т, 553 тыс. из которых – водоросли [3]. Таким образом, «регион СВА является не только крупным производителем рыбы, но и ее потребителем, что создает важное условие для развития взаимодействия в области рыболовства» [1].

Сотрудничество между странами СВА в области торговли морепродуктами (сырьем и продуктами переработки) является одним из важнейших аспектов регионального взаимодействия в области рыболовства. Стоит отметить, что, даже исходя из уже озвученных выше цифр, можно сделать простой вывод о том, что среди рассматриваемых в данной работе стран Россия занимает место экспортера сырья, а Китай, Южная Корея и Япония являются его потребителями и переработчиками. Наиболее показателен в этом плане пример с минтаем, который на протяжении многих лет остается одним из важнейших рыбопромысловых ресурсов на планете. Общий улов этого ценного промыслового ресурса в 2018 г. достиг 3,397 млн т [3]. Добытый в 2019 г. российскими рыбаками минтай, чаще в замороженном виде, был экспортирован в основном в две страны – Китай (641 890,6 т) и Южную Корею (127 043,906 т). При этом общий экспорт минтая в замороженном виде из нашей страны в 2019 г. составил 786 045,094 т общей стоимостью 985 022 165 долл. [4].

В Южной Корее российский минтай проходит глубокую переработку и потребляется населением страны. В Китае же из него делают филе и реэкспортируют в Германию (123 089,7 т, 374 368 142 долл.), США (28 341,294 т, 81 512 008 долл.), Великобританию (17 842,101 т, 57 066 337 долл.), Францию (17 678,38 т, 55 969 310 долл.), Республику Корея (17 604,612 т, 49 426 560 долл.) и еще целый ряд стран, включая саму Россию, – всего 265 471,873 т общей стоимостью 799 700 601 долл. Для сравнения, из самой России на экспорт в том же году было направлено всего 45 443,474 т филе минтая общей стоимостью 135 916 161 долл., т. е. приблизительно в 6 раз меньше [4]. «Пример минтая очень показателен для раскрытия взаимодействия стран СВА в области торговли морепродуктами и продуктами их пе-

переработки. Китай выступает в регионе не только как крупный производитель и потребитель морепродуктов, но и как ведущий перерабатывающий центр. Россия в этой структуре занимает место поставщика сырья, а Япония с Южной Кореей занимаются добычей или импортом морепродуктов для более глубокой переработки и потребления» [1].

В структуре торговли морепродуктами между странами СВА (табл.) главными рынками сбыта морепродуктов для России примерно в равной доле являются КНР и РК, для КНР – Япония и РК, для РК – Япония и КНР, а для Японии – КНР. Что касается КНДР, то главным торговым партнером [Там же] для нее была и остается КНР.

Таблица

Торговля морепродуктами между странами СВА
(в тыс. долл. США)

Импортёр Экспортёр	Россия	КНР	РК	КНДР	Япония
Россия	X	1 687 585	1 484 643	109	287 322
КНР	231 594	X	1 387 797	55 666	2 041 476
РК	9187	321 707	X	X	466 590
КНДР	X	X	X	X	X
Япония	12 457	370 239	119 847	X	X

Примечание. Составлено по [4].

Кроме торговли, еще одним важнейшим аспектом двустороннего сотрудничества стран СВА в области рыбного хозяйства является наделение и обмен квотами на промысел морских гидробионтов. Близость акваторий стран СВА, сезонная миграция рыб и истощение рыбопромысловых угодий вынуждают страны договариваться друг с другом о доступе в акваторию. Можно выделить два вида взаимодействия в данной сфере: наделение квотами на добычу морских биологических ресурсов (МБР) за установленную плату и обмен квотами. Сотрудничество в данной сфере является предметом обсуждения во время заседаний двусторонних комиссий по рыболовству, проходящих ежегодно. Отношения между странами в области рыболовства и наделения квотами регулируются специальными двусторонними соглашениями.

К примеру, в 2021 г. по итогам 30-й сессии Российско-корейской комиссии по рыбному хозяйству южнокорейские рыбаки получили возможность добыть в исключительной экономической зоне Российской Федерации 28,4 тыс. т минтая, 5,05 тыс. т трески, 3 тыс. т сайры, 4 тыс. т кальмара и еще 810 т прочих видов рыб – всего 41,26 тыс. т морских биоресурсов. В российские воды получили доступ 75 южнокорейских рыболовных судов: 3 – на промысел минтая, 2 – трески, 10 – сайры и 60 – кальмара¹. Япония по результатам заседания 37-й сессии Российско-японской смешанной комиссии по рыбному хозяйству была передана квота на промысел лососевых –

¹ 올해 러시아 수역 어획할당량, 최근 5년 내 최대치 확보 = Объемы квот в российской акватории в нынешнем году, крупнейшие за последние 5 лет. URL: <https://www.mof.go.kr/article/view.do?menuKey=971&boardKey=10&articleKey=30508> (дата обращения: 10.09.2021).

нерки, кеты, горбуши, кижуча и чавычи – массой 2050 т². Актуальных сведений о выделении квоты на промысел Китаю и КНДР на 2021 г. автор обнаружить не смог, однако в прошлом Китай получал право на промысел кальмара и минтая³. Что касается КНДР, то, как заявил чрезвычайный и полномочный посол России в КНДР А. Мацегора в конце 2019 г., их Пхеньян не получит, пока не наведет порядок со своими браконьерами⁴. Впрочем, до этого Россия и КНДР обменивались квотами. Так, в 2016 г. российские рыбаки получили право на промысел 14,9 тыс. т гидробионтов – краба, скумбрии, сардины, анчоуса, сайры, кальмара, рыбы фугу, а северокорейские рыбаки – на 12,4 тыс. т сайры, кальмара и анчоуса⁵.

В последнее время темой для активного обсуждения стала якобы имевшая место продажа КНДР квот на промысел в своих водах китайским рыбакам. Первоначально китайские рыбаки вели промысел в приграничных водах Желтого моря. Однако согласно заключенному между КНР и КНДР в 2004 г. соглашению китайские рыбаки получили доступ к рыболовным площадкам и в Японском (Восточном) море. Еще в 2016 г. число китайских судов, ведущих промысел в северокорейской акватории, достигало около 2,5 тыс.⁶ Анализ спутниковых снимков, сделанных PlanetScope в 2017 и 2018 гг., показал, что в 2017 г. промысел вели как минимум 796 так называемых парных (близнецовых) траулеров, а в 2018 г. – 588 [2]. Эти суда рыбачат в северокорейских водах незаконно, так как Резолюция Совета Безопасности ООН 2371 полностью запрещает КНДР не только экспорт морепродуктов, но и продажу прав на их промысел.

Республика Корея активно взаимодействует в вопросе наделения квотами не только с Россией, но и с Китаем, и до недавнего времени с Японией. Между КНР и РК налажен обоюдный обмен квотами в исключительной экономической зоне, хотя большую часть лимитов все же получает Китай. По итогам заседания 20-й сессии Китайско-корейской комиссии по рыбному хозяйству стороны договорились об обмене квотами на 2021 г. в размере 56,75 тыс. т и передаче разрешения на промысел для 1350 судов на паритетной основе⁷. С Японией у Южной Кореи до 2016 г. также был налажен обоюдный обмен квотами, однако уже пятый год стороны не могут договориться

² Приказ Федерального агентства по рыболовству от 30 апреля 2021 г. № 261 // Гарант : справочная правовая система. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400678256> (дата обращения: 10.09.2021).

³ Китайские браконьеры «крадут» кальмар у рыбаков Южной Кореи // Fish News. URL: <https://fishnews.ru/news/23182> (дата обращения: 10.09.2021).

⁴ РФ не выдаст КНДР квоты на рыболовство до решения проблем с браконьерами // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/687973> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ О 29-й сессии Российско-корейской смешанной комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства // Посольство России в КНДР. URL: <http://www.rusembdprk.ru/ru/posolstvo/novosti-posolstva/286-o-29-j-sessii-rossijsko-korejskoj-smeshanno-komissii-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-rybnogo-khozyajstva> (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ 북한, 중국에 동해 NLL 조업권도 팔아...통치자금 충당 목적 = КНДР продала Китаю право на промысел в Восточном (Японском) море... с целью получения средств для режима. URL: <https://www.voakorea.com/a/3460013.html> (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ 한·중 양국어선의 조업조건 및 입어절차 = Условия промысла и процедуры доступа корейских и китайских судов. URL: <https://www.mof.go.kr/article/view.do?articleKey=38314&boardKey=2¤tPageNo=1> (дата обращения: 10.09.2021).

ся об условиях ведения промысла в территориальных водах друг друга⁸. Вопрос двусторонних отношений в области рыболовства еще более обострился после того, как ВТО в апреле 2019 г. поддержала южнокорейский запрет на импорт ряда японских морепродуктов, введенный после катастрофы на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г.⁹ С другим своим соседом – КНДР Южная Корея квотами не обменивается, однако в 2018 г., после начала нового сближения двух государств, в Сеуле всерьез начали строить планы о замещении своими судами китайских рыбаков в акватории Японского (Восточного) моря¹⁰.

Отношения между КНР и Японией также регулируются на основе ежегодных встреч, на которых обсуждаются обоюдные квоты на промысел. Интересы двух стран пересекаются в акватории Желтого и Восточно-Китайского морей, а также осложнены темой Тайваня, с которым Япония тоже имеет сложные, но продуктивные отношения в области рыболовства, и территориальным спором вокруг архипелага Сенкаку (кит. Дяоюйдао).

Стоит отметить, что иногда вопрос наделения квотой используется в отношениях между странами СВА в качестве меры давления. К примеру, осенью 2012 г. Россия пригрозила лишить РК и Японию квоты на промысел в своих водах в связи с проблемой импорта незаконно добытого российского краба¹¹. А Япония, как уже было отмечено выше, пользуется вопросом наделения квот для того, чтобы добиться от Южной Кореи снятия ограничений на допуск своей продукции на южнокорейский рынок. Возможно, совсем недавно мог появиться и обратный прецедент. В конце лета ходили упорные слухи о давлении со стороны КНР на Россию с целью выделения квоты на промысел минтая. В качестве ответного жеста российским рыбакам должны были упростить доступ на китайский рынок, в значительной степени усложнившийся в период пандемии из-за введенных Китаем ограничений¹².

В соответствии с вышеизложенным можно констатировать, что все рассматриваемые в данной работе страны СВА активно взаимодействуют друг с другом в вопросе наделения квотами на промысел. Такое взаимодействие является естественным для стран, имеющих общие или близкие границы, в условиях сезонной миграции рыбы. В то же время такие страны, как Китай, Южная Корея и Япония, заинтересованы в получении более широкого доступа к рыболовным ресурсам России и КНДР. Россия готова предоставлять такое право, хотя в последнее время существует тенденция к со-

⁸ 한일어업협상 중단 5 년째...생사 건 원거리 조업 = О приостановке японо-корейских переговоров по рыболовству на 5 лет... промысел на расстоянии стал вопросом жизни и смерти. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=5095445> (дата обращения: 10.09.2021).

⁹ WTO upholds South Korea ban on some Japan seafood imports over Fukushima nuclear disaster. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/04/12/national/appeal-wto-upholds-seouls-import-curbs-japan-seafood-fukushima-nuclear-disaster> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁰ Южная Корея хочет заместить китайцев в водах КНДР // Fish News. URL: <https://fishnews.ru/news/33747> (дата обращения: 10.09.2021).

¹¹ Россия может лишить Японию и Южную Корею квот на вылов рыбы // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/271275> (дата обращения: 10.09.2021).

¹² Эксперты увидели риск давления Китая на Россию из-за поставок минтая // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/08/2021/61164dd09a794751d6d95bcc> (дата обращения: 10.09.2021).

кращению предоставляемой квоты. КНДР права выдавать квоты лишилась из-за наложенных на нее санкций.

Таким образом, взаимодействие «между странами СВА в области торговли морепродуктами, а также обмена и передачи квот на промысел проходит весьма активно. Основными акторами являются Россия, Япония, Южная Корея и Китай. Монголия в силу своей удаленности от морского побережья и неразвитости как самой отрасли, так и потребления рыбы и морепродуктов, не принимает активного участия в данном взаимодействии. Тайвань, несмотря на развитость собственного рыболовного флота, не может быть рассмотрен в данной работе из-за своего международного статуса. В то же время на КНДР, стремящуюся к взаимодействию с другими странами СВА в данном направлении, наложены международные ограничения, запрещающие ей торговать морепродуктами или предоставлять квоты на их промысел в своей исключительной экономической зоне другим странам» [1].

Россия остается крупнейшим поставщиком сырья в СВА, экспортируя его на рынки КНР, РК и Японии. Продуктами экспорта чаще всего выступают краб, минтай и лососевые. КНР является крупнейшим производителем и потребителем морепродуктов в мире. Поставленное из Российской Федерации сырье здесь потребляется местным населением либо перерабатывается для реэкспорта в третьи страны, в том числе и в саму Россию. РК и Япония занимаются более глубокой переработкой сырья или продуктов первоначальной переработки из России и Китая. КНДР, к сожалению, в данный момент не может развивать взаимодействие с другими странами региона в области рыболовства из-за санкций ООН.

Список литературы

1. Акуленко В. С. К вопросу формирования рыбоперерабатывающего центра на стыке границ РФ, КНР и КНДР // Актуальные проблемы востоковедения : материалы IX науч.-практ. конф. по востоковедению / И. Н. Гущина (отв. ред.) [и др.]. Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2020. С. 186–193.
2. Illuminating dark fishing fleets in North Korea / Park Jaeyoon [et al.] // Science Advances. Vol 6, Iss. 30. <https://doi.org/10.1126/sciadv.abb1197> URL: <https://advances.sciencemag.org/content/6/30/eabb1197> (дата обращения: 10.09.2021)
3. The State of World Fisheries and Aquaculture 2020. Sustainability in action. Rome : FAO, 2020. 224 p. <https://doi.org/https://doi.org/10.4060/ca9229en>
4. UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org/data> (дата обращения: 10.09.2021).

Cooperation in Fisheries in Northeast Asia: Seafood Trade and Fishing Quotas Exchange

V. S. Akulenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. This paper is concerned with the analysis of the current state of cooperation in the field of fisheries in the NEA region in two main areas: seafood trade and the exchange of fishing quotas. The author analyzed three types of sources: statistical data, documents and reports

of official institutions and data collected from the news agencies archives. The author has come to the conclusion that cooperation in the field of fisheries between the Northeast Asia countries in these areas is developing very actively. The main actors are Russia, Japan, South Korea and China, while Mongolia and the DPRK, due to various factors, do not actively participate in it. Taiwan's participation in this interaction has not been considered due to lack of reliable information from the sources available to the author. Within the framework of the current model of interaction in this area in the Northeast Asia, Russia remains to be the largest supplier of raw materials; China is a major producer and consumer of seafood, while South Korea and Japan are engaged in advanced processing of raw materials or products from Russia and China of primary processing. In the domestic markets of South Korea and Japan there is a great demand for seafood. Unfortunately, because of the sanctions of the UN Security Council DPRK cannot realize its potential in the field of cooperation in fisheries to the full.

Keywords: fisheries, Northeast Asia, pollock, Russia, South Korea, China, Japan, DPRK.

For citation: Akulenko V.S. Cooperation in Fisheries in Northeast Asia: Seafood Trade and Fishing Quotas Exchange. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 24-30. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.24> (in Russian)

References

1. Akulenko V.S. K voprosu formirovaniya ryboprerabatyvayushchego tsentra na styke granits RF, KNR i KNDR [Formation of the Fish Processing Center at the Junction of the Borders of the Russian Federation, the PRC and the DPRK]. *Aktualnye problemy vostokovedeniya* [Actual problems of oriental studies]. Proc. of the 9th Intern. Sci. and Pract. Conf. Khabarovsk, Pacific National University Publ., 2020. pp. 186-193. (in Russian)
2. Park Jaeyoon et al. Illuminating dark fishing fleets in North Korea. *Science Advances*, vol. 6, iss. 30. Available at: <https://advances.sciencemag.org/content/6/30/eabb1197> <https://doi.org/10.1126/sciadv.abb1197> (date of access: 10.09.2021)
3. *The State of World Fisheries and Aquaculture 2020*. Sustainability in action. Rome, FAO, 2020 6 224 p. <https://doi.org/10.4060/ca9229en>
4. UN Comtrade Database. Available at: <https://comtrade.un.org/data> (date of access: 10.09.2021).

Акуленко Вадим Сергеевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра корееведения
Восточный институт – Школа
региональных и международных
исследований
Дальневосточный федеральный
университет
Российская Федерация, 690922,
г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс,
10-D360
e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru,
vakulenco@mail.ru

Akulenko Vadim Sergeevich

Candidate of Sciences (History), Senior
Lecturer, Department of Korean Studies,
Oriental Institute-School of Regional and
International Studies
Far Eastern Federal University
10-D360, Ayaks settlement, Ostrov Russky,
Vladivostok, 690922, Russian Federation
e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru,
vakulenco@mail.ru

Дата поступления: 30.09.2021

Received: September, 30, 2021

УДК 341.018

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.31>

О безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона в свете проблемы Корейского полуострова

Ю. В. Самович

*Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Анализируются вопросы безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона, актуальность которых обуславливается реализуемой КНДР ядерной программой. Ситуация осложняется противостоянием других заинтересованных участников, преследующих собственные интересы, прежде всего США и Китая. Отмечается существенное влияние на процесс позиции России в отношении как ядерной проблемы Корейского полуострова в частности, так и региональной безопасности в целом.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, безопасность, Корейский полуостров, нераспространение ядерного оружия, региональное партнерство.

Для цитирования: Самович Ю. В. О безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона в свете проблемы Корейского полуострова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 31–37. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.31>

Вопросы, связанные с безопасностью Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в конце XX и начале XXI в. в основном были сосредоточены на экономической стабильности национального уровня каждого государства и региона в целом, что являлось основной составляющей формирования выигрышных условий для вложения иностранных средств в национальные экономики с целью реализации необходимых преобразований для подъема и позитивных изменений стран АТР.

Интерес к странам АТР репрезентируется растущими объемами поступающих в АТР прямых иностранных инвестиций. Это один из ключевых макроэкономических показателей, характеризующих развитие стран и регионов, демонстрирующий основательный и длительный финансовый профит зарубежных трейдеров на территории региона.

Особого удивления этот факт не вызывает – Азиатско-Тихоокеанский регион является точкой соприкосновения геостратегических интересов крупнейших стран мира, которые за счет вложений в него, расширения сфер сотрудничества либо совместной работы в региональных объединениях стремятся восполнить собственный интерес в сфере влияния на территории, ресурсы или зоны интересов. Именно здесь разворачивается главная конкурентная борьба крупнейших транснациональных корпораций, реализуются крупные проекты в тяжелой промышленности, электронике, биоинженерии, металлургии, транспорте, машиностроении, энергетике. Центр тяжести ми-

ровой экономики, по мнению аналитиков, перемещается с Запада на Восток, удельный вес стран Азии (и в первую очередь КНР) в мировом производстве растет. Темпы прироста экономических показателей этого наиболее динамично развивающегося региона ежегодно оцениваются более чем в 5 %. Многие международные компании объявили этот рынок приоритетным направлением [1, с. 6].

Тем не менее перманентные региональные столкновения и существование узлового деструктивного элемента в виде конфронтации на Корейском полуострове и северокорейской ядерной угрозы вынуждают обсуждать безопасность региона в ином ракурсе. В последние три десятилетия проблема урегулирования «ядерного» вопроса на Корейском полуострове относится к постоянным трендам во время встреч российских официальных лиц с представителями крупнейших великих держав и в международных организациях.

Окончание войны между Северной и Южной Кореей (1950–1953 гг.) для последней завершается подписанием с США Договора о совместной обороне, предполагающего взаимную помощь от возможных нападков общего врага и, как следствие, дислокацию в Южной Корее американского военного контингента. Территория Республики Корея urgently приобретает статус важного стратегического пункта в регионе. В настоящий момент в Южной Корее размещены 28 500 вооруженных последними новинками военной техники американцев. С учетом перманентного стремления разместить также ядерные средства среднего радиуса действия (хотя Юго-Восточная Азия и объявлена безъядерной зоной¹) США позиционирует Южную Корею как геополитический центр мирового военно-стратегического значения и постоянного столкновения интересов четырех крупнейших мировых держав – СССР, Китая, США и Японии [4, с. 99].

Первоначально вопрос безопасности Корейского полуострова возник как дериват на потенциально возможное очередное столкновение основных мировых акторов и стран АТР, сопровождаемое необходимостью разрешения проблемы нераспространения ядерного оружия. 10 января 2003 г., уведомив все страны, входящие в Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., Северная Корея официально объявила об окончательной односторонней денонсации. С этого момента ядерная программа КНДР, направленная на строительство АЭС, постепенно трансформировалась в возведение реакторов с возможностью выработки оружейного плутония (по мнению специалистов, второй газографитовый ядерный реактор в Йонбёне стал основой для наработки оружейного плутония)².

По предложению КНДР были начаты шестисторонние переговоры, участие в которых приняли представители США, КНДР, КНР, Республики Корея, РФ и Японии. Потенциально предполагалось дальнейшее продвижение в сторону создания региональной системы безопасности в Восточной

¹ Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор) 1995 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml (дата обращения: 25.08.2021).

² Ядерная программа КНДР. Досье // ТАСС. 09.01.2018. URL: <https://tass.ru/info/4862173> (дата обращения: 25.08.2021).

Азии (такое мнение высказывалось многими политиками). Россия тогда выступила с предложением о «пакетном решении», предусматривавшем компромисс в виде отказа от дальнейшей разработки ядерного оружия со стороны Северной Кореи за обеспечение ей безопасности и финансовой помощи. В общей сложности было проведено шесть раундов, после которых КНДР сделала заявление об очевидной их регрессивности.

10 февраля 2005 г. КНДР впервые признает создание собственного ядерного оружия, «предназначенного исключительно для самообороны и сдерживания»³.

Параллельно, в рамках продолжающихся шестисторонних переговоров, согласовываются основные принципы отношений между странами региона и разрабатывается документ о принципах денуклеаризации – совместное заявление от 19 сентября 2005 г. Рабочую группу по выработке механизма поддержания мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, создание которой оговаривалось в Заявлении, возглавила Россия⁴.

Стоит отметить, что правительство КНДР на протяжении всего периода «напряженности» не делает необдуманных «резких» движений – оно обосновывает свои действия традиционными аргументами о праве на мирное использование атомной энергии и говорит о планах нормализации отношений с Японией (чему не суждено сбыться, по крайней мере в ближайшие годы).

В октябре 2006 г. Пхеньян провел первый подземный взрыв ядерного устройства. 14 октября 2006 г. Совет Безопасности ООН принимает резолюцию, которая в п. 8 (a-ii) обязывает все государства принять меры «для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи КНДР – со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом – независимо от страны происхождения: всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, указанных в списках в документах S /2006/814 и S /2006/815, если в течение 14 дней после принятия настоящей резолюции Комитет не изменит или не доработает их положения, учитывая также список в документе S /2006/816, равно как и других предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, определенных Советом Безопасности или Комитетом, которые могли бы содействовать осуществлению программ КНДР, связанных с ядерным оружием, баллистическими ракетами или другими видами оружия массового уничтожения»⁵. В 2008 г. КНДР вышла из шестисторонних переговоров и процесс урегулирования начал носить спорадический характер, зависящий в основном от «испытательной» активности Пхеньяна.

На самом деле очень сложно говорить о реальной подоплеке происходящих на Корейском полуострове событий и роли участвующих лиц. В частности, наряду с традиционными обвинениями КНДР в «имперских ам-

³ Ядерная программа КНДР. Досье ...

⁴ Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. Справка // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20110824/422914168.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁵ Резолюция 1718 (2006) Совета Безопасности ООН от 14.10.2006. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902132992> (дата обращения: 25.08.2021).

бициях» и жажде захвата РК все чаще говорят об обоснованном расчете ощутимой выгоды со стороны как Северной Кореи, так и США.

Так, существуют позиции, обосновывающие, что КНДР рассматривала ядерную программу как средство получения от Соединенных Штатов финансовой помощи и гарантий безопасности – в конце концов сложно поверить, что США пропустили создание КНДР атомной промышленности и ядерного оружия. Однако, если принять во внимание крайнюю важность американского военного присутствия на юге для Китая, все становится на свои места [2].

Если раньше важность разрешения корейского вопроса была объективно обусловлена безопасностью полуострова и очередным столкновением с глобальной проблемой нераспространения ядерного оружия, то в настоящее время (особенно после явного провала обещаний Д. Трампа в адрес КНДР на встрече с Ким Чен Ыном в 2019 г.) США не имеют успеха с предложениями по самостоятельному разрешению корейского кризиса, сталкиваясь с нежеланием КНДР идти на контакт и с тем фактом, что трактовки «глобального управления» России и Китая явно не совпадают с пониманием этого явления США. Несдержанность США осложняет их взаимоотношения с Республикой Корея.

Толчком к началу реализации политики В. В. Путина «разворот на Восток» стали экономические проблемы (мировой финансовый кризис 2008 г. затронул практически всех) и обострение отношений с некоторыми странами, входившими в качестве союзных республик в состав бывшего СССР (вторжение Грузии в 2008 г., кризис на Украине в 2013–2014 гг. и др.). Положительным фактором для начала успешной реализации «разворота» стала инициатива «Новой северной политики», которую в сентябре 2017 г. на площадке III Восточного экономического форума озвучил президент Республики Корея Мун Чжэ Ин.

В настоящее время Москва и Сеул относят себя к стратегическим партнерам, причем, как отмечают послы обеих стран, «взаимодействие между нашими странами базируется на общности долгосрочных стратегических интересов и характеризуется высоким уровнем взаимопонимания и доверия»⁶.

Продолжение тесных отношений с Россией для содействия денуклеаризации и установления постоянного мира на Корейском полуострове чрезвычайный и полномочный посол Республики Корея в России Ли Сок Пэ считает одной из важнейших задач, стоящих перед посольством⁷.

В вопросе урегулирования конфликтной ситуации между Северной и Южной Кореей Россия как один из лидеров международного сообщества

⁶ Интервью Посла Российской Федерации в Республике Корея А. Б. Кулика // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Республике Корея. URL: https://korea-seoul.mid.ru/press-relizy/-/asset_publisher/VNxfNqhYTp3/content/interv-u-posla?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fkorea-seoul.mid.ru%3A443%2Fpress-relizy%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_VNxfNqhYTp3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1 (дата обращения: 25.08.2021).

⁷ Приветственное слово Посла Республики Корея в Российской Федерации Ли Сок Пэ // Официальный сайт Посольства Республики Корея в Российской Федерации. URL: https://overseas.mofa.go.kr/ru-ru/wpage/m_7322/contents.do (дата обращения: 25.08.2021).

демонстрирует себя конструктивным и ответственным внешнеполитическим партнером, чье участие необходимо для разрешения одного из опасных кризисов. Официальная позиция России по данному вопросу заключается в поддержке денуклеаризации Корейского полуострова – Россия не признает ядерный статус КНДР, придерживаясь позиции четкого соблюдения норм международного права (в частности, режима нераспространения ядерного оружия).

Республика Корея на протяжении долгого времени пытается искать пути преодоления военно-политической нестабильности на Корейском полуострове. В 2013 г. обсуждение вопросов безопасности было совмещено с представлением Евразийской инициативы, в основе которой реализация масштабных логистических и энергетических проектов.

Корейский полуостров сегодня является зоной столкновения многих игроков Азиатско-Тихоокеанского региона с пересекающимися и взаимоисключающими интересами, таких как США, Китай, Россия, а также других государств, например Японии и стран АСЕАН. Выражая заинтересованность в урегулировании корейской проблемы, Россия демонстрирует странам АТР конкретные шаги по воплощению своего «поворота на Восток» и желание активно способствовать региональной безопасности и экономической политике взаимовыгодного сотрудничества.

Разумеется, неразрешенная ситуация в регионе наносит урон политическим и экономическим связям государств и их отношениям с другими странами мира. Тем не менее основная угроза – потенциальная возможность применения ядерного оружия.

Сегодняшняя ситуация – логичное следствие ненадолго прекращенной и вновь начавшейся холодной войны. В период распада СССР отозвал все свои оборонительные обязательства перед КНДР, что заставило ее принимать меры обеспечения безопасности своими силами.

К сожалению, обострение проблем вокруг полуострова обусловлено не только интересами живущих на нем, но и противоборством двух наиболее заинтересованных игроков – США и Китая.

Супремасизм США по удержанию лидерства в АТР и подкрепленное мощными амбициями резко противоположное мнение Китая на внешнеполитической арене приводят на деле к очень серьезным последствиям. Еще летом 2015 г. в опубликованной Национальной военной стратегии США Китай, КНДР и Россия фигурируют как предполагаемые противники, а Япония и Южная Корея – как союзники. Соответственно, международное сообщество начинает воспринимать Восточную Азию как два противоборствующих лагеря (несмотря на трюизм взаимной нелюбви союзников) [3, с. 95].

Основой политики России в отношениях с другими странами, включая АТР, является стремление к балансу сил: субъекты регионального взаимодействия должны обладать фактическими равными возможностями, что как минимум предполагает существование различных позиций, но исключает вариант наделения одних слишком большими привилегиями и изоляции других. Многополярный мир должен существовать на основе учета интересов

и компромиссов, а не абсолютного превосходства одного государства над остальными вне зависимости от того, кто бы хотел себя видеть на этом месте.

Главной целью политики Москвы в этом регионе является усиление региональной безопасности в рамках многосторонней схемы, учет мнения всех партнеров. Развитие Дальнего Востока России, активное включение России в деятельность АТР, расширение сотрудничества с Южной Кореей, Северной Кореей и Японией – все это соответствует самому широкому видению многополярности России, как глобальному, так и региональному.

Политика России в рамках установления корейского детанта имеет не только региональное, но и глобальное измерение, поскольку относится к проблеме нераспространения ядерного оружия в мировом масштабе.

Встречи, проведенные министром иностранных дел России С. В. Лавровым в марте 2021 г. в рамках визита в Южную Корею, продемонстрировали единство Москвы и Сеула в вопросе установления прочного мира и полной денуклеаризации Корейского полуострова, а также неизменную поддержку в укреплении межкорейских отношений и мирного процесса на Корейском полуострове. Москва и Сеул «сохраняют приверженность скорейшему возобновлению переговорного процесса вовлеченными сторонами в интересах прочного урегулирования всего комплекса проблем этого региона» [5].

Современный мир непрочен. Он ежедневно подвергается новым испытаниям в виде пандемий, роста ксенофобии и ненависти, невозможности доступа к правдивой информации и целенаправленного создания образа врага. В этой ситуации международному сообществу крайне необходимы спокойствие и возможность выстраивания отношений с партнерами самостоятельно, без откровенного солипсизма сверху, но с соблюдением основных принципов международного права, один из которых – суверенное равенство государств.

Список литературы

1. *Агапова А. В., Баранова Н. Р.* Анализ показателей социально-экономического развития ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой экономике // Бюллетень инновационных технологий. 2021. Т. 5, № 2 (18). С. 5–14.
2. *Дель Валь А.* Северная Корея: двойная игра США? (Atlantico, Франция) // inoSMI.Ru. URL: <http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html> (дата обращения: 25.08.2021).
3. *Ланцова И. С.* Инициатива Президента Республики Корея Пак Сынхе и проблема институционализации сотрудничества в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 4 (13) С. 91–95.
4. *Лицарева Е. Ю.* Проблема Корейского полуострова с позиций региональной безопасности. Кризис 2013 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 99–103.
5. *Павленко В.* Лавров в Сеуле: стратегический диалог России и Южной Кореи. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3225479.html> (дата обращения: 25.08.2021).

On the Security of the Asia-Pacific Region in the Light of the Security Problem of the Korean Peninsula

Y. V. Samovich

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

Abstract. The security issues of the Asia-Pacific region have been analyzed against the background of the ongoing situation with the nuclear program being conducted in the DPRK. The situation is complicated by the confrontation of other stakeholders pursuing their own interests, primarily the United States and China. Russia's position on the nuclear issue in the Korean peninsula and regional security in general also has a significant impact on the process.

Keywords: Asia-Pacific region, security, Korean peninsula, nuclear non-proliferation, regional partnership.

For citation: Samovich Y.V. On the Security of the Asia-Pacific Region in the Light of the Security Problem of the Korean Peninsula. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 31-37. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.31> (in Russian)

References

1. Agapova A.V., Baranova N.R. Analiz pokazateley sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya vedushchikh stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v mirovoy ekonomike [Analysis of indicators of socio-economic development of the leading countries of the Asia-Pacific region in the world economy]. *Bulletin of innovative technologies*, 2021, vol. 5, no. 2 (18), pp. 5-14. (in Russian)
2. Del Val A. Severnaya Koreya: dvoynaya igra SShA? (Atlantico, Frantsiya) [North Korea: a double game of the USA? (Atlantico, France)]. Available at: <http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html> (date of access: 25.08.2021). (in Russian)
3. Lantsova I.S. Initsiativa Prezidenta Respubliki Koreya Pak Synkhe i problema institutsiona-lizatsii sotrudnichestva v sfere bezopasnosti v Severo-Vostochnoy Azii [The initiative of the President of the Republic of Korea Park Seung-hye and the problem of institutionalization of cooperation in the field of security in Northeast Asia]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimut of scientific research: economics and management], 2015, no. 4 (13), pp. 91-95. (in Russian)
4. Litsareva E.Y. Problema Koreyskogo poluostrova s pozitsiy regionalnoy bezopasnosti. Krizis 2013 g. [The problem of the Korean Peninsula from the standpoint of regional security. The crisis of 2013]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2018, no. 52, pp. 99-103. (in Russian)
5. Pavlenko V. Lavrov in Seoul: strategic dialogue between Russia and South Korea. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/3225479.html> (date of access: 25.05.2021). (in Russian)

Самович Юлия Владимировна
доктор юридических наук, профессор,
кафедра государственного-правовых
дисциплин
Казанский филиал Российского
государственного университета
правосудия
Российская Федерация, 420008,
г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а
e-mail: juliasamovich@gmail.com

Samovich Yulia Vladimirovna
Doctor of Sciences (Law), Professor,
Department of State and Legal Disciplines,
Kazan Branch of the Russian State University
of Justice
7A, Vtoraya Azinskaya st., Kazan, 420088,
Russian Federation
e-mail: juliasamovich@gmail.com

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021

УДК 327+94

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.38>

Восточная политика России в трудах представителей южнокорейского научного сообщества

Д. А. Павлов

*Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Хабаровск, Российская Федерация*

Аннотация. Изучены взгляды представителей южнокорейского научного сообщества на восточный вектор внешней политики России. Сделан вывод, что экспертные круги все-сторонне изучают состояние российско-корейских отношений как наиболее важный фактор развития экономического потенциала обеих стран и решения геополитических проблем, отмечают преимущества, а также недостатки в дальневосточной политике России и предлагают возможные варианты их разрешения.

Ключевые слова: внешняя политика России, «поворот на Восток», Республика Корея, КНДР, «Новая северная политика», территории опережающего развития, российско-корейские отношения.

Для цитирования: Павлов Д. А. Восточная политика России в трудах представителей южнокорейского научного сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 38–45. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.38>

Во втором десятилетии XXI в. во внешнеполитическом курсе России стали проследиваться новые тенденции, которые были вызваны рядом геополитических факторов. «Разворот российской политики на Восток» в наиболее полном варианте начинает свою историю с 2012 г. Так, после саммита АТЭС-2012 в мире заговорили о «восточном развороте» экономики Российской Федерации как пути по формированию основы для дальнейшего расширения сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В декабре 2013 г. в послании Федеральному Собранию Президент РФ В. В. Путин подчеркнул особую значимость Сибири и Дальнего Востока для России, назвав подъем этого региона национальным приоритетом на весь XXI век¹.

Ежегодно, начиная с 2015 г., в г. Владивостоке проводится Восточный экономический форум (ВЭФ). Внесение изменений во внешнеполитический курс связывают также с антироссийскими санкциями, последовавшими после воссоединения Крымского полуострова с Россией в 2014 г. Необходимость проведения активной внешней политики на Востоке обусловлена также процессом смещения мирового центра развития в АТР. Страны макрорегиона рассматриваются как стратегически важное направление внешней политики².

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 30.08.2021).

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.

Ряд отечественных исследователей отмечают, что с экономической точки зрения «поворот» – это не отказ от евро-атлантического вектора сотрудничества, а достижение оптимального соотношения западного и восточного векторов политики, предусматривающего глубокую модернизацию внутренней региональной политики, а также интеграцию в систему международного экономического сотрудничества в Восточной Азии [1].

В данном контексте особый интерес вызывает подход южнокорейских исследовательских организаций к оценке и видению настоящего и будущего восточной политики России. Обозначим критерии выбора научной литературы: наличие оценочных суждений о дальневосточной политике, ярко обозначенных дискуссионных тезисов или особых мнений. На наш взгляд, выявление нескольких позиций позволит полнее увидеть представления южнокорейских экспертов о российской восточной политике.

В политических и исторических исследованиях специалистов Республики Корея период активной восточной политики связывается с рядом событий, произошедших с 2012 г., а именно началом третьего президентского срока В. В. Путина, созданием Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, принятием государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа». Примечательно то, что в большинстве рассматриваемых материалов на корейском языке, посвященных вопросу политики России на Дальнем Востоке, активизация российской восточной политики во многом объясняется особенностями российско-корейского сотрудничества в рамках «Новой северной политики», продвигаемой руководством Южной Кореи, в частности администрацией президента Мун Чже Ина [4].

Ким Сан Вон, сотрудник отдела Евразии Университета Кукмин, в качестве основной проблемы развития российско-корейского сотрудничества отмечает наличие широкого спектра межправительственных проектов, которые являются лишь дипломатической риторикой. В настоящее время сотрудничество, по его мнению, концентрируется исключительно вокруг вопросов безопасности и северокорейской проблематики. Вместе с тем проблемы демографического и административного характера на Дальнем Востоке создают препятствия для развития экономических связей. Также он указывает на низкую вовлеченность бизнес-кругов и научного сообщества в деятельность по формированию внешней политики. Помимо сказанного, неотъемлемым условием развития двусторонних отношений видится создание межгосударственного механизма в целях координации и контроля вопросов сотрудничества [2]. В этой связи заметим, что автор не вполне четко изложил тезисы о том, в какой форме будет представлен данный механизм.

Научный коллектив Корейского национального университета транспорта изучил важность транспортно-логистических связей в Северо-Восточной Азии (СВА) при участии России, Китая и стран Корейского полуострова. Так, проанализировав концепции «Один пояс, один путь» Китая, восточной политики России и «Новой северной политики», корейские эксперты пришли к выводу о необходимости выработать стратегию сотрудни-

чества прежде всего в транспортном секторе, что позволит расширить направления двустороннего и многостороннего сотрудничества в сфере логистики и транспорта. Проекты развития железнодорожных путей, связанных с Транссибирской магистралью, создают основу для реализации корейской инициативы «Сообщество железных дорог Восточной Азии» [8]. Но в данном случае одним из препятствий развитию логистических проектов становится нерешенность вопроса безопасности на Корейском полуострове и ядерная проблема КНДР.

Сон Вон Ён, профессор кафедры международной торговли в Северо-Восточной Азии Инчхонского национального университета, подчеркивает важность трехстороннего сотрудничества по таким проектам, как железнодорожный транспорт, газопровод, электроэнергетика. В качестве наиболее перспективного направления он называет реализацию проекта «Хасан – Раджин», который в первую очередь позволит нормализовать межкорейские отношения, а с точки зрения логистики – объединить преимущества морских и сухопутных коммуникаций. Несмотря на декларирование политики «разворота на Восток», в риторике делового и экспертного сообщества сохраняются негативные оценки Дальнего Востока России («бедность», «слаборазвитость»). В. Ё. Сон считает важным создать современную туристическую инфраструктуру на востоке России и модернизировать сферу услуг до инновационного уровня. Так, увеличение туристического обмена позволит более объективно изучить инвестиционный потенциал регионов Дальнего Востока [4].

Ли Ён Хён, сотрудник Института исследования проблем мира Ханьянского университета, рассматривает вопросы, связанные с портовой инфраструктурой и сотрудничеством по вопросам использования Японского моря и портов России в целях развития Дальнего Востока. По его мнению, действующее между Россией и Южной Кореей Соглашение о морском сотрудничестве не решает конкретных задач сотрудничества в вопросах экономического развития и безопасности на море. Ученый обращает внимание на активность правительства России по развитию портовой инфраструктуры в Хабаровском и Приморском краях. Так, он отмечает большое значение порта Советская Гавань, связанного с Байкало-Амурской магистралью, что позволяет решать логистические задачи, участие России в развитии порта Раджин как материально-технической базы и содействие включению его в портовую систему Северного морского пути. В то же время автор пишет о заинтересованности Республики Корея в сотрудничестве по вопросам развития новых логистических и туристических маршрутов вдоль побережья Японского моря. По его мнению, Республика Корея имеет возможности для модернизации российской портовой инфраструктуры, на что необходимо обратить внимание российской стороне при выстраивании сотрудничества. Таким образом, Ё. Х. Ли указывает на необходимость внесения поправок в действующее Соглашение о морском транспорте, с последующим оформлением многостороннего соглашения между странами СВА [9].

Ли Сан Джун, профессор Центра международных исследований Университета Кукмин, и Со Дон Джу, старший научный сотрудник Института стратегии национальной безопасности, считают, что Дальний Восток в настоящий момент имеет более подготовленную основу в вопросах сотрудничества с КНР и Японией. Республика Корея в данном аспекте находится позади остальных соседей России по СВА. С точки зрения экспертов, наши страны должны приложить усилия для успешного развития территорий опережающего развития (ТОР, ТОСЭР) путем использования достижений южнокорейской промышленности и привлечения северокорейской рабочей силы. Кроме того, развитие Северного морского пути и Арктики создает дополнительные возможности для логистики. Вместе с тем в целях повышения конкурентоспособности органам власти России необходимо создавать в дальневосточных субъектах соответствующую инфраструктуру и институционально-правовую среду [7].

Чой Ён Джин, профессор Университета Кёнхи, говорит, что восточная политика России, а именно развитие всестороннего сотрудничества со странами АТР, используется как способ преодоления кризиса. Вместе с тем в работе ученый делает акцент на неравномерном участии КНР, Японии и Южной Кореи в сотрудничестве на Дальнем Востоке России. По его оценке, доля южнокорейских инвестиций составляет около 8 %. Для сравнения он приводит российско-китайские отношения. Продвигаемые Пекином в рамках инициативы «Один пояс, один путь» транспортные проекты, полагает Чой Ён Джин, будут играть важную роль в объединении экономик стран Северо-Восточной Азии. На основе российско-китайских инфраструктурных и энергетических проектов ожидается развитие отношений в двух- и многостороннем формате. Вместе с тем правительство Российской Федерации с осторожностью выстраивает отношения с КНР, поскольку зачастую китайские компании ставят задачу использования ресурсного потенциала регионов Дальнего Востока без формирования долгосрочных и развивающих проектов, в то время как у Южной Кореи нет таких намерений. Корейскому руководству, пишет автор, необходимо проявлять обеспокоенность слабой вовлеченностью Республики Корея в процесс развития и освоения ресурсов Дальнего Востока России и использовать имеющиеся каналы сотрудничества для повышения уровня участия южнокорейской стороны в системе международного сотрудничества на Дальнем Востоке [10].

О Ёнг Иль, старший научный сотрудник Исследовательского института POSCO, главную проблему развития Дальнего Востока видит в отсутствии достойных рабочих мест и, как следствие, оттоке населения с территории дальневосточных субъектов. Одним из способов решения данной проблемы он называет создание специального органа (Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики) и регулярное проведение Восточного экономического форума. Говоря о деятельности территорий опережающего социально-экономического развития, ученый указывает на отсутствие четкой стратегии их развития, политики поддержки и необходимой инфраструктуры. Однако, несмотря на ряд весомых причин, правительству Республики

Корея нельзя упускать из виду явные преимущества и потенциал экономического сотрудничества с Россией на базе ТОР. Прежде всего эксперт считает, что сотрудничество на базе ТОСЭР в формате РФ – Республика Корея – КНДР позволит создать основу для межкорейского диалога, и предлагает внедрение южнокорейского опыта и ноу-хау в качестве наиболее эффективных инструментов управления ТОР. Активное взаимодействие органов государственной власти Дальнего Востока с деловыми и административными структурами Республики Корея позволит, по его мнению, оказать положительное влияние на развитие региона [6].

Для обобщения приведенных выше оценок уместно обратиться к совместной работе специалистов департамента «Новой северной политики» Корейского института международной экономической политики (КИЕР) и научных сотрудников ИЭИ ДВО РАН, опубликованной к 30-летней годовщине установления российско-южнокорейских дипломатических отношений. Так, эксперты отмечают необходимость качественного изменения российско-южнокорейского сотрудничества, поскольку санкции против России, Северной Кореи, а также наличие проблем экономической отсталости не позволили достичь заметного прогресса в рамках инвестиционного сотрудничества. Успешная реализация российско-корейских проектов в рамках «Новой северной политики» усилит геополитическое и геоэкономическое значение Дальнего Востока России. Дальневосточный регион России является важной осью для повышения роли так называемой страны-моста, соединяющей континент и океан, а также имеет потенциал для создания новых источников экономического роста [3].

Чо Чон Вон, профессор Центра управления энергетикой Ханьянского университета, рассматривая восточный вектор российской политики, обратил внимание на такую тенденцию, как усиление зависимости Дальнего Востока от китайских и японских инвестиций, которая обусловлена тем, что до кризиса 2008 г. и событий на востоке Украины в развитии логистической и энергетической инфраструктуры в регионах Дальнего Востока участвовали США, Великобритания. Однако сейчас развитие Дальнего Востока без крупных инвестиций затруднительно. Южная Корея, в свою очередь, заинтересована в участии в логистических и энергетических проектах на Дальнем Востоке России. Так, автор выделяет ряд проблем. Во-первых, Южная Корея не ведет масштабного инвестирования на корпоративном уровне. В данной ситуации предлагается оценить текущее состояние имеющейся логистической, энергетической инфраструктуры, созданной и создаваемой при участии Японии и КНР, с последующим поиском возможностей участия в них. Инвестируя в проекты, возглавляемые Китаем и Японией, возможно снизить инвестиционные риски и совместно использовать результаты развития инфраструктуры. В качестве положительного преимущества автор отметил, что в эпоху развития Северного морского пути и ориентированности России на экспорт энергоресурсов (природный газ) судостроительной отрасли Южной Кореи необходимо продвигать отечественные танкеры и ледоколы для транспортировки СПГ [11].

Анализ суждений и оценок южнокорейских экспертов по вопросу политики России в АТР показывает, что восточный вектор внешней политики России требует более системного и прогрессивного подхода в сочетании с крупным финансированием развития регионов. Южнокорейские эксперты демонстрируют неподдельный интерес к широкоформатному сотрудничеству как в экономической сфере, так и по вопросам безопасности в регионе, в частности на Корейском полуострове. Представители Республики Корея в рассмотренных исследованиях предлагают различные варианты решения существующих проблем, а также пути развития взаимовыгодного сотрудничества.

По мнению экспертов, отсутствие ощутимого результата в различных сферах связано в первую очередь с тем, что восточный вектор в политике России – это попытка Москвы сформировать геополитическое присутствие в АТР в рамках треугольника РФ – КНР – США [5]. При этом решению региональных демографических и социально-экономических вопросов не уделяется достаточного внимания. Мнения южнокорейских специалистов создают определенные предпосылки для более углубленного понимания того, что низкий уровень участия федерального центра в развитии дальневосточных регионов опасен тем, что Республика Корея потеряет интерес к Дальнему Востоку России как к элементу «Новой северной политики», а Дальний Восток и Сибирь будут выполнять исключительно сырьевую функцию для стран Азиатского макрорегиона. Эксперты отмечают, что органам государственной власти на федеральном и региональном уровнях необходимо обратить внимание на то, что в условиях столкновения определенных экономических и политических интересов Республики Корея, КНР и Японии, а также важной роли России в межкорейских переговорах Республика Корея готова на активную кооперацию и взаимодействие на территории дальневосточных субъектов России, и от лица экспертного сообщества выражают убежденность, что российский Дальний Восток может стать важным центром экономического роста как для России, так и для стран Корейского полуострова. Целесообразным видится в среднесрочной и долгосрочной перспективе предпринять общие усилия для реализации взаимовыгодных отношений между Россией, Республикой Корея и КНДР.

Список литературы

1. *Минакир П. А.* Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 4. С. 1016–1029.
2. *Kim Sang Won.* Economic Cooperation Between Korea and Russian Far East: Past, Present and Future. 2019. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09406234> (дата обращения: 09.09.2021).
3. *Park Joung Ho, Pavel A. Minakir* Development of the Russian Far East in 20 Years of the Putin Era: Seeking New Directions for Deepening Cooperation between Korea and Russia. 2020. URL: <https://www.kiep.go.kr/galleryDownload> (дата обращения: 09.09.2021).
4. *Sung Weon Yong.* New Northern Policy and South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation: Tasks and Development Perspectives. 2019. URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09288060> (дата обращения: 09.09.2021).

5. *이재혁* 러시아 북극지역의 현황과 개발 동향, 한국노어노문학회 학술대회 발표집. 2016. URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07024618> (дата обращения: 09.09.2021).
6. *오영일* 러시아 연해주 선도개발구역을 활용한 플랫폼 비즈니스 제안. 2016. URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE08843421> (дата обращения: 09.09.2021).
7. *이상준* 푸틴 집권 4 기 러시아의 동북아 · 한반도 정책 과 한-러 외교·경협 의 과제. 2018. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE08830517> (дата обращения: 09.09.2021).
8. *서종원, 한은영, 양하은* 신북방경제 시대 한중러 교통협력 방안과 효과. 2019. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09233187> (дата обращения: 09.09.2021).
9. *이영형* 러시아 동해연안 항구의 역동성과 해상협력을 위한 한국의 선택. 2017. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE08998349> (дата обращения: 09.09.2021).
10. *최영진* 극동러시아에서의 인프라 및 제도 구축을 통한 환동해 국가와의 경제 협력 활성화. 2018. URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07537995> (дата обращения: 09.09.2021).
11. *조정원* 2008 년 금융위기 이후 극동 러시아의 에너지, 물류 투자의 현황과 계획. 2015. URL: <https://www.reportworld.co.kr/papers/3437542> (дата обращения: 09.09.2021).

Russian Foreign Policy in the Works of South Korean Scientists

D. A. Pavlov

Far-East Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes views and assessments of South Korean scientific and political community of Russia's *Turn to the East* foreign policy. The author came to the conclusion that experts are carrying out comprehensive studies of the development of relations between Russia and South Korea at the regional level as an important direction for developing the economic potential and solving geopolitical issues. More over the experts point out strong and weak aspects of the Russian Far Eastern foreign policy and suggest possible variants for their solution.

Keywords: Russian foreign policy, Turn to the East, Republic of Korea, DPRK, New Northern Policy, advanced development territories, Russian-Korean relations.

For citation: Pavlov D.A. Russian Foreign Policy in the Works of South Korean Scientists. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 38-45. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.38> (in Russian)

References

1. Minakir P.A. Ozhidaniya i realii politiki "povorota na Vostok" ["Turn to the East" Policy: Expectations and Reality]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 1016-1029. (in Russian)
2. Kim Sang Won. *Economic Cooperation Between Korea and Russian Far East: Past, Present and Future*. 2019. Available at: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09406234> (date of access: 09.09.2021).

3. Park Joung Ho, Pavel A. Minakir *Development of the Russian Far East in 20 Years of the Putin Era: Seeking New Directions for Deepening Cooperation between Korea and Russia*. 2020. Available at: <https://www.kiep.go.kr/galleryDownload> (date of access: 09.09.2021).

4. Sung Weon Yong. *New Northern Policy and South Korea-North Korea-Russia Tri-lateral Cooperation: Tasks and Development Perspectives*. 2019. Available at: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09288060> (date of access: 09.09.2021).

5. 이재혁 러시아 북극지역의 현황과 개발 동향, 한국노어노문학회 학술대회 발표집. 2016. Available at: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07024618> (date of access: 09.09.2021).

6. 오영일 러시아 연해주 선도개발구역을 활용한 플랫폼 비즈니스 제안. 2016. Available at: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NOD E08843421> (date of access: 09.09.2021).

7. 이상준 푸틴 집권 4 기 러시아의 동북아 · 한반도 정책 과 한-러 외교-경협 의 과제. 2018. Available at: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE08830517> (date of access: 09.09.2021).

8. 서종원, 한은영, 양하은 신북방경제 시대 한중러 교통협력 방안과 효과. 2019. Available at: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09233187> (date of access: 09.09.2021).

9. 이영형 러시아 동해연안 항구의 역동성과 해상협력을 위한 한국의 선택. 2017. Available at: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE08998349> (date of access: 09.09.2021).

10. **최영진** 극동러시아에서의 인프라 및 제도 구축을 통한 환동해 국가와의 경제 협력 활성화. 2018. Available at: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07537995> (date of access: 09.09.2021).

11. **조정원** 2008 년 금융위기 이후 극동 러시아의 에너지, 물류 투자의 현황과 계획. 2015. Available at: <https://www.reportworld.co.kr/papers/3437542> (date of access: 09.09.2021).

Павлов Дмитрий Александрович
аспирант

Дальневосточный институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации
Российская Федерация, 680000,
г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
e-mail: pavlovdmwork@gmail.com

Pavlov Dimitri Aleksandrovich
Postgraduate Student

Far-East Institute of Management, Branch of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
33, Muravyov-Amursky st., Khabarovsk,
680000, Russian Federation
e-mail: pavlovdmwork@gmail.com

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.46>

Отношения России и КНДР в условиях пандемии коронавируса (2020–2021)*

Л. В. Захарова

Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены основные направления российско-северокорейского сотрудничества в 2020–2021 гг. Показано влияние пандемии коронавируса на отношения России и Северной Кореи, жестко ограничившей контакты с внешним миром. Отмечены отрасли, острее других ощутившие последствия ограничений, и сферы, в рамках которых общение сторон не прекращалось. Сделан вывод, что Россия и КНДР пытаются поддерживать контакты и развивать сотрудничество даже в нынешних непростых условиях.

Ключевые слова: российско-северокорейские отношения, КНДР, Россия, пандемия коронавируса, гуманитарная помощь, образовательное сотрудничество, торговля.

Для цитирования: Захарова Л. В. Отношения России и КНДР в условиях пандемии коронавируса (2020–2021) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 46–50. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.46>

После саммита лидеров России и КНДР в 2019 г. ожидалось развитие двустороннего сотрудничества по не запрещенным резолюциями СБ ООН направлениям. Однако из-за начавшейся пандемии коронавируса в январе 2020 г. Северная Корея жестко ограничила контакты с внешним миром. Было приостановлено транспортное сообщение с другими странами, запрещен въезд в страну, прерваны экспортные и импортные операции. К середине 2021 г. большая часть иностранных дипломатов и все иностранные сотрудники международных гуманитарных организаций покинули КНДР. Тем не менее Россия сохранила свое присутствие в Северной Корее и продолжила поддерживать добрососедские отношения.

Взаимный обмен делегациями с 2020 г. оказался заморожен, однако регулярные контакты дипломатов с властями страны пребывания продолжались и в Пхеньяне, и в Москве. В частности, по данным сайта МИД России, посол КНДР в Москве Син Хон Чхоль регулярно общается с заместителем министра иностранных дел России И. В. Моргуловым по актуальным вопросам двусторонних отношений (такие беседы проходили 6 мая 2020 г., 19 августа 2020 г., 22 декабря 2020 г., 19 апреля 2021 г.). В свою очередь посол России А. Мацегора встречался с заместителем министра иностранных дел КНДР Им Чхон Илем 23 апреля, 28 декабря 2020 г. и 3 августа 2021 г.

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00020 в Институте Дальнего Востока РАН.

В связи с закрытием границы возникли сложности даже с выездом из КНДР. Чтобы часть сотрудников Посольства РФ, члены их семей и другие российские граждане, работавшие в Северной Корее, смогли вернуться домой, каждый раз требовалось длительное согласование.

Серьезный удар пандемия коронавируса нанесла по российско-северокорейской торговле, которая до этого уже пострадала от введенных Советом Безопасности ООН санкций против КНДР. По данным ФТС России, в 2020 г. двусторонний товарооборот сократился на 11 % по сравнению с 2019 г. и составил 42,7 млн долл. Российский экспорт снизился на 6,3 % до 42 млн долл., а импорт из Северной Кореи упал на 76,5 % до 714 тыс. долл. Наиболее значительной категорией импорта в Россию из Северной Кореи в 2020 г. вновь стали музыкальные инструменты (37,6 %), на втором месте – различные виды продукции химической промышленности.

Большая часть поставок из России пришлось на злаки (36,6 %, рост на 300 % по сравнению с 2019 г.), существенно сократились объемы поставок минерального топлива (на 60 %, доля в экспорте РФ в КНДР – 26,2 %)¹. Важно отметить, что импортировавшиеся из России злаки были поставлены по линии гуманитарной помощи, в связи с чем реальное сокращение двусторонней торговли является более существенным. До августа 2020 г. продолжались поставки нефтепродуктов. По данным Совета Безопасности ООН, в 2020 г. Россия поставила в КНДР около 12,8 тыс. т нефтепродуктов², что существенно больше, чем официальные поставки нефтепродуктов из Китая за тот же период.

КНДР не публикует таможенную статистику. По южнокорейским оценкам, ежегодно публикуемым Корейским агентством содействия торговле и инвестициям (KOTRA), главным торговым партнером Северной Кореи является Китай. Товарооборот с ним в 2020 г. сократился более чем на 75 % – до 760 млн долл. В результате доля КНР во внешней торговле КНДР снизилась до 88 %, а доля России выросла почти до 5 %³.

При этом с осени 2020 г. Северная Корея ужесточила меры по закрытию границы для внешней торговли. В результате за первый квартал 2021 г. товарооборот между Россией и КНДР составил лишь 123 долл., в том числе экспорт из России – 0 долл. В первой половине 2021 г. ожидался запуск в работу крупных дезинфекционных комплексов на границе с Россией и Китаем⁴, что позволило бы восстановить поток товаров между этими странами и Северной Кореей. Пхеньян «приоткрывал» границу с КНР для поставок сравнительно небольшого количества жизненно необходимых стране товаров весной и летом 2021 г. С Россией процесс затянулся. 3 августа 2021 г.

¹ Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyei-i-kndr-severnoy-koreye-v-2020-g/> (дата обращения: 04.07.2021).

² Supply, sale or transfer of all refined petroleum products to the DPRK // United Nations. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1718/supply-sale-or-transfer-of-all-refined-petroleum> (дата обращения: 02.07.2021).

³ 2020 북한 대외무역 동향 = Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2020 г., Сеул : Korea Trade-Investment Promotion Agency (KOTRA), 2021. Р. 44 (на кор. яз.)

⁴ Посол РФ в КНДР: российских дипломатов не страшат тяготы коронавирусной блокады // ТАСС. 14.04.2021. URL: <https://tass.ru/interviews/11146461> (дата обращения: 06.08.2021).

глава российского диппредставительства в Пхеньяне А. Мацегора провел беседу с министром внешнеэкономических дел КНДР Юн Чжон Хо, в ходе которой «стороны договорились подготовить все необходимые предпосылки для ускоренного восстановления встречных товарных потоков после открытия границ»⁵.

Закрытие границы негативно повлияло и на функционирование совместного российско-северокорейского транспортного проекта «Хасан – Раджин». В его рамках через модернизированный Россией участок железной дороги и построенный в порту Раджин терминал транзитом возился российский уголь в Китай и Южную Корею с 2014 по 2017 г. В дальнейшем эти поставки приостановились из-за нехватки грузовой базы, но совместное предприятие «Расонконтранс» продолжило функционировать и прилагало усилия для поиска клиентов. Офис данного предприятия в Раджине играет важную роль для сохранения российского присутствия и защиты российских интересов в этом регионе. Однако из-за закрытия северокорейской границы в 2020 г. сторонам фактически пришлось поставить проект в «спящий режим», сохраняя местный персонал на минимуме для проведения необходимых ремонтных работ.

Россия уже многие годы оказывает гуманитарную помощь Северной Корее как на многосторонней, так и на двусторонней основе. Среди международных гуманитарных организаций основным партнером, имеющим представительство в КНДР, выступает Всемирная продовольственная программа (ВПП). По данным МИД РФ, в 2014–2021 гг. по линии ВПП Россия выделила Пхеньяну в общей сложности 30 млн долл. на обеспечение полноценного питания уязвимых слоев населения⁶. Однако из-за пандемии деятельность ВПП в КНДР оказалась парализована, и в марте 2021 г. страну покинули последние командированные сотрудники этой организации. По двусторонней линии Россия поставила в Северную Корею в 2020 г. 50 тыс. т пшеницы, половина из которой была в первую очередь направлена на социальные объекты в пострадавшие от тайфунов районы КНДР⁷.

В 2021 г. настрой России на оказание гуманитарной помощи соседнему корейскому государству сохранился, включая возможность осуществления поставок вакцин и медицинского оборудования⁸. При этом продовольственная проблема стоит перед КНДР по-прежнему остро. По оценкам ООН, около 40 % жителей Северной Кореи страдают от нехватки продовольствия.

⁵ Продолжая диалог // Посольство России в КНДР. 04.08.2021. URL: <http://rusembdprk.ru/ru/posolstvo/novosti-posolstva/1359-20210804-1> (дата обращения: 06.08.2021).

⁶ Интервью директора Департамента международных организаций МИД России П. В. Ильичева международному информационному агентству «Россия сегодня», 21 апреля 2021 г. // МИД РФ : офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/nota-bene/-/asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/4695888 (дата обращения: 02.07.2021).

⁷ Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 15 октября 2020 г. // МИД РФ : офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4390936#11 (дата обращения: 02.07.2021).

⁸ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Лаосской Народно-Демократической Республики С. Коммаситом, Вьентьян, 7 июля 2021 г. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4808719 (дата обращения: 07.08.2021).

Однако объем гуманитарной помощи КНДР по линии организаций ООН в последние годы держится на низком уровне. В 2020 г. было собрано лишь 40,3 млн долл. из 107 млн долл., требовавшихся для финансирования гуманитарных программ в стране⁹. В 2021 г. из-за невозможности оценить потребности страны в гуманитарной помощи и отсутствия доступа Управление по координации гуманитарных вопросов ООН и вовсе исключило КНДР из своего доклада Global Humanitarian Overview, который содержит список нуждающихся стран и объемы финансирования планов реагирования для каждой из них¹⁰. По данным правительства КНДР, представленным в «Добровольном национальном обзоре хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», стране не удалось достичь национальной цели по производству 7 млн т зерновых в год, и в 2020 г. объем собранного урожая зерновых составил 5,52 млн т.¹¹ В таких условиях российская продовольственная помощь, вероятно, будет вновь востребована после открытия границ.

До конца 2019 г. важным направлением сотрудничества было привлечение северокорейских трудовых мигрантов для работы на территории России. Однако согласно пункту 8 Резолюции 2397 СБ ООН все граждане КНДР, получающие доход за рубежом, должны были быть репатриированы до 22 декабря 2019 г. И, хотя всем рабочим не удалось вернуться в КНДР из России к обозначенной дате, их трудовая деятельность на территории страны была прекращена¹².

Несмотря на пандемию, продолжилось образовательное сотрудничество. По статистике МВД России, было зафиксировано 2609 фактов постановки граждан КНДР на миграционный учет по цели въезда «учеба», а в первом полугодии 2021 г. этот показатель оставил 3708 чел¹³. Кроме того, в 2021 г. был запущен проект образовательных программ, в ходе которых преподаватели из ведущих вузов России читают онлайн-лекции для профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений КНДР. В мае пятидневный онлайн-курс представили пять ведущих ученых МАДИ. Основными темами занятий стали проектирование дорог и мостов, развитие современного автомобилестроения, проектирование электронных систем автомобиля и аудит безопасности дорожных трасс¹⁴.

Таким образом, стороны пытаются поддерживать контакты и развивать сотрудничество даже в нынешних непростых условиях. При этом Россия

⁹ DPR Korea Needs and Priorities 2020 // UN OCHA Financial Tracking Service : офиц. сайт. URL: <https://fts.unocha.org/appeals/935/summary> (дата обращения: 02.07.2021).

¹⁰ Global Humanitarian Overview 2021 // UN OCHA Reliefweb : офиц. сайт. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/GHO-2021-Abridged-EN.pdf> (дата обращения: 08.08.2021).

¹¹ Democratic People's Republic of Korea. Voluntary National Review. On the Implementation of the 2030 Agenda for the Sustainable Development. June 2021. P. 15. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (дата обращения: 08.08.2021).

¹² Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 21 мая 2020 г. // МИД РФ : офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4134720 (дата обращения: 02.07.2021).

¹³ Статистические сведения по миграционной ситуации // МВД РФ : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 08.08.2021).

¹⁴ Посольство России в КНДР : офиц. сайт. URL: <http://rusembdprk.ru/ru/posolstvo/novosti-posolstva/1348-20210504> (дата обращения: 18.06.2021).

продолжает придерживаться мнения, что, после того как лидер КНДР Ким Чен Ын в 2018 г. объявил мораторий на ядерные испытания и пуски ракет большой дальности и соблюдает его, мировое сообщество тоже должно пойти на конструктивные шаги навстречу Пхеньяну, в том числе начать постепенно ослаблять санкционный режим¹⁵. Однако в условиях пандемии коронавируса количество сфер для сотрудничества можно пересчитать по пальцам.

Relations between Russia and the DPRK in the Face of COVID-19 Pandemic (2020–2021)

L. V. Zakharova

Institute of Far Eastern Studies RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines main directions of the Russian-North Korean cooperation in the context of the coronavirus pandemic in 2020–2021. The summit of the Russian and North Korean leaders in 2019 created expectations for expanded bilateral cooperation in the areas not prohibited by the UN Security Council resolutions. Due to the outbreak of the coronavirus pandemic, however, the DPRK has severely limited contacts with the outside world since January 2020. Transport links with other countries were suspended, foreigners were prohibited from entering the country, and export and import operations were broken off. By April 2021 most of the foreign diplomats and all foreign employees of international humanitarian organizations had left the DPRK. Nevertheless, Russia retained its presence in North Korea and continued to provide humanitarian assistance to that country. Petroleum products supplies from Russia continued until August 2020. Bilateral trade in 2020 decreased by 11% compared to 2019. The mutual exchange of delegations in 2020 was frozen, however, regular contacts of diplomats with the local authorities continued both in Pyongyang and in Moscow. A new educational project was launched in 2021. During online sessions researches from leading Russian universities deliver lectures to teachers and researchers from the North Korean institutes. Thus, the two countries are trying to maintain contacts and develop cooperation even in the current tough conditions.

Keywords: Russian-North Korean relations, DPRK, Covid-19 pandemic, humanitarian aid, educational cooperation, trade.

For citation: Zakharova L.V. Relations between Russia and the DPRK in the Face of COVID-19 Pandemic (2020–2021). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 46–50. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.46> (in Russian)

Захарова Людмила Владимировна

кандидат экономических наук, ученый секретарь

*Институт Дальнего Востока РАН
Российская Федерация, 117997, Москва,
Нахимовский просп., 32*

e-mail: zakharova@ifes-ras.ru

Zakharova Liudmila Vladimirovna

*Candidate of Sciences (Economics),
Scientific Secretary*

*Institute of Far Eastern Studies RAS
32, Nakhimovsky av., Moscow, 117997,
Russian Federation*

e-mail: zakharova@ifes-ras.ru

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021

¹⁵ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова южнокорейскому информационному агентству «Ёнхап», Москва, 29 сентября 2020 г. // МИД РФ: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/4352418 (дата обращения: 02.07.2021).

УДК 327(571.5:519.5)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.51>

Конструирование контактов: прошлое и настоящее в международном сотрудничестве регионов Сибири и Республики Корея¹

И. В. Олейников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Представлен анализ особенностей двустороннего сотрудничества между регионами Сибири и Республикой Корея сквозь призму концепции конструктивизма. Отражены инициативы, разработанные на межгосударственном уровне, показана их корреляция с региональными проектами. Рассмотрены реалии взаимодействия на субнациональном уровне, прослежены факторы, сдерживающие развитие связей в производственной и инвестиционной сферах, определены возможные перспективы активизации сотрудничества.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Россия, Республика Корея, Сибирь, конструктивизм, регион.

Для цитирования: Олейников И. В. Конструирование контактов: прошлое и настоящее в международном сотрудничестве регионов Сибири и Республики Корея // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 51–57. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.51>

На субнациональное взаимодействие регионов Сибири и Республики Корея существенно влияют динамика внешней политики России, мировая система, в которой и РФ, и РК являются значимыми акторами. В сибирских городах функционируют филиалы южнокорейских компаний, консульские структуры: в г. Иркутске успешно работает Генеральное консульство Республики Корея, на протяжении десятилетий поступательно развиваются побратимские связи, а эффективная парадипломатия способствует реализации контактов в гуманитарной сфере – школьных и студенческих обменов, визитов деятелей культуры и науки. Наблюдается и институциональное взаимодействие на межрегиональном уровне Восточной Азии по линии Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАС-СВА). Историко-культурные факторы – сетевые связи в рамках корейской диаспоры в сибирских регионах, деятельность национального Центра корейской культуры, историческая память в общественном сознании – форми-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Корейского фонда (Korea Foundation) в рамках проекта ИГУ «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции», Грантовое соглашение б/н от 02.02.2021.

руют комплексную среду для активизации двустороннего взаимодействия сибирских регионов России и Республики Корея. Вместе с тем существуют факторы, оказывающие негативное влияние на развитие субнациональных контактов регионов Сибири и Республики Корея.

Интерпретируя мнение британского исследователя Б. Андерсона о том, что бюрократия и интеллектуалы создают пространство сотрудничества/конфликта, отметим, что процессы такого рода возникают уже не на общегосударственном, а на местном (российском и корейском) уровне, на основе общего развития процессов, происходящих в мировой системе. Так, в 1990-е гг. и в первой декаде XXI столетия тренд на интенсивные международные связи регионов различных государств активно формировали общие тенденции глобализации, поэтому указанные процессы следует анализировать при помощи концепта «комплексной взаимозависимости», вполне укладывающегося в рамки неолиберальной парадигмы международных отношений. Отечественная политическая, деловая и интеллектуальная элита в сибирских регионах относилась в ту пору к актуальному южнокорейскому опыту ведения бизнеса положительно и была заинтересована в форсированном сотрудничестве с контрагентами из Южной Кореи – к этому подталкивала открытая внешняя политика и экономический курс Российской Федерации, направленный на привлечение зарубежных инвестиций в отсутствие финансовых рычагов у федерального центра. Южнокорейские партнеры прагматично планировали достичь своих интересов, преимущественно экономических, на рынке природных ресурсов регионов Сибири и Дальнего Востока, поставок качественной продукции корейских предприятий для последующего закрепления на российском рынке. После саммита АТЭС 2012 г. в российском внешнеполитическом дискурсе стала более четко оформляться идея «поворота на Восток», направленная в том числе на активизацию сотрудничества с партнерами из Республики Корея, но уже через два года, в 2014 г., российско-южнокорейские отношения попали под негативное воздействие санкций стран коллективного Запада. В мировой системе стали постепенно нарастать тенденции фрагментации, национализма, конфронтации, возрождался запрос на реалистичную, силовую политику, постепенно трансформировался и субнациональный уровень сотрудничества, становясь более закрытым для влияния извне.

Напомним, что регионы Сибири воспринимались политиками и бизнесменами Республики Корея как пространство транзита и кладовая ресурсов; в 2013 г. президентом Республики Корея Пак Кын Хе была провозглашена «Евразийская инициатива», впрочем, не реализованная в полной мере. «Евразийская инициатива» породила интенсивную дискуссию в кругах отечественных и южнокорейских интеллектуалов; так, в ряде публикаций последних лет внимание фокусируется на декларациях, планах сотрудничества, проектах развития на межрегиональном уровне [5]. В статье корейского ученого Ли Чжэ Ена отмечается необходимость разработки стратегии сотрудничества, которая бы «...выходила за рамки традиционной корейской политики сохранения определенной политической дистанции в отношениях с Россией. <...> политика должна соотноситься с российской стратегией

развития Дальнего Востока и Сибири и способствовать выходу южнокорейских товаров и инвестиций на региональные рынки. <...> Это тем более актуально ввиду стоящей перед Республикой Корея важной задачи создания “северного пространства для роста”, в центре которого будут находиться дальневосточные регионы России и Сибирь» [4, с. 93]. К большому сожалению, реалистичные предложения автора по активизации сотрудничества через каналы ВТО, по участию в инфраструктурных и институциональных проектах не получили полноценного импульса для последующего воплощения. Спустя некоторое время, в 2017 г., очередной южнокорейский президент – Мун Чжэ Ин предложил инициативу «девяти мостов» для активизации отношений между Республикой Корея и Россией: согласно ее положениям к 2019 г. государства и бизнес двух стран должны были реализовывать проекты в области поставок сжиженного природного газа (СПГ), строительства газопровода, развития железнодорожных перевозок, строительства портовой инфраструктуры на российском Дальнем Востоке, линий электропередачи для транзита избыточной электроэнергии с мощностей российских ГЭС, развития судоходства по Северному морскому пути, строительства верфей и танкеров-ледоколов для транспортировки СПГ, развития сотрудничества в рыбной отрасли и сфере сельского хозяйства, создания промышленного комплекса в Приморье посредством трехстороннего взаимодействия между Республикой Корея, Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой [6].

Спустя три года, в 2020 г., изначальный план концепции был обновлен и стал называться «Девять мостов 2.0». Были сохранены базовые положения, но существенный акцент в рамках обновленного плана действий в силу влияния пандемии коронавируса COVID-19 был сделан на необходимости инноваций в сфере здравоохранения двух стран. В этой связи примечателен опыт Иркутской области российско-корейского сотрудничества в сфере медицинских технологий: иркутская компания ООО «МедТехСервис» при поддержке АНО «Агентство инвестиционного развития Иркутской области» создала совместно с южнокорейской компанией B-bio Ltd осенью 2018 г. производство тест-полосок и глюкометров для измерения сахара в крови [3]. Пример сотрудничества положительный и заслуживает распространения на другие регионы Сибири.

По мере укрепления «вертикали власти» региональные бюрократии на местах и бизнес в сибирских регионах в разные временные периоды рассматривали международные контакты с партнерами из Республики Корея в качестве дополнительного имиджевого ресурса для регионального развития. Российский бизнес и местную власть в большей степени интересовало финансирование из федерального бюджета под реализацию так называемых больших проектов, планируемых совместно с южнокорейской стороной. Российско-корейское сотрудничество на региональном уровне конструировалось российскими и южнокорейскими правительственными и деловыми кругами, исходя из существующей базы сотрудничества, возможных перспектив и решения сложных целей политического и экономического характера (северокорейская проблема, создание транскорейской железнодорож-

ной магистрали, инвестиции из Республики Корея в нефтегазовый сектор и центральные субъекты Российской Федерации). К негативным факторам следует отнести и феномен «административного туризма» чиновников из субъектов Сибирского федерального округа в Республику Корея без серьезной имиджевой и экономической отдачи в итоге. Отметим, что подобное поведение административной и бизнес-элиты наблюдалось и с корейской стороны. Для южнокорейских администраторов и бизнесменов сама перспектива осуществления проектов в отдаленных сибирских территориях представляла собой фактор повышения бюрократической «эффективности», использования ресурсных и транзитных возможностей Сибири, сферы влияния южнокорейской «мягкой силы», продаж продукции южнокорейских холдингов населению сибирских территорий.

Важным представляется фактор централизации принятия политических решений по экономическим вопросам развития сибирских территорий, существующий в России, – планируемые к реализации инвестиционные проекты с иностранным участием следует первоначально согласовывать в федеральном центре – Москве. Региональная власть сибирских субъектов Федерации не обладает полноценными возможностями для поощрения инвестиционных инициатив зарубежных партнеров. Так, крупные инвестпроекты южнокорейских корпораций на территории Иркутской области в 2015 г. в сфере строительства и туризма в итоге не удалось реализовать в силу системных политических рисков на областном уровне, интенсивной конкуренции с вертикально интегрированным российским федеральным бизнесом и крупными региональными компаниями. На протяжении первых десятилетий XXI в. основные инвестиционные проекты с участием капитала корейских корпораций «Хёндэ», «Самсунг», LG концентрировались в европейской части России – по причине близости рынков сбыта, центра принятия политических и экономических решений, из соображений логистики. Сходные тенденции существовали и в субъектах Дальневосточного федерального округа. Отмечается, что двусторонние связи между РФ и РК в сфере малого и среднего бизнеса развиваются недостаточно интенсивно – проявляется фактор менталитета, сформированных и сконструированных представлений о России в Республике Корея². Полагаем, что на формирование образа России у южнокорейского населения повлияли наследие холодной войны, повестка глобальных медиа, периферийность сибирских регионов, сформировавшие определенные традиции в восприятии северного соседа. Думается, что в двусторонних контактах на субнациональном уровне весьма важен и элемент международного доверия/недоверия, на него влияют разнообразные составляющие, такие как историческая память, образы, формируемые масс-медиа, властью и бизнесом на протяжении определенного времени.

Можно констатировать, что повестка российско-южнокорейского сотрудничества в регионах Сибири во многом конструируется региональными административными структурами как со стороны РФ, так и со стороны РК, а субнациональное взаимодействие на местном уровне попадает в прямую

² Коростиков М. Риск не проблема, но чем выше риск, тем выше должна быть прибыль // Коммерсантъ. 2019. 10 сент. № 163. С. 6.

зависимость от во многом фантомных деклараций, генерируемых на межправительственном уровне и считываемых на региональном уровне. Корреляция межгосударственных инициатив двустороннего сотрудничества с реализуемыми в сибирских регионах инвестпроектами незначительна. Скептическая оценка связана с пониманием факта, что крупные инвестиционные проекты с участием южнокорейской стороны в регионах Сибири сложно запустить по ряду причин.

1. Фактор ультраконтинентальности регионов Сибири, удаленных от портовой инфраструктуры, расположенной на побережьях Евразийского континента, существенно повышает логистические издержки, связанные с формированием производственных цепочек и транспортировкой товаров [1].

2. Недостаточная заселенность сибирских пространств, демографический фактор не способствуют созданию на слабозаселенной периферии крупных производств с иностранной составляющей, так как объем рынка сбыта в регионе незначителен.

3. Сдерживающим фактором является конкуренция со стороны крупных российских вертикально интегрированных холдингов, не заинтересованных в приходе на рынки сибирских регионов мощных корпораций из Республики Корея. У российских госкорпораций и частных структур есть собственные интересы в отношении разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, активизации возможностей туристического потенциала и экономики услуг.

4. В активизации иностранных транснациональных акторов (в том числе и южнокорейских) на территории сибирских регионов федеральный центр и местные власти видят угрозу национальной безопасности, понимающейся преимущественно сквозь призму охранительного дискурса, в то время как полноценное использование трансграничных ресурсов, инвестиционного потенциала позволит запустить новые возможности развития при условии должного контроля со стороны соответствующих государственных структур.

Таким образом, ряд проектов с южнокорейскими инвестициями возможно осуществить, но преимущественно в столице Сибирского федерального округа – Новосибирске ввиду его близости к центру принятия решений и наличия экономических ресурсов³. Гуманитарные контакты сибирских регионов России и Республики Корея продолжают свое развитие: поддерживаются побратимские контакты между городами-партнерами, активизируются связи между университетами и научными центрами, постепенно формирующие базис для поступательного сотрудничества в будущем, определенный потенциал есть у взаимодействия в области культуры [2]. Существует пространство для институционального сотрудничества, генерируемое площадкой Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии, которое могут использовать власть, бизнес и интеллектуалы. Возможности для прорыва в деле субнационального взаимодействия России и Республики Корея в сибирских регионах видятся и в использовании ресурсов научно-технологического развития, современных технологий,

³ Бизнесмены из Южной Кореи проведут онлайн-переговоры с российскими партнерами. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2020/11/11/69533231/> (дата обращения: 15.07.2020).

с помощью которых можно преодолеть сдерживающие оковы ультраконтинентальности Сибири. Создание высокотехнологичных производств, рабочих мест затратно и требует существенных вложений как в человеческий капитал, так и в технологическую сферу на местах, преодоления оттока населения, негативного «западного дрейфа» из сибирских регионов в центр. В этой ситуации сценарий использования технологических заделов Республики Корея для форсирования экономики сибирских регионов представляется весьма перспективной возможностью. При реализации двустороннего сотрудничества России и Республики Корея следует, демонстрируя политическую волю, уходить от конструирования нечеткой и размытой повестки, наполненной декларациями, сценариями и меморандумами, и отталкиваться от реальных достижений в экономике – в сырьевой, производственной, научно-технологической, туристическо-рекреационной сферах.

Список литературы

1. Безруков Л. А. Стратегия разворота России на восток в контексте транспортно-географических ограничений Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2016. Т. 15. С. 53–61.
2. Иванов К. В. Состояние и перспективы российско-корейского сотрудничества (на примере Иркутской области) // Материалы IX Междунар. корееведческой конф. ДВФУ, Владивосток, 2–3 окт. 2020 г. / отв. ред. М. П. Кукла, К. А. Пак. Владивосток : Изд-во ДВФУ. С. 105–109.
3. Колодина Е. А., Архипкин О. В., Каetano Ж. С. Перспективы международного сотрудничества России и Республики Корея в области медицины и здравоохранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 35. С. 55–63.
4. Ли Чжэ Ен. Перспективы экономического сотрудничества Республики Корея и России (взгляд из Сеула) // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 91–94.
5. Петровский В. Е. О проблемах и перспективах межрегионального сотрудничества с Республикой Корея в контексте развития Восточной Сибири и Дальнего Востока // Корея перед новыми вызовами / ред. А. З. Жебин. М. : ФГБУН ИДВ РАН. С. 268–277.
6. Zakharova L. Economic Relations between Russia and South Korea in the New Northern Policy // Korea Economic Institute of America. Academic Paper Series. 2019. 10 Dec. P. 1–9.

Designing Contacts: the Past and the Present in International Cooperation between the Regions of Siberia and the Republic of Korea

I. V. Oleynikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper presents the analysis of the features of bilateral cooperation between the Russian regions of Siberia and the Republic of Korea through the prism of the concept of constructivism. Initiatives at the interstate level have been reflected; their correlation with regional projects has been shown. The realities of interaction at the subnational level have been considered; the factors

hindering the development of relations in the production and investment spheres have been traced; possible prospects for enhancing cooperation have been identified.

Keywords: international cooperation, Russia, Republic of Korea, Siberia, constructivism, region.

For citation: Oleynikov I.V. Designing Contacts: the Past and the Present in International Cooperation between the Regions of Siberia and the Republic of Korea. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 51-57. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.51> (in Russian)

References

1. Bezrukov L.A. Strategiya razvorota Rossii na vostok v kontekste transportno-geograficheskikh ogranichenij Sibiri [Strategy of the Russian relations Shift to the East in the Context of Transport and Geographical Limits of Siberia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2016, vol. 15, pp. 53-61. (in Russian)
2. Ivanov K.V. Sostoyanie i perspektivy rossijsko-korejskogo sotrudnichestva (na primere Irkutskoj oblasti) [The state and prospects of Russian-Korean cooperation (on the example of the Irkutsk region)]. *Materialy IX Mezhdunar. koreevedcheskoj konf. DVFU, Vladivostok, 2-3 oktyabrya 2020 g.* [The Proceedings of IX International Conference on Korean Studies FEFU, Vladivostok, 2-3.10.2020], 2020, pp. 105-109. (in Russian)
3. Kolodina E.A., Arhipkin O.V., Kaetano J.S. Perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva Rossii i Respubliki Koreya v oblasti mediciny i zdavoohraneniya [The Perspectives of International Cooperation between Russia and Korea in the Field of Medicine and Healthcare]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2021, vol. 35, pp. 55-63. (in Russian)
4. Lee Jae Yong. Perspektivy ekonomicheskogo sotrudnichestva Respubliki Koreya i Rossii (vzglyad iz Seula) [Prospects of Economic Cooperation between Republic of Korea and Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economics and International Relations], 2013, vol. 10, pp. 91-94. (in Russian)
5. Petrovskij V.E. O problemah i perspektivah mezhregional'nogo sotrudnichestva s Respublikoj Koreya v kontekste razvitiya Vostochnoj Sibiri i Dal'nego Vostoka [Problems and Prospects of Cross-Regional Cooperation with the Republic of Korea in the Context of Development of Eastern Siberia and the Far East of Russia]. *Koreya pered novymi vyzovami* [Korea before new challenges], 2017, pp. 268-277. (in Russian)
6. Zakharova L. Economic Relations between Russia and South Korea in the New Northern Policy. Korea Economic Institute of America. Academic Paper Series. 10.12.2019, pp. 1-9. (in English).

Олейников Илья Васильевич

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра политологии, истории и
регионоведения
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
доцент, кафедра международных
отношений и таможенного дела
Байкальский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. Ленина, 11
e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Oleynikov Ilya Vasilyevich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Political Science,
History and Regional Studies
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
Associate Professor, Department of
International Relations and Customs
Baikal State University
11, Lenin st. Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.58>

Опыт российско-корейского регионального сотрудничества (на примере регионов-побратимов – Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто¹ Республики Корея)*

Е. В. Ли

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается опыт сотрудничества регионов-побратимов – Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто, приводятся данные о проектах, реализованных в рамках двустороннего партнерства, оценивается роль межрегионального взаимодействия в двусторонних отношениях РФ и РК. Отмечается, что пик активного сотрудничества приходится на 2016–2018 гг., после чего резко идет на спад в связи с распространением новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: международное сотрудничество, культурный обмен, молодежный обмен, провинции-побратимы, гуманитарное сотрудничество.

Для цитирования: Ли Е. В. Опыт российско-корейского регионального сотрудничества (на примере регионов-побратимов: Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто Республики Корея) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 58–64. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.58>

Региональное сотрудничество является важным компонентом международных отношений, представляя собой движущую силу развития экономического и культурного взаимодействия между двумя странами.

Как справедливо утверждает М. И. Колыхалов, в современных условиях глобализации и регионализации международные связи регионов наполняются новым содержанием, меняется их значимость и вес [2].

Часто межрегиональное сотрудничество осуществляется в рамках побратимских отношений между субъектами. П. П. Эм характеризует институт побратимства как особый вид долгосрочных взаимоотношений между двумя регионами за счет расширения связей в области экономики, культуры, образования, медицины, защиты окружающей среды и пр. [4].

¹ Название приведено по «Словарю географических названий Республики Корея» Л. Р. Концевича (2018). В тексте документов и на официальном сайте правительства Иркутской области встречаются также варианты названия Северная Кёнсан и Кенсанбук-до. При ссылках на документы орфография оригинала сохранена.

* Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции». Грантовое соглашение б/н от 02.02.2021.

А. В. Щепотьев и С. А. Яшин отмечают, что крепкие социально-экономические связи между побратимами приводят к росту товарооборота, что обусловлено более широкой информативностью о компаниях данного региона среди потенциальных партнеров, существованием поддержки и определенных гарантий со стороны властей данных регионов, увеличением туристического потока, культурного обмена между данными городами и т. д. Все это в результате оказывает положительное влияние на экономику не только регионов-побратимов, но и страны в целом [3].

Таким образом, побратимские отношения между регионами призваны в конечном итоге благоприятно влиять на развитие самого региона и укрепление партнерства между двумя странами.

В данной связи представляется актуальным исследование 25-летнего опыта сотрудничества регионов-побратимов – Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто с точки зрения анализа направлений взаимодействия и его вклада в развитие двусторонних отношений между РФ и РК.

Побратимские отношения между Иркутской областью и провинцией Кёнсан-Пукто были официально установлены 10 сентября 1996 г., когда губернаторы двух регионов Ю. А. Ножиков и Ли Ы Гын подписали Соглашение о побратимских связях между Иркутской областью и провинцией Кёнсанбук-до².

В ноябре 2010 г. данное соглашение заменил Меморандум о сотрудничестве между правительством Иркутской области Российской Федерации и администрацией провинции Северная Кёнсан Республики Корея³. Меморандум был подписан губернаторами Д. Ф. Мезенцевым и Ким Кван Ёном в присутствии президентов обоих государств в рамках визита официальной делегации РФ в Сеул для участия в саммите G20.

Как соглашение, так и меморандум определяют следующие направления сотрудничества:

- развитие всесторонних дружественных и партнерских отношений в экономической, социальной, научной, культурной и других областях,
- проведение совместных мероприятий по решению экономических, социальных, научных, культурных и других вопросов, представляющих взаимный интерес,
- всестороннее содействие друг другу с целью более полного использования экономического, научного и культурного потенциала обоих регионов,
- активизация культурных обменов и расширение торговых контактов.

Помимо вышеуказанных встреч, на которых были подписаны основополагающие документы, определяющие основные направления сотрудничества, главы регионов лично встречались дважды: в 2016 г. в ходе визита делегации Иркутской области во главе с губернатором С. Г. Левченко в РК с

² О побратимских связях между Иркутской областью (Российская Федерация) и провинцией Кёнсан-Пукто (Республика Корея): соглашение от 10 сент. 1996 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469421800> (дата обращения: 15.07.2021).

³ Меморандум о сотрудничестве между правительством Иркутской области Российской Федерации и администрацией провинции Северная Кёнсан Республики Корея. URL: <https://soccidy.irkobl.ru/sites/есопоту/Меморандум%20о%сотрудничестве%202010.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).

целью презентации экономического и инвестиционного потенциала региона в провинции Кёнсанбук-до и в 2017 г. во время ответного визита губернатора Ким Кван Ена в Иркутск.

На обеих встречах руководители регионов выразили заинтересованность, помимо прочего, в развитии медицинского туризма и создании проектов в области фармацевтики.

Последние две встречи и стали отправным моментом в активизации межрегионального взаимодействия, с которого начался новый период развития отношений. Однако, несмотря на договоренности о сотрудничестве в самых различных областях, основная масса проектов была направлена на культурный и молодежный обмен, в то время как в экономической и медицинской сфере каких-либо крупных проектов до сих пор реализовано не было.

Большинство проектов по сотрудничеству было воплощено в период с 2016 по 2019 г. Так, в рамках культурного обмена между регионами были организованы следующие мероприятия.

1. Концерт симфонического оркестра Кёнсан-Пукто в Иркутском музыкальном театре, приуроченный к празднованию 25-летия установления дипломатических отношений между РФ и РК (май 2016 г.).

2. Участие делегации Иркутской области в Глобальном культурном фестивале провинции Кёнсан-Пукто, в рамках которого состоялись выступление фольклорного ансамбля Куйтунского района «Прялица», презентация авторских произведений из бересты и расписных деревянных изделий иркутских мастеров декоративно-прикладного искусства Виктории Цыглер и Нины Королевой (июль 2017 г.).

3. Концерт Губернаторского симфонического оркестра Иркутской областной филармонии в провинции Кёнсан-Пукто в День международного сотрудничества (International Community Day) (сентябрь 2017 г.).

4. Выступление творческих коллективов провинции Кёнсан-Пукто в рамках празднования 80-летия Иркутской области (сентябрь 2017 г.).

5. Выступление народной вокальной группы «Мираж» на Международном фестивале культуры и туризма в провинции Кёнсан-Пукто (сентябрь 2018 г.).

Целью данных мероприятий является установление контактов между творческими коллективами двух регионов, а также знакомство жителей регионов с культурой страны провинции-побратима и, как следствие, повышение узнаваемости и формирование положительного имиджа своей страны у представителей региона-партнера.

Помимо культурного сотрудничества, начиная с 2016 г. активно развивается молодежный и студенческий обмен. Вплоть до 2020 г., когда в связи с распространением новой коронавирусной инфекции было приостановлено международное сообщение, молодежь обоих регионов ежегодно принимала участие в мероприятиях, организованных регионом-побратимом, таких как:

1. Глобальный молодежный культурный лагерь провинции Кёнсан-Пукто. С 2017 по 2019 г. делегация Иркутской области в составе 10–15 человек, в числе которых студенты и представители молодежных движений,

ежегодно в течение 5–7 дней принимала участие в программе Глобального молодежного культурного лагеря, организованного администрацией провинции Кёнсан-Пукто для жителей регионов-побратимов. Помимо представителей Иркутской области, в мероприятиях принимали участие делегации регионов-побратимов провинции Кёнсан-Пукто из Китая, Монголии, Вьетнама и других стран.

2. Языковые стажировки для госслужащих. Ведущие университеты провинции Кёнсан-Пукто при поддержке регионального правительства ежегодно предоставляют грант на обучение в течение одного семестра сотруднику администрации региона-побратима. Однако за годы реализации этой программы представители Иркутской области воспользовались этой возможностью лишь однажды.

3. Спортивные сборы по стрельбе из лука. Дважды, в 2017 и 2018 гг., пятеро спортсменов-лучников Иркутской области в течение двух недель принимали участие в спортивных сборах по стрельбе из лука в г. Ечон, организованных администрацией провинции Кёнсан-Пукто для регионов-побратимов.

4. Международный молодежный форум «Байкал». В 2018 и 2019 гг. студенты вузов провинции Кёнсан-Пукто, изучающие русский язык, приняли участие в работе одного из основных молодежных проектов в Сибирском федеральном округе – форума «Байкал». Мероприятие проводится ежегодно при поддержке полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе.

Основная цель данных мероприятий – укрепление дружеских отношений между молодежью провинций-побратимов, развитие человеческих ресурсов и воспитание кадров, способных в будущем осуществлять профессиональную деятельность в сфере российско-корейского сотрудничества.

Все вышеуказанные программы студенческого и молодежного обмена являются ежегодными, однако с 2020 г. их реализация временно приостановлена в связи с распространением новой коронавирусной инфекции и ограничением международного сообщения.

В сложившихся условиях стороны ищут новые возможности для продолжения сотрудничества в данной сфере. Так, в 2021/2022 учебном году две студентки Иркутского государственного университета смогли принять участие в программе студенческих обменов для регионов-побратимов провинции Кёнсан-Пукто и в настоящий момент проходят обучение в университете Ённам (Республика Корея).

Также стоит отметить финансовую поддержку администрацией провинции Кёнсан-Пукто Сибирского регионального конкурса устных выступлений на корейском языке, который ежегодно проводится ИГУ совместно с Генеральным консульством РК в г. Иркутске. С 2017 г. администрация провинции ежегодно предоставляет ценные призы и подарки победителям и участникам конкурса.

Необходимо отметить сотрудничество регионов в гуманитарной сфере: администрация провинции Кёнсан-Пукто оказала гуманитарную помощь

осенью 2019 г. во время наводнения в Иркутской области и в ноябре 2020 г., когда руководитель представительства Кёнсан-Пукто во Владивостоке передал в амбулаторный ковидный центр при Иркутской городской клинической больнице № 8 700 защитных костюмов многоразового использования для работы с ковид-больными.

Таким образом, можно констатировать, что начавшееся в 1996 г. сотрудничество Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто достигло пика своего развития в период 2016–2018 гг., после чего из-за ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции, многие программы были приостановлены на неопределенный срок.

Кроме этого, необходимо отметить, что основная масса двусторонних контактов приходится на культурную и образовательную сферу, а также молодежный и студенческий обмен.

Сопоставление количества проектов, направленных на развитие сотрудничества в гуманитарной области и сфере молодежного и студенческого обмена, показало несомненное преобладание корейских инициатив, что в целом соответствует стратегии «мягкой силы» Республики Корея, направленной на продвижение современной культуры и повышение узнаваемости страны за рубежом.

Причины меньшей интенсивности развития экономических отношений, в отличие от сотрудничества в культурной сфере, К. В. Иванов видит в административных издержках и финансовых затратах, с которыми сопряжено экономическое сотрудничество [1].

Очевидно, что, с одной стороны, культурные и гуманитарные контакты между регионами благоприятно сказываются на состоянии российско-корейских отношений, однако с другой стороны, развитие только культурного вектора взаимодействия не оказывает значительного влияния ни на развитие самого региона, ни на рост сотрудничества двух стран в той мере, которую предполагает межрегиональное сотрудничество.

Несмотря на то что при каждой встрече руководители регионов заявляют о намерении реализации совместных проектов в экономической и медицинской отрасли, до сих пор никаких существенных результатов в этом направлении достигнуто не было.

Также необходимо отметить, что в целом взаимодействие Иркутской области и Республики Корея не ограничивается культурной и гуманитарной сферами. Реализуется сотрудничество в области экономики, туризма, образования. Так, например, объем внешнеторгового оборота Иркутской области и Республики Корея в 2019 г. достиг 455 млн долл. США [Там же]. Также вплоть до 2020 г. активно росли показатели туристического обмена. Однако доля участия провинции Кёнсан-Пукто как региона-побратима в этом процессе весьма незначительна.

Прогнозировать развитие двусторонних отношений регионов-побратимов на ближайшее будущее в данный момент достаточно затруднительно. На встрече с Генеральным консулом РК в Иркутске Ким Се Уном в апреле 2021 г. губернатор Иркутской области И. И. Кобзев выразил заинте-

ресованность в расширении деловых связей в медицинской сфере, в частности в вопросе создания в регионе медицинского кластера на основе телемедицины, а также развитии научно-технического и гуманитарного сотрудничества, укреплении двусторонних связей путем участия в спортивных, молодежных, культурных и иных программах.

Представляется, что после снятия ограничений, связанных с распространением COVID-19, и возобновления международного сообщения прежде всего будут восстановлены контакты в сфере культурного и молодежного обмена, после чего стороны начнут совместную работу по поиску возможностей экономического и медицинского сотрудничества.

Список литературы

1. *Иванов К. В.* Состояние и перспективы российско-корейского сотрудничества (на примере Иркутской области) // Материалы IX Международной корееведческой конференции ДВФУ, Владивосток, 2–3 окт. 2020 г. = IX FEFU International Korean Studies Conference Proceedings, Vladivostok, 2–3 October 2020 / отв. ред.: М. П. Кукла, К. А. Пак. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2020. С. 105–109.
2. *Колыхалов М. И.* Анализ и классификация основных факторов, определяющих современные международные связи регионов государств // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 2. С. 270–289.
3. *Щепотьев А. В., Яшин С. А.* Взаимоотношения городов-побратимов как путь развития международных отношений // Проблемы экономики и информатизации образования : материалы VIII Междунар. (юбил.) науч.-практ. конф. Тула, 14–15 апр. 2011 г. / науч. ред. Е. Б. Карпов, Г. Н. Лишина. Тула : Тул. ин-т экономики и информатики, 2011. С. 250–254.
4. *Эм П. П., Сон Ж. Г.* Тигр пленяет медведя: «мягкая сила» Республики Корея в России // Азия и Африка сегодня. 2021. № 3. С. 24–30.

Russian-Korean Regional Cooperation (the Case of Twinned Regions – Irkutsk Region and Gyeongsangbuk-do Province of the Republic of Korea)

E. V. Li

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to study the history of the cooperation between twinned regions – the Irkutsk region and the Gyeongsangbuk-do province, which has lasted for 25 years. The data on the activities and projects organized during this period has been provided. Regional cooperation plays an important role in international relations. One of its purposes is to expand and strengthen interaction between two countries. The article examines the experience of cooperation between twinned regions – the Irkutsk region and the Gyeongsangbuk-do province – and studies the role of interregional interaction in relations between the Russian Federation and the Republic of Korea. The regions cooperated actively in 2016–2018 and later the cooperation was suspended due to the spread of COVID 19. Most of bilateral contacts have been in cultural and educational sphere. At the same time, there is a predominance of the events organized by the Korean side, which is along the lines of the “soft power” strategy of the Republic of Korea. And although the Irkutsk region and the Republic of Korea cooperate in economy, tourism, education and other fields, the role of the Gyeongsangbuk-do province is

very insignificant in this process. Despite the fact that at each privat meeting the heads of the regions declare their intention to implement joint projects in the economic and medical sector no significant results have been achieved in this direction so far. Thus, the current relations between the regions do not play a significant role in the development of relations between the Russian Federation and the Republic of Korea and are mainly aimed at promoting the culture of their own country in the territory of the partner region.

Keywords: international cooperation, cultural exchange, youth exchange, twinned provinces, humanitarian cooperation.

For citation: Li E.V. Russian-Korean Regional Cooperation (the Case of Twinned Regions – Irkutsk Region and Gyeongsangbuk-do Province of the Republic of Korea). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 58-64. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.58> (in Russian)

References

1. Ivanov K.V. Sostoyanie i perspektivy Rossijsko-korejskogo sotrudnichestva [State and prospects of Russian-Korean cooperation]. *Materialy IX mezhdunarodnoy koreevedcheskoy konferentsii DVFU (2-3 oktyabrya 2020 goda)* [IX FEFU International Korean Studies Conference Proceedings 2–3 October 2020]. Vladivostok, Vladivostok Feder. Univ. Publ., 2020, pp. 105–109. (in Russian)
2. Kolyhalov M.I. Analiz i klassifikatsiya osnovnykh faktorov, opredelyayushih sovremennyye mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv [Analysis and classification of the main factors that determine the modern international relations of the regions of states]. *Regionologiya* [Regionology], 2019, vol. 27, no 2. pp. 270–289. (in Russian)
3. Shchepotev A.V., Yashin S.A. Vzaimootnosheniya gorodov-pobratimov kak put razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenij [The relationship of twin cities as a way of developing international relations]. *Problemy ekonomiki i infirmatizatsii obrazovaniya* [Problems of economics and informatization of education. VIII International Scientific and Practical Conference Proceedings 14-15 april 2011]. Tula, Tula Institute of Economics and Informatics Publ., 2011, pp. 250–254. (in Russian)
4. Em P.P., Son Zh.G. Tigr plenyayet medvedya: “myagkaya sila” Respubliki Korea v Rossii [Tiger captivates bear: Republic of Korea's “soft power” in Russia]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2021, no. 3, pp. 24–30. (in Russian)

Ли Екатерина Вадимовна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра востоковедения и регионоведения
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: trzh@yandex.ru

Li Ekaterina Vadimovna

Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Department of Oriental
and Asia-Pacific Regional Studies
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: trzh@yandex.ru

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021

УДК 304.4

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.65>

Сравнительный анализ государственной молодежной политики в России и Республике Корея¹

И. В. Цой, П. И. Зайнуллина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Представлены основные направления, приоритеты и цели молодежной политики в России и Республике Корея. В сравнительном аспекте рассмотрены переходные процессы и особенности государственной молодежной политики, а также ключевые положения, изложенные в основных законодательных актах: Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» и Распоряжении Правительства РФ «Об основах государственной молодежной политики до 2025 года»; Основном (возрастная группа от 9 до 24 лет) и Рамочном (возрастная группа от 19 до 34 лет) законах о молодежи, а также Шестом Базовом плане молодежной политики на 2018–2022 гг. Фокус исследования направлен на соотнесение основных принципов и приоритетов молодежной политики обоих государств.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государственная молодежная политика, законы, государственная политика.

Для цитирования: Цой И. В., Зайнуллина П. И. Сравнительный анализ государственной молодежной политики в России и Республике Корея // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 65–72. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.65>

Государственная молодежная политика (ГМП) является обязательной составляющей социальной политики в силу своей стратегической направленности. Так, и в России, и в Республике Корея этому вопросу уделяется большое внимание как на высшем уровне государственного управления, так и локально. Именно молодежь является той группой, от которой будут зависеть благосостояние страны и уровень социальной стабильности в долгосрочной перспективе.

Е. В. Андриюшина одним из наиболее значимых факторов развития ГМП в России называет негативные демографические тенденции [1, с. 270], приводя следующие доводы: по некоторым прогнозам, к 2025 г. молодое население в России составит лишь 25 млн человек, в сравнении, например, с 35,2 млн в 1995 г., 39,5 млн – в 2005 г.² Информация, опубликованная на сайте Федерального агентства по делам молодежи, демонстрирует, что на

¹ Авторы статьи благодарят господина Чон Сонмина (Chun Sungmin), руководителя южнокорейского Фонда женщин и молодежи города Пучхон (Chairperson Bucheon City Women & Youth Foundation) за профильную консультацию и предоставленные материалы.

² Стратегия развития молодежи в РФ до 2025 года // Центр молодежных проектов : офиц. сайт ГБУ Ставропольского края. URL: <http://kdm26.ru/o-kompanii/dokumenty> (дата обращения: 11.09.2021).

1 января 2020 г. доля молодежи в общей численности населения России составляет 18,65 % (27,3 млн человек), в то время как в 2013 г. эта доля составляла 23,9 % (34,2 млн человек)³.

В Республике Корея демографическая ситуация – одна из самых проблемных и вызывает тревогу корейских специалистов. Второй год подряд уровень рождаемости в РК – самый низкий в мире. Согласно отчету о численности населения мира (по состоянию на 14 апреля 2021 г.), опубликованному Фондом Организации Объединенных Наций в области народонаселения (UNFPA), общий коэффициент фертильности в РК составил 1,1, как и в 2020 г.; таким образом, Республика Корея заняла последнее – 198-е место из 198 стран⁴. Общий коэффициент рождаемости в РК, которая в 2019 г. занимала 192-е место (1,3 ребенка), в прошлом году впервые рухнул после двухлетнего снижения. По состоянию на май 2020 г. численность молодежи в РК составила 8 млн 934 тыс. человек, что на 139 тыс. (-1,5 %) меньше, чем за тот же месяц предыдущего года⁵.

В России принято большое количество документов, касающихся молодежной политики. Мы рассмотрим два основных правовых документа – Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. и Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. «Об основах государственной молодежной политики до 2025 года» (далее – «Основы»). Особо отметим, что некоторые эксперты говорят о том, что «региональный» уровень нормативно-правового регулирования молодежной политики сегодня определяет содержание национальной молодежной политики [5, с. 57], тем не менее в рамках настоящего исследования внимание уделено будет только федеральным нормативным документам.

Обратимся к возрастной рамке, в которую государство вписывает понятие «молодежь». Так, «Основы» определяют молодежь как социально-демографическую группу в возрасте от 14 до 30 лет, оговаривая, что в ряде случаев в эти рамки могут входить и граждане РФ в возрасте «до 35 и более лет»⁶. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» включает в понятие молодежи «лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно»⁷.

В Республике Корея молодежная политика регулируется двумя основными законами – Основным законом о молодежи (возрастная группа от 9 до

³ Статистика // Росмолодежь : офиц. сайт. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 11.09.2021).

⁴ 한국 출산율 2 년 연속 전세계 꼴찌...14 세 이하 비율도 최하위 = Уровень рождаемости в РК в последние два года – по-прежнему самый низкий в мире. Доля людей в возрасте до 14 лет также самая низкая. URL: https://imnews.imbc.com/news/2021/world/article/6149171_34880.html (дата обращения: 12.07.2021).

⁵ 2020 년 5 월 경제활동인구조사 청년층 부가조사 결과 = Результаты дополнительного исследования молодежи в рамках исследования экономически активного населения по состоянию на май 2020 г. URL: <https://eiec.kdi.re.kr/policy/materialView.do?num=203152&topic> (дата обращения: 12.07.2021).

⁶ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).

⁷ О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 01.07.2021).

24 лет)⁸ от 20 ноября 2020 г. и Рамочным законом о молодежи (возрастная группа от 19 до 34 лет)⁹ от 5 августа 2020 г. Нормативно-правовая база этих двух законов разрабатывается с учетом содержания ежегодного Базового плана детской и молодежной политики, который рождается в недрах Министерства по вопросам гендерного равенства и семьи. Так, на 2018–2022 гг. был разработан и принят Шестой Базовый план¹⁰ с учетом плюсов и минусов предыдущих пяти (начиная с 1993 г.). Для РК это основной документ, в котором излагается содержание национальной молодежной политики на ближайшие годы.

Южнокорейское Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи разработало и продвигает Шестой Базовый план молодежной политики (2018–2022 годы), чтобы активно реагировать на изменения в социальной среде. Шестой Базовый план молодежной политики преследует следующие четыре цели: 1) вовлечение молодежи и расширение ее прав, 2) активизация деятельности под руководством молодежи, 3) самостоятельность молодежи и усиление мер по ее защите, 4) реформы и инновации в системе продвижения молодежной политики. Для реализации Плана Министерство определило 12 ключевых задач и 144 конкретные задачи, которые должны быть выполнены к 2022 г. Одна из целей – содействовать всесторонней поддержке молодежи в проявлении способностей и овладении компетенциями, необходимыми в будущем. Кроме того, ставятся задачи по расширению участия молодежи и укреплению социальной основы, уважающей молодежь, с тем чтобы молодые люди могли расти как демократические граждане посредством мероприятий, которые они самостоятельно планируют. Согласно Плану, для того чтобы помочь молодежи адаптироваться к быстрым социальным изменениям и проявить свои творческие таланты, парадигма молодежной политики должна быть преобразована в молодежные программы, ориентированные на молодежь как на потребителя, а не как на поставщика. Кроме того, обновленная программа включает политику укрепления системы социальной защиты, с тем чтобы молодежь, находящаяся в трудных условиях, таких как социальное неравенство и нищета, могла расти без дискриминации.

В целях Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года значится «совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной

⁸ 청소년 기본법 = Основной Закон о молодежи (подростково-юношеский возраст). URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EC%B2%AD%EC%86%8C%EB%85%84%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EB%B2%95> (дата обращения: 07.07.2021).

⁹ 청년 기본법 = Рамочный Закон о молодежи. URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EC%B2%AD%EB%85%84%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EB%B2%95> (дата обращения: 07.07.2021).

¹⁰ 제 6 차 청소년정책 기본계획 = 6-й Базовый план детской и молодежной политики (подростково-юношеский возраст). URL: http://www.mogef.go.kr/mp/pcd/mp_pcd_s001d.do?sessionId=I75x4nZhCUdOWZGIzYtEboqS.mogef11?mid=plc502&bbtSn=704748&pageIndex=1&upDispYn=&schBgnDt=&schEndDt=&searchCondition=title&searchKeyword (дата обращения: 07.07.2021).

интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны»¹¹. Во вводной части в качестве стратегического приоритета ГМП дана следующая формулировка: «создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, равнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям». К. В. Подъячев и И. А. Халий указывают расхождения этого положения с реальностью, лежащие в плоскости социологии: «Государство готово выполнять патерналистские функции – создавать условия для молодежи. Но молодежь – социальная группа, которая скорее антипатерналистски настроена, ориентирована на самостоятельные действия и создание условий своей жизни – на это и должна быть направлена молодежная политика государства» [6, с. 265]. Отметим, что авторы считают, что документ в целом пронизан «патерналистскими устремлениями государства, которое хочет формировать и систему ценностей молодежи» [Там же, с. 266].

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» в качестве целей ставит защиту прав молодежи; обеспечение равных условий для всестороннего развития и самореализации молодежи; создание условий для участия молодежи в жизни общества; повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде; формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации; формирование культуры семейных отношений, поддержку молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в стране¹². Отдельно в законе упоминается понятие «самореализация молодежи».

В этом можно заметить три основные тенденции. Во-первых, государство делает попытку отойти от патерналистских установок в молодежной политике. Тем не менее в принципах и основах, изложенных в Федеральном законе, акцент ставится на поддержку молодежи и молодых семей, обеспечение равного доступа к мерам социальной поддержки, внимание незащищенным слоям населения. Е. В. Андрияшина указывает, что российская государственная молодежная политика не делает акцент на экономическом развитии молодежи, эффективности социальных лифтов [1, с. 277]. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», раскрывая в начале документа понятие «самореализация», в дальнейшем по большей части касается организации доступа к мерам социальной поддержки. С другой стороны, исследователи, в числе которых Л. Д. Козырева, называют социальную поддержку «ключевой инновационной формой социализации»

¹¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).

¹² О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 01.07.2021).

молодежи, что является свидетельством в пользу того, что именно в этой плоскости должны лежать приоритеты ГМП [4, с. 160].

Во-вторых, можно проследить ориентацию на профилактику социальной (в том числе религиозной, национальной, расовой) напряженности, экстремизма. Это отражает остроту политической повестки современной России и во многом является реакционной мерой по актуальным процессам. Некоторые исследователи замечают, что на направления ГМП сильно влияет повестка дня политического лидера. «Основная парадигма современной молодежной политики связана с позицией нынешнего главы государства, состоящей в том, что единственно возможной идеологией современных россиян может быть только патриотизм. Вопросом из личной повестки дня также можно считать и ориентацию на ведение здорового образа жизни, активное занятие спортом», – комментируют эксперты [2, с. 61].

В-третьих, государство подчеркивает важность поддержки молодых семей, формирование семейных ценностей в обществе, что должно в итоге способствовать улучшению демографической ситуации в Российской Федерации. Отдельно упомянутый закон дает определение такой социальной категории, как «молодая семья». Так, А. С. Буторов и Р. А. Адлов, сравнивая модели ГМП в России и США, пишут: «Следует отметить, что действующая в США модель молодежной политики предполагает предоставление государственной поддержки лишь наименее защищенным и неблагополучным категориям молодежи, при этом опыт ее реализации преимущественно свидетельствует об эффективности» [3, с. 188]. Меры поддержки семей, однако, законом не прописываются: данные меры носят описательный, рамочный характер и сводятся к устремлению решить демографический кризис не за счет улучшения экономической обстановки, а за счет формирования культурных ориентиров.

В целом ученые указывают на перекося в сторону гражданского и патриотического воспитания [2, с. 64], декларативный характер ГМП [Там же, с. 65], недооценку роли молодежи в процессах развития общества, отстраненность от активного участия в решении проблем молодого поколения [6, с. 195].

Если говорить о южнокорейском опыте, то, как пишут исследователи из Корейского института здравоохранения и социальных вопросов (KIHASA) Чон Сечжон и Рю Чина, «услуги, которые молодые люди получают в рамках новой системы реализации молодежной политики, должны быть существенными и предоставляться профессионально, согласованно и подотчетно. Если предлагаемая система реализации молодежной политики, ориентированная на «молодежь» как коллективную идентичность, преследует цель помочь молодым людям преодолеть маргинализацию и накопить социальный капитал, она также должна стать той средой, которая стимулирует разрозненных людей взаимодействовать таким образом, чтобы они могли получить более широкий доступ к ресурсам» [8, с. 5]. Специалисты по молодежной политике высказывают мнение о том, что «среди молодежи наблюдается заметная тенденция к депрессивным симптомам и гневу, связанным с настороженностью по отношению к COVID-19» [Там же]. Важно

понимать, что проблему одиночества и озабоченности можно сгладить с помощью отношений и общения и прежде всего с помощью того, что Питер Бакер назвал «разделяемыми эмоциями» [7]. В быстро меняющемся социально-экономическом ландшафте РК переход молодежи во взрослую жизнь становится все более отложенным, диверсифицированным и стратифицированным, что затрудняет определение молодежи в качестве целевой группы социального обеспечения. В свете этих обстоятельств предлагаемая система реализации молодежной политики должна функционировать как универсальная система социальной защиты, отвечающая потребностям молодежи, до тех пор, пока существующие программы социального обеспечения не превратятся в целостную и постоянную систему, способную реагировать на целый ряд социальных изменений и рисков. Возникшая в ответ на потребности молодежи молодежная политика Республики Корея охватила своей деятельностью от молодежных активистов и местных органов власти до национального правительства, от частного сектора до государственной сферы. Сейчас молодежная политика выступает в качестве ключевого средства для изменения южнокорейского общества. Следует изыскивать пути обеспечения участия молодежи в разработке молодежной политики и программ, а также сохранения и использования импульса и инноваций, предлагаемых активистами частного сектора [8, с. 5–6]. В случае с Южной Кореей вектор развития молодежной политики лежит не в плоскости патриотического воспитания молодежи и патерналистских установок — главной целью является эффективная и своевременная адаптация молодежи к быстро меняющимся социально-экономическим условиям, большая вовлеченность молодежи в развитие молодежных программ и руководство этими программами.

Список литературы

1. *Андрюшина Е. В.* Государственная молодежная политика в российском обществе: этапы, основные направления, показатели результативности // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 269–281.
2. *Андрюшина Е. В., Панова Е. А.* Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // Власть. 2017. № 7. С. 60–65.
3. *Буторов А. С., Адлов Р. А.* Особенности государственной молодежной политики в России и США на современном этапе. Сравнительный анализ // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8, № 2. С. 186–199.
4. *Козырева Л. Д.* Поколение Z в политике: политологический прогноз // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 159–165.
5. *Лапшин И. Е., Лубский Р. А.* Особенности нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 53–58.
6. *Подъячев К. В., Халий И. А.* Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 2 (20). С. 263–276.
7. *Baker P. C.* ‘We can’t go back to normal’: how will coronavirus change the world?. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/31/how-will-the-world-emerge-from-the-coronavirus-crisis> (дата обращения: 12.07.2021).

8. Cheong S., Ryu J. Issues and Recommendations for the Establishment of a National Youth Policy Delivery System: A Look at Seoul's Case // Research in Brief / Korea Institute for Health & Social Affairs. 2021. Issue 2021-6. May 20. P. 5–6.

A Comparative Analysis of State Youth Policy in Russia and the Republic of Korea

I. V. Tsoy, P. I. Zaynullina

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article presents main directions, priorities, and goals of youth policy in Russia and the Republic of Korea. Transitional processes and features of the state youth policy, as well as the key provisions set out in the main legislative acts, have been considered in a comparative aspect. Regarding Russia the authors revised the Federal Law “On Youth Policy in the Russian Federation” of December 31, 2020, and the Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014, “On the Foundations of State Youth Policy until 2025”. The Republic of Korea is examined with the Basic (November 20, 2020) and Framework (August 5, 2020) Laws of youth and the Sixth Basic Plan for Youth Policy 2018–2022. For the Republic of Korea this is a main document that defines national youth policy in the coming years. The study aims to correlate basic principles and priorities of youth policy in both countries.

Keywords: youth, youth policy, national youth policy, laws, public policy.

For citation: Tsoy I.V., Zaynullina P.I. A Comparative Analysis of State Youth Policy in Russia and the Republic of Korea. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 65-72. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.65> (in Russian)

References

1. Andrijushina E.V. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v rossijskom obshchestve: jetapy, osnovnye napravlenija, pokazateli rezul'tativnosti [State youth policy in Russian society: stages, main directions, performance indicators]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*, [Public administration. Electronic bulletin], 2018, № 67, pp. 269-281. (in Russian)
2. Andrijushina E.V., Panova E.A. Sovremennaja rossijskaja gosudarstvennaja molodezhnaja politika: jevoljucija, osnovnye napravlenija, praktiki [Contemporary Russian state youth policy: evolution, main directions, practices]. *Vlast'* [Power], 2017, № 7, pp. 60-65. (in Russian)
3. Butorov A.S., Adlov R.A. Osobennosti gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossii i SShA na sovremennom jetape. Sravnitelnyj analiz [Features of state youth policy in Russia and the United States at the present stage. Comparative analysis]. *Vestnik RUDN. Serija: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie* [Bulletin of the RUDN. Series: State and Municipal Administration], 2021, vol. 8, no. 2, pp. 186-199. (in Russian)
4. Kozyreva L.D. Pokolenie Z v politike: politologičeskij prognoz [Generation Z in Politics: Political Science Forecast]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Historical Sciences series], 2019, no. 3 (23), pp. 159-165. (in Russian)
5. Lapshin I.E., Lubskij R.A. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovanija molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii [Specific of legal regulation of youth policy in the Russian Federation]. *Filosofija prava* [Philosophy of Law], 2021, no. 1 (96), pp. 53-58. (in Russian)
6. Pod'jachev K.V., Halij I.A. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v sovremennoj Rossii: koncept i realii [State youth policy in modern Russia: concept and realities]. *Vestnik*

RUDN. Serija: Sociologija [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology], 2020, no. 2 (20), pp. 263-276. (in Russian)

7. Baker P.C. 'We can't go back to normal': how will coronavirus change the world? Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/31/how-will-the-world-emerge-from-the-coronavirus-crisis> (date of access: 12.07.2021).

8. Cheong S., Ryu J. Issues and Recommendations for the Establishment of a National Youth Policy Delivery System: A Look at Seoul's Case. Research in Brief. Korea Institute for Health & Social Affairs. Issue N 2021-6, May 20, 2021, pp. 5-6.

Цой Инна Валериантовна

кандидат филологических наук,
доцент, кафедра корееведения
Санкт-Петербургский государственный
университет
Российская Федерация, 199034,
г. Санкт-Петербург, Университетская
наб., 7-9
e-mail: i.tsoy@spbu.ru

Tsoy Inna Valeriantovna

Candidate of Sciences (Philology), Associate
Professor, Department of Korean Studies
Saint Petersburg State University
11, Universitetskaya emb., St. Petersburg,
199034, Russian Federation
e-mail: i.tsoy@spbu.ru

Зайнуллина Полина Игоревна

аспирант
Санкт-Петербургский государственный
университет, Российская Федерация,
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9
e-mail: p.zaynullina@spbu.ru

Zaynullina Polina Igorevna

Postgraduate
Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg,
199034, Russian Federation
e-mail: p.zaynullina@spbu.ru

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021

УДК 930.253

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.73>

Российские корееведы о корейском коммунистическом и национально-освободительном движении конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг.

Л. В. Овчинникова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается вопрос освещения коммунистического и национально-освободительного движения в Корее первой трети XX в. учеными и публицистами. Отмечается, что в целях более беспристрастной оценки событий необходимо расширение источниковедческой базы, поиск новых сведений и материалов по различным аспектам данной темы. Автору представляется важным использование при рассмотрении тематики национально-освободительной борьбы корейского народа закрытых (служебных) публикаций, выпущенных японским генерал-губернаторством в 20–30-х гг. и начале 40-х гг. в Сеуле на японском языке (*бунго*). Ставится задача показать, как освещали российские корееведы основные, значимые вехи национально-освободительного и коммунистического движения в Корее в период конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг., при этом автор пытается по возможности сопоставить их с трактовками, данными японскими закрытыми изданиями генерал-губернаторства.

Ключевые слова: колониальная Корея, генерал-губернаторство, японская администрация, антияпонская борьба, освобождение Кореи.

Для цитирования: Овчинникова Л. В. Российские корееведы о корейском коммунистическом и национально-освободительном движении конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 73–81. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.73>

Тематика колониальной истории Кореи разрабатывалась в трудах отечественных востоковедов. Достаточно вспомнить монографии и труды советских корееведов, содержание которых в наиболее концентрированном виде представлено в капитальном труде «История Кореи» [1]. Российские корееведы – Ф. И. Шабшина (Куликова), В. И. Шипаев, М. Н. Пак, Ю. М. Ванин и др. – создали немало трудов по разным аспектам этой темы, причем особое внимание они уделяли именно исследованию корейского сопротивления. Авторы высоко оценивали патриотизм, самоотверженность корейских патриотов. Ценными для исследователей представляются и труды советских историков-корейстов – непосредственных очевидцев событий, посвященные рассматриваемому периоду, в частности книги Ф. И. Шабшиной о колониальной Корее [4; 5].

В этих серьезных монографиях наряду с объективными оценками и суждениями немало спорного, требующего переосмысления. Положение осложнялось тем, что долгое время советские корейцы были вынуждены следовать в своих трудах за официальной историографией КНДР. Она же, как известно, в угоду культу личности Ким Ир Сена, националистической доктрины *чучхе* искажала исторические факты, некоторые аспекты истории колониального периода, в частности национально-освободительного и коммунистического движения. Это привело ко многим негативам, в частности к безымянности, отсутствию сведений о лидерах, участниках антияпонской борьбы. Тем более что многие впоследствии оказались жертвами тоталитарного режима. Образовалось немало белых пятен; результатом стали и некоторые ошибочные трактовки и опущенные, нерасшифрованные страницы истории корейской освободительной борьбы.

В XXI в. были изданы монографии «История Кореи (Новое прочтение)», 2003 г. [2], «История Кореи: с древности до начала XXI века», 2009 г. [3] и другие, авторы которых достаточно подробно освещают вопросы национально-освободительного, в том числе коммунистического движения; и все же они не затрагивают отдельные аспекты этой тематики.

Думается, необходимость расширения источниковедческой базы, поиска новых сведений и материалов по вопросам данной теме сохраняется по сей день. Автору представляется важным использование при рассмотрении национально-освободительной борьбы корейского народа закрытых (служебных) публикаций, выпущенных японским генерал-губернаторством в 20–30-х гг. и начале 40-х гг. в Сеуле на японском языке (*бунго*), это материалы полиции, суда, прокуратуры конца 10-х, 20-х, первой половины 30-х гг. Их чисто прагматические, прикладные цели, детализированные до мелочей сведения лишь повышают ценность рассматриваемых изданий. Будучи секретными или особо секретными, рассчитанными на очень узкий круг чиновников японской колониальной администрации, они дают более или менее достоверную информацию; и все же необходимо сверять ее с другими источниками. Кроме упомянутых выше монографий советских корееведов, такими источниками являются предназначенные для служебного пользования спецбюллетени и инициативные записки сектора Кореи Института востоковедения Академии наук; советская пресса 20–30-х гг. В ряде случаев в источниковедческом ключе автор обращался к весьма интересным, насыщенным многочисленными фактами монографиям американских ученых – Р. Скалапино, Ли Чжонсика, Со Дэсука и др. [7–9]. Нетрудно догадаться, какими методами полиция добывала сведения у арестованных, многие из которых не выдерживали пыток и давали ложные показания. Вместе с тем полицейско-жандармские службы нередко преувеличивали размах антияпонского движения, дабы завысить свою роль в ее подавлении. Сквозь призму «полицейской методологии» отражены в рассматриваемых публикациях и представления их авторов о стратегии и тактике освободительной борьбы, которая оценивалась ими как продукт экспорта извне, а вся деятельность левого крыла патриотов отождествлялась с «рукой Москвы».

Несомненно, эти японские источники воссоздают картину колониальной Кореи, показывают методы управления и контроля японских властей, а также рассказывают о борьбе народа этой страны за обретение независимости. В данной статье автор ставит задачу показать, как освещали российские корееведы основные, значимые вехи национально-освободительной борьбы корейского народа конца 10-х, 20-х и первой половины 30-х гг. При этом он пытается по возможности сопоставить их концепции с трактовками, данными японскими закрытыми изданиями генерал-губернаторства.

Первый отрезок времени охватывает почти десятилетие – 1918–1928 гг. Представляется, что этот период в концепции отечественных корейстов содержит немало проблем, требующих переосмысления или уточнения. Прежде всего это вопрос влияния внешних факторов, стимулировавших в это десятилетие борьбу корейцев за национальное освобождение. В работах отечественных корееведов можно увидеть завышение, а то и абсолютизацию влияния октябрьских событий в ущерб другим внешним факторам, например вильсоновским принципам. В японских полицейских изданиях, в частности в книге «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время», говорится об этих внешних факторах [11, с. 7]. При этом особо отмечается большое влияние на Корею революционных событий в России. Из этих изданий следует, что оно было сильным по ряду причин, среди которых соседство стран; наличие в России большого числа корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов; участие корейцев в Гражданской войне на Дальнем Востоке. Напомним и другие факты. До 1921 г. корейское социалистическое, чаще именуемое коммунистическим, движение было зарубежным и кружковым. С 1921 по 1925 г. оно было по-прежнему зарубежным, но уже появились партии. Основными из них были иркутская и шанхайская. Кроме того, образовались небольшой коммунистический центр в Японии и кружки в самой Корее. Их роль проявлялась и в движении 1919 г., до сих пор именуемом первоапрельской демонстрацией. Этот термин может считаться не совсем корректным, ведь демонстрация 1 марта была лишь его началом. Конечно, первоапрельское движение возникло на базе внутренних факторов, порожденных зверствами японского колониального режима, но влияние на него революции в России несомненно. Что касается японских изданий, то их материалы также указывают, что в первое десятилетие японского господства в Корее протест против национального гнета и социального бесправия достиг особого накала, что вызвало взрыв народного недовольства. Это вылилось в мощное общенациональное освободительное движение 1919 г. [1, с. 52–58; 2, с. 284–290]. Один из главных, проходящих через все рассматриваемые издания тезисов сводится именно к тому, что в Корее не было внутренних условий для активной японской борьбы, что она экспортировалась Москвой, искусственно внедрялась.

Японские издания неоднократно указывают на то, что революционные события в России серьезно повлияли на движение 1919 г., что не могло не беспокоить колониальную администрацию. Издание «Корейская полиция» отмечает: «В начале Первой мировой войны в Корее было много недоволь-

ных. Но особенно это недовольство и движение народных умов возросло после второй русской революции 1917 г., а также интервенции в Сибири. В последующие годы стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей» [13, с. 65]. В закрытых японских изданиях оно неизменно связывалось с «рукой Москвы»; утверждалось, что «среди народа насаждаются идеи о том, что только решительной борьбой, насилием можно добиться независимости. Характерно, что движение за независимость внедряется интеллигенцией и подхватывается массами» [1, с. 37–40; 13, с. 65]. «Словарь тайной полиции» также пишет, что «идеи независимости в это время (конец 10-х гг.) получили распространение среди широких народных масс» [10, с. 275]. Выступления с освободительными лозунгами, в той или иной степени связанные с революционными событиями в России, стали именоваться «идеологическими преступлениями». Издания японского генерал-губернаторства приводят данные о многочисленных организациях, совершающих такие «идеологические преступления» в 20-е гг. В частности, в «Вестнике идеологии» содержатся данные об арестах по делу «добровольческих войск», как и по деятельности других «подрывных элементов». Указывается, в частности, что эта группа была связана с Москвой, своей целью она провозгласила борьбу за независимость. Сообщается и о других аналогичных организациях, действовавших в 1923–1924 гг. [12, с. 62].

Надо признать, что концепция отечественных корееведов отводила решающую роль вооруженному этапу борьбы – народному восстанию, хотя оно и было ответом на репрессии японских властей. Преувеличивалось значение именно вооруженных форм борьбы [6]. Распространенный в советский период тезис о приоритете насильственных действий требует серьезного пересмотра. Не учитывались потенции единого фронта патриотических сил, в частности корейского Временного правительства, созданного в Шанхае и объединявшего корейских патриотов разной ориентации. Вряд ли правомерно говорить о полном поражении народной борьбы 1919 г. Ведь последовавшие реформы Сайто: облегчали деятельность прогрессивных сил Кореи, хотя крайне левое их крыло слишком абсолютизировало опыт русских большевиков, их приверженность вооруженным формам борьбы, механически переносило их на корейскую почву. При всей ограниченности курса реформ они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы [1, с. 56–58].

Как оценивают японские служебные издания период 1920–1925 гг.? Авторы их утверждают, что в этот период леворадикальное, или «коммунистическое», движение, как его именуют авторы японских изданий, «преобладало над националистическим», подавляя его. Хотелось бы скорректировать это заявление. Как говорилось выше, рассматриваемое пятилетие было временем так называемого культурного управления, реформ, когда несколько расширились возможности легальной деятельности левых сил. В условиях большого влияния на Корею революционных событий в России многие националисты потянулись в марксистские кружки, леворадикальные груп-

пы. То была дань моде. Думается, японские источники все же завышают степень влияния леворадикальных групп в массах, оно было сильным, но не преобладало над влиянием других организаций, выступающих с антияпонскими лозунгами.

Японские издания приводят и сведения о зарубежных коммунистических группах, неизменно и настойчиво проводя тезис, что в Корее подобная идеология искусственно насаждалась Москвой, причем при этом экспортировались не только идеи, инспирировались и конкретные действия на Корейской земле под руководством Москвы.

Очень неоднозначен зарубежный период деятельности корейских коммунистов. С одной стороны, их активность содействовала росту патриотического самосознания народа; с другой стороны, зарубежные центры, особенно российский, недостаточно знали и учитывали внутренние условия Кореи. Источниками сведений были сезонные корейские рабочие, которые не могли излагать полную и подлинную картину происходящего там. Увиденное же в России часто обрастало легендами и домыслами. Все же первые декреты советской власти воодушевляли корейских патриотов.

Образование в 1919 г. Коминтерна, изложенные Лениным на II Конгрессе задачи национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, выдвигавшие на первый план достижение национальной независимости, стали мощным импульсом создания в Корее единого общенационального фронта, возглавлявшего разные классовые слои. И все же думается, что Коминтерн допустил немало ошибок в руководстве корейскими коммунистами в рассматриваемое время и позднее. Должной оценки эти ошибки в концепции отечественных корееведов не получили. В частности, это касается «фракционной» борьбы. Иркутская партия (группа) отстаивали большевистский опыт. Шанхайская была по своей сути иной, сейчас ее назвали бы левоцентристской. Руководителем ее был Ли Дон Хви – активный социалист, националист, патриот, член Временного шанхайского правительства, но отнюдь не фракционер, как его иногда называли. По своим основным параметрам к нему были близки многие другие социалисты, а также представители элиты корейской интеллигенции. Немало было мечущихся, ищущих, к какому берегу пристать. Думается, это недоучитывалось в исполкоме Коминтерна, что отразилось и на концепции отечественных корееведов. Доминировал тезис о «фракционерах».

В 1925 г. была образована компартия в самой Корее. В числе ее основателей были Ё Ун Хён, Пак Хон Ён и другие интеллигенты. Ориентировалась она на решения II Конгресса Коминтерна, на первоочередность национально-освободительных задач и на создание единого фронта разнородных патриотических сил. Определенные успехи в этой области кажутся бесспорными.

По мнению российских востоковедов, началом, зародышем единого фронта стала демонстрация в июне 1926 г., в которую переросли похороны корейского экс-императора. Известно, что религиозные общества играли там значительную политическую роль, в частности Чхондогё (его левое крыло, Чхонудан, было связано с Крестинтерном). Учение Чхондо – «все

для человека, для его блага» – сближало его с идеями социализма. Хотя июньское выступление не вышло за рамки Сеула, оно, как считают российские корееведы, стало важным событием национально-освободительной борьбы и заметной вехой во взаимодействии корейских патриотов различной направленности. Материалы японских источников также указывают, что во время июньских событий 1926 г. националистические организации, религиозные деятели блокировались с леворадикальными, коммунистическими группами. Эти книги содержат факты о росте антияпонских настроений, о высоком патриотическом подъеме разных слоев населения, в первую очередь интеллигенции, учащейся молодежи. Несмотря на массовые аресты, борьба прогрессивных сил за единство действий, за сотрудничество патриотических организаций продолжалась, на это указывает и деятельность общества Синганхве, созданного в 1927 г., правда, действовавшего недолго. Полицейские издания называют его организацией «бескомпромиссной», т. е. прокоммунистической, также связывая его деятельность с «рукой Москвы» [11, с. 9].

Вторая половина 20-х гг. характеризовалась пересмотром курса коммунистического движения, проявлением в нем левизны. Это видно по решениям VI Конгресса Коминтерна. На нем произошла парадоксальная ситуация – Коминтерн, утвердив компартию Кореи своей секцией, фактически тут же ее распустил – опять из-за той же «фракционности», не признав ее представителей, приехавших на Конгресс. То была очередная дань левизне, сектантству. В концепции российских корейцев не было единого мнения относительно того, оправдан ли был ли роспуск компартии Кореи. Автор солидаризируется с теми корееведами, которые считали, что он был ошибочным, что сохранение компартии в качестве единой организованной силы могло обеспечить более активное взаимодействие в Корее социалистического и национально-освободительного движений.

По периоду 1928–1936 гг. надо сказать, что на корейской освободительной борьбе решения VI Конгресса Коминтерна отразились остро и крайне болезненно. Как и в других странах, здесь возобладали догматизм, забегание вперед, сектантство, а также силовые методы. На первый план стали выдвигаться далекие от реальности задачи социалистической революции и построения социалистического общества. В тени оказалось главное требование национальной независимости. Распались зачатки единого фронта. Новый курс Коминтерна нанес ему тяжелый удар, оттолкнув от социалистических сил не только союзников. Как известно, VI Конгресс Коминтерна, с одной стороны, отметил, что выработанные В. И. Лениным и принятые на II Конгрессе «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» в полной мере сохраняют свое значение. Но с другой стороны, тезисы VI Конгресса Коминтерна, принятые им по докладу О. В. Куусинена, содержали крупные ошибки сектантского характера. В декабре 1928 г. Политический секретариат исполкома Коминтерна принял развернутые тезисы по Корее. В них говорилось, что национально-освободительное движение в большинстве современных колоний, в том числе и в Корее, является не только антиимпе-

риалистическим и антифеодальным движением; оно теснейшим образом связывается с классовой борьбой пролетариата как против империалистов и феодалов, так и против национальной буржуазии.

Период 1928–1936 гг. отмечен в Корее многими драматическими событиями. Российские корееведы считают, что речь может идти не о взаимодействии национально-освободительного и коммунистического движений, а об их полном слиянии. Следует подчеркнуть, что предшествующая деятельность компартии сказалась на борьбе трудящихся, о чем свидетельствовала Вонсанская забастовка 1929 г. И не только трудящихся. Весьма показательным антияпонское выступление корейских студентов, представителей интеллигенции в Кванджу. Напомним и о крупном выступлении крестьян в Танчхоне (пров. Хамгён Намдо) в июле 1930 г., поддержанном жителями других районов; «крупным мятежом» именуются массовые волнения там же в декабре 1930 г. В разных районах страны происходили так называемые ирригационные бунты, сожжение крестьянами долговых обязательств, нападение на дома богатеев.

Отмечая влияние и в ряде случаев активное участие коммунистов в этой борьбе, российские корейцы указывают на многообразно проявлявшуюся в ней левизну. В то же время они подчеркивают, что в самом начале 30-х гг. еще не произошло полностью переориентации коммунистов на маломощные «красные» союзы.

Это началось позже. Стали создаваться экстремистского типа красные рабочие и крестьянские союзы и объединения леворадикальных интеллигентов, проявлявших «революционное нетерпение», утопизм, догматизм, а также романтизм. Подпольные красные союзы мало чем отличались от коммунистических групп, что показано в концепции российских историков. Большинство этих мелких объединений выдвигали в качестве своих непосредственных задач достижение независимости и построение коммунистического общества.

Созданное по инициативе коммунистов общество единого фронта Синганхве было по их же инициативе распущено, что расценивается российскими корееведами как дань сектантству. Роспуск Синганхве углубил разобщенность национальных сил, явился следствием левачества.

После захвата Японией Маньчжурии начался новый зарубежный период борьбы корейских коммунистов. Центр его переместился в Китай. Об этом, в частности, свидетельствует Платформа действия компартии Кореи (1934). Документ оценивал первоочередные и конечные цели борьбы, тесно увязывал национально-освободительные требования с антифеодальными. По мнению отечественных корееведов, он отражал борьбу между носителями левизны и сторонниками нового курса.

Период 1935–1939 гг. насыщен событиями; он также требует уточнения ряда спорных вопросов. Своеобразные черты корейского освободительного движения этого периода связаны, с одной стороны, с активизацией японского милитаризма и началом японо-китайской войны, с другой – с изменением курса Коминтерна, с отказом от левачества и сектантства, что нашло отражение и в Корее. Но данный период выходит за рамки темы настоящей статьи.

Список литературы

1. История Кореи. В 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1974. 480 с.
2. История Кореи (Новое прочтение). М. : РОССПЭН, 2003. 429 с.
3. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.
4. Шабина Ф. И. Южная Корея 1945–1946. Записки очевидца. М. : Наука, 1974. 271 с.
5. Шабина Ф. И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М. : Наука, 1982. 287 с.
6. Шабина Ф. И. Народное восстание 1919 г. в Корее. М. : ИВ АН, 1952. 279 с.
7. Lee Chong-Sic. The politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963. 342 p.
8. Scalapino R., Lee Chong-Sic. Communism in Korea. Berkeley, 1972. 685 p.
9. Suh Dae-Sook. Documents of Korean Communism. Princeton, 1969. 572 p.
10. Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн = Словарь тайной полиции = 高等警察用語辞典. Сеул : изд. генерал-губернаторства, 1935. 258 с. (на япон. яз.)
11. Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё: = Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время = 最近における朝鮮治安状況. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1939. 480 с. (на япон. яз.)
12. Сисо: ихо: = Вестник идеологии = 思想彙報. Вып. 1937 г. № 11. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1937. 321 с. (на япон. языке)
13. Тё:сэн кэйсацугайё: (Корейская полиция), 朝鮮警察概要. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1938. 161 с. (на япон. яз.)

Korean National Liberation and Communist Movement in Korea (Late 1910-s, 1920-s and Early 1930-s). Concepts of Russian Orientalists

L. V. Ovchinnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The colonial history has been a topic for scientific research for Russian and foreign orientalists in the 20th and 21st centuries. At present some of the historical events and processes, the liberation movement in the Asian colonies for instance, are being revised and reviewed. At the same time a search for new sources, documents and information is becoming one of the priorities in historical science. This is true about Korean liberation studies in the former USSR and Russia. Soviet and Russian orientalists carried out a number of significant works on the topic. However, as many scholars say themselves, these publications need revision. Furthermore, formerly in their publications Soviet researchers were obliged to follow the concepts of the official North-Korean historiography, which was to serve the cult of Kim Il-Sung and the “Chuchhe” doctrine and misinterpreted historical events, those related to the 1920-s and the 1930-s particularly. As a result some misinterpreted conceptions, missing and unexplained data about Korea’s liberation movement appeared. Hence there was a necessity to broaden the scientific source of research, a need for new information and data. The article is devoted to Korean colonial history, particularly to the Korean struggle for independence during the first 25 years of Japanese colonial governance. The author seeks to find out the way national liberation and communist movement are depicted in the conceptions of Soviet and Russian orientalists. Korean struggle against Japanese colonial rule has been reflected in special editions for official use of the Japanese colonial administration. These books were written in Japanese by the General-Governor’s office, police and court and were used by senior Japanese officials. They prove to be an original source of scientific research concerning forms and methods of Japanese governance in the colony, general situation on the Korean Peninsula before WWII. These Japanese publications also provide important data that shed light on Korea’s

struggle for independence. The author makes an attempt to compare, where possible, the conceptions of Russian orientalists concerning national liberation and communist movement in Korea in the late 1910-s, 1920-s and early 1930-s with the interpretation given in the above mentioned Japanese publications.

Keywords: colonial Korea, Japanese administration, Governorate General, liberation movement, struggle for independence.

For citation: Ovchinnikova L.V. Korean National Liberation and Communist Movement in Korea (Late 1910-s, 1920-s and Early 1930-s). Concepts of Russian Orientalists. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 73-81. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.73> (in Russian)

References

1. *Istoria Korei* [History of Korea]. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1974, 480 p. (in Russian)
2. *Istoria Korei. Novoe prochtenie* [History of Korea. A New Perspective]. Moscow, ROSSPĖN Publ., 2003. 429 p. (in Russian)
3. Kurbanov S.O. *Istoriia Korei: ot drevnosti do 21 v.* [History of Korea: from Old Times to 21 century]. Saint Petersburg, State Univ. Publ., 2009. 680 p. (in Russian)
4. Shabshina F.I. *Yuzhnaya Koreya 1945-1946. Zapiski ochevidtса* [South Korea 1945-1946. Notes of an eyewitness]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 271 p. (in Russian)
5. Shabshina F.I. *V kolonial'noy Koree (1940-1945). Zapiski i razmyshleniya ochevidtса* [In colonial Korea (1940-1945). Notes and reflections of an eyewitness]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 287 p. (in Russian)
6. Shabshina F.I. *Narodnoye vosstanie 1919 g. v Koree* [The 1919 People's Uprising in Korea]. Moscow, Institute of Oriental Studies Publ., 1952, 279 p. (in Russian)
7. Lee Chong-Sic. *The politics of Korean Nationalism*. Berkeley, 1963, 342 p.
8. Scalapino Robert, Lee Chong-Sic. *Communism in Korea*. Berkeley, 1972, 685 p.
9. Suh Dae-Sook. *Documents of Korean Communism*. Princeton, 1969, 572 p.
10. *Koutou keisatsu yougojitēn* 高等警察用語辞典 [Secret Police in Korea. A Dictionary of Terms]. Seoul, Governor-general Office Publ., 1935, 258 p. (in Japanese)
11. *Saikin-ni okeru chousenjian joukyou* 最近における朝鮮治安状況 [Recent Situation of Peace and Order in Korea]. Seoul, Governor-general Office Publ., 1939, 480 p. (in Japanese)
12. *Shisou ihou* 思想彙報 [Thought Control in Korea]. 1937. N 11. Seoul, Governor-general Office Publ., 1937, 321 p. (in Japanese)
13. *Chousen keisatsu gaiyou*, 朝鮮警察概要 [Outline of Korean Police]. Seoul, Governor-general Office Publ., 1938, 161 p. (in Japanese)

Овчинникова Любовь Всеволодовна
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра японской филологии Институт
стран Азии и Африки
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва,
Ленинские горы, 1
e-mail: lovchin@yandex.ru

Ovchinnikova Liubov Vsevolodovna
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Japanese
Philology, Institute of Asian and African
Studies
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian
Federation
e-mail: lovchin@yandex.ru

Дата поступления: 01.09.2021

Received: September, 01, 2021

УДК 94-338

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.82>

Экономическое развитие КНДР в контексте советско-северокорейских отношений, 1955–1964 гг.

Н. И. Матвеева

*Школа востоковедения и африканистики (SOAS) Университета Лондона,
Лондон, Великобритания*

Аннотация. Рассмотрена динамика отношений КНДР и СССР в 1950-х – первой половине 1960-х гг. через призму экономики, экономического сотрудничества и экономического развития. Показана взаимосвязь между внешнеполитической ситуацией и стратегиями внутреннего экономического развития Северной Кореи и то, как изменения в международной ситуации, такие как смена советского руководства после смерти Сталина и советско-китайский раскол, отражались и влияли на стратегии экономического развития КНДР и на модель двустороннего взаимодействия. На основании первичных источников, включая архивные материалы советского посольства в Пхеньяне, представлены позиции руководства КНДР и Советского Союза после окончания Корейской войны, в период подготовки и выполнения первого пятилетнего плана (1957–1961) и первого семилетнего плана (1961–1967) экономического развития КНДР. Сделан вывод, что разногласия по поводу того, каким курсом должна развиваться экономика КНДР, сыграли значительную роль в охлаждении двусторонних отношений к началу 1960-х гг.

Ключевые слова: Северная Корея, Советский Союз, экономическое развитие, советско-северокорейские отношения, 1950-е гг., экономические стратегии.

Для цитирования: Матвеева Н.И. Экономическое развитие КНДР в контексте советско-северокорейских отношений, 1955–1964 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 82–89. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.82>

Официальные дипломатические отношения между Корейской Народно-Демократической Республикой и Советским Союзом были установлены в октябре 1948 г., вскоре после провозглашения самостоятельного независимого государства в северной части Корейского полуострова. Советский Союз в течение многих лет был основным политическим и экономическим партнером Северной Кореи. Вопросы экономического сотрудничества и развития являлись одним из важных аспектов двусторонних отношений. Однако разница в размерах, масштабах экономик, политическом положении обусловила то, что значимость этих отношений для двух стран с самого начала была разной. Если для КНДР Советский Союз был основным торговым партнером, донором материальной помощи и технологий, примером для подражания, то СССР изначально сотрудничество с Северной Кореей воспринимал больше с точки зрения политических и стратегических интересов, обеспечения безопасности собственных границ и сдерживания США на Дальнем Востоке¹.

¹ АВПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 4–6.

Вопреки распространенному, в особенности в англоязычной литературе [5; 8; 9], подходу двусторонние отношения практически с самого начала не были гладкими и безоблачными. Этот период обычно исследуется с точки зрения политики, однако, как будет рассмотрено в данной статье, и разногласия по вопросам экономического развития стали важным фактором охлаждения советско-северокорейских отношений к началу 1960-х гг.

Как и во многих странах социалистического лагеря, в экономике КНДР начиная с 1940-х гг. приоритет отдавался ускоренному развитию тяжелой промышленности и машиностроения. Сельскому хозяйству и легкой промышленности отводились второстепенные роли, и эти отрасли экономики рассматривались как основной источник средств для интенсивной индустриализации [6]. Данная стратегия опиралась на опыт советской индустриализации 1930-х гг., которую северокорейское руководство считало оптимальным путем для построения социализма [4].

Однако после войны сам Советский Союз уже не считал подобный путь оптимальным для развивающихся стран социалистического лагеря. В конце 1940-х гг. Сталин лично советовал Ким Ир Сёну не следовать в точности советской модели, не стремиться строить социализм в одной стране – к примеру, вести торговлю не только с социалистическими, но и с капиталистическими странами, и оказывать поддержку «национальной буржуазии»². Впрочем, стоит отметить, что в конце 1940-х – начале 1950-х гг. СССР не настаивал на своей позиции относительно экономического развития Северной Кореи, будучи более заинтересованным в укреплении позиций социализма в Восточной Европе, чем в Азии³. Руководствуясь политическими мотивами, советское правительство было готово предоставлять экономическую помощь без плотного контроля за тем, как она использовалась.

Ситуация изменилась после смерти Сталина в 1953 г. Новое советское руководство стало уделять больше внимания сфере сельского хозяйства, легкой промышленности и уровню жизни населения [3]. То же ожидалось и от остальных стран социалистического лагеря, включая Северную Корею. Поскольку КНДР, в силу географического положения, рассматривалась как «витрина социализма на Дальнем Востоке», она должна была быть более богатой и развитой, чем Южная Корея⁴, чтобы доказать мировому сообществу превосходство социалистического пути развития. Для этого было недостаточно только высоких показателей в тяжелой промышленности.

С середины 1950-х Советский Союз начал проявлять более активное внимание к внутренней экономической политике КНДР, настаивая на том, чтобы корейское руководство снизило темпы индустриализации, уделяло больше внимания развитию легкой промышленности и повышению уровня жизни населения, приостановило коллективизацию, которая активно проводилась с окончания Корейской войны, и включилось в международное раз-

² АВПРФ. Ф. 059а. Оп. 5а. П. 11. Д. 3. Л. 10–20.

³ АВПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 4–6.

⁴ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 12. П. 70. Д. 36. Л. 45–48; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 12. П. 68. Д. 5. Л. 128–131.

деление труда в социалистическом лагере⁵. Эти советы шли вразрез с позицией Ким Ир Сена [7], вызывая недовольство [9], хотя в правительстве КНДР были и те, кто поддерживал новый курс Москвы в экономике и политике. Внутренние разногласия в правящей Трудовой партии Кореи вылились в конфронтацию на пленуме партии в августе 1956 г., которую усугубило вмешательство СССР и КНР в сентябре [2; 10]. Хотя Ким Ир Сен сумел удержаться у власти и сохранить руководящие позиции, непрекращавшееся вмешательство Советского Союза во внутренние дела Кореи не могло не вызывать беспокойства и желания отдалиться от СССР и ослабить зависимость от него. Однако в середине 1950-х КНДР, полагавшаяся на политическую поддержку Советского Союза как лидера социалистического лагеря на международной арене и среди «братских стран» и финансирующая до трети государственного бюджета за счет советской безвозмездной помощи [1], не могла себе позволить открыто идти против него.

Экономика КНДР, как и других социалистических стран, с самого начала по примеру Советского Союза носила плановый характер. Трехлетний план развития народного хозяйства страны (1954–1956), а с ним и послевоенное восстановление экономики, был объявлен успешно выполненным в 1956 г. Следующий, пятилетний план (1957–1961) должен был быть посвящен непосредственно экономическому развитию. Новый план имел чрезвычайную важность в глазах как северокорейского, так и советского руководства, которое видело в нем шанс наглядно показать преимущество социалистической модели перед капиталистическим развитием Южной Кореи. Из-за этого Советский Союз уделял плану особое внимание и стремился держать руку на пульсе: согласно принятой процедуре перед утверждением план требовалось обсудить сначала с «китайскими друзьями», а затем с советским Госпланом, чье одобрение необходимо было для вступления плана в силу.

В кажущемся соответствии с советскими рекомендациями официально основной целью плана было объявлено удовлетворение потребности населения в продовольствии, одежде и жилье. В абсолютном выражении инвестиции в сельское хозяйство и легкую промышленность предполагалось увеличить в два раза по сравнению с трехлетним планом⁶. Однако в процентном соотношении половина всех инвестиций по-прежнему приходилась на тяжелую промышленность (производительность которой должна была вырасти в 2,5 раза), тогда как на легкую промышленность и сельское хозяйство вместе отводилось только 12 %. Такое соотношение практически не отличалось от пропорций предыдущих планов и шло вразрез с советами СССР и представлениями о том, как должна была развиваться корейская экономика. Дисбаланс и нереалистичность подобного проекта косвенно подтверждались тем, что обсуждение пятилетнего плана было, пожалуй, последним случаем на многие десятилетия, когда СССР и КНР сошлись во мнениях по вопросу Северной Кореи. Рассмотрев проект плана, оба социалистических гиганта настоятельно рекомендовали КНДР пересмотреть про-

⁵ РГАН. Ф. 5. Оп. 28. Д. 314.

⁶ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 13. П. 72. Д. 5. Л. 114–130.

порции инвестиций и уделить приоритетное внимание сельскому хозяйству, а не тяжелой промышленности⁷.

Официально правительство КНДР выразило благодарность Советскому Союзу за его рекомендации и пообещало внести соответствующие исправления в план. Однако по подавляющему большинству пунктов сделано это не было, а резкая критика от СССР усилила недовольство корейского руководства⁸ и его желание отдалиться от Советского Союза и ограничить его право вмешательства во внутренние дела Кореи.

Пятилетний план был объявлен досрочно выполненным по показателям тяжелой, горнорудной и машиностроительной промышленности в 1959 г., тогда как легкая промышленность, производство товаров потребления, жилищное строительство значительно отставали от заявленных целей.

Выполнение этих целей было перенесено сперва на «переходный» 1960 г., который потребовался для исправления диспропорций в экономике после форсированного развития тяжелой промышленности в 1958–1959 гг., а затем на следующий, семилетний план (1961–1967).

Основной задачей семилетнего плана, как и в случае с пятилетним, было объявлено всестороннее повышение уровня жизни населения. По изначальному проекту, озвученному Советскому Союзу и представителям «братских стран», в первые четыре года плана не должно было быть начато никаких новых проектов в тяжелой промышленности, а все внимание должно было быть уделено легкой промышленности, сельскому хозяйству и производству товаров народного потребления⁹.

Однако архивные документы указывают, что подобная риторика была мотивирована не столько насущной необходимостью обеспечить населению достойный уровень жизни, сколько политическими соображениями пропаганды и необходимостью сохранить экономическую поддержку от Советского Союза, продолжавшего настаивать на сокращении темпов роста тяжелой промышленности в пользу других отраслей экономики. Комментируя проект семилетнего плана в 1960 г., Ким Ир Сен говорил, что для его выполнения Корее необходима всесторонняя помощь СССР¹⁰ и ради этой помощи он готов был идти на уступки в экономической политике, по крайней мере на словах.

На деле же Советский Союз после ознакомления с планом вновь указал на необходимость большего внимания и вложений в сельское хозяйство и постановки реально выполнимых, а не завышенных целей¹¹. Советские специалисты отмечали, что план не учитывает реальных возможностей экономики, и советовали снизить поставленные цели на 15–20 %. В легкой промышленности, которая формально, согласно проекту, должна была стать одной из приоритетных отраслей, они указывали на нехватку сырья и про-

⁷ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 13. П. 74. Д. 39. Л. 83–95.

⁸ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 13. П. 72. Д. 3. Л. 252, 323.

⁹ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 16. Д. 6. Л. 188–208.

¹⁰ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 16. П. 85. Д. 6. Л. 165–166.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 452. Л. 138–149.

изводственных мощностей для выполнения поставленных задач¹². В целом суть замечаний Госплана осталась той же, что и в 1957 г. при обсуждении пятилетнего плана. Госплан отмечал, что, несмотря на всю риторику, подход северокорейского руководства к вопросам экономического развития остался неизменным с конца 1940-х – начала 1950-х гг., приоритет отдавался тяжелой, а не легкой промышленности.

Однако к началу 1960-х гг. политическая ситуация в мире и среди стран социалистического лагеря изменилась по сравнению с 1957 г. Советско-китайский конфликт, зревший с конца 1950-х гг. и вылившийся в открытую конфронтацию в 1960 г., отразился также и на советско-северокорейских отношениях. Вызов, брошенный Советскому Союзу со стороны КНР, поколебал авторитет КПСС как лидера мирового социалистического движения.

Северокорейское руководство было недовольно и тяготилось советским влиянием и вмешательством во внутренние дела страны еще в 1950-х гг. В то время оно не могло освободиться или хотя бы ослабить это влияние, однако в начале 1960-х гг. советско-китайское соперничество дало Корею такую возможность. И в случае с семилетним планом, в отличие от пятилетнего, СССР был представлен уже утвержденный документ, и одобрение советского Госплана не требовалось для вступления плана в силу.

Помимо советско-китайского раскола, военный переворот в Южной Корее в мае 1961 г. также внес изменения в ситуацию вокруг Северной Кореи. Ким Ир Сен использовал его как повод, чтобы объяснить как населению, так и Советскому Союзу необходимость открытого возврата к политике приоритета тяжелой промышленности. Открытый антикоммунизм новой южнокорейской власти, по его словам, делал обеспечение безопасности страны первоочередной задачей, и ресурсы должны были быть перенаправлены от легкой промышленности на тяжелую и оборонную¹³.

Со своей стороны СССР в изменившихся условиях придавал еще больше политического значения отношениям с Северной Кореей, стремясь удержать ее в сфере своего влияния, только теперь ограждая от влияния не США, а КНР. В стремлении не дать КНДР принять сторону Китая в нарастающем конфликте СССР пошел на уступки, такие как подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в июле 1961 г., которого долго добивалась северокорейская сторона, заключение торговых договоров на выгодных для Кореи условиях и устранение от контроля за внутренней экономической политикой. Дистанцирование СССР от вмешательства во внутренние дела Северной Кореи дало ей фактическую свободу следовать своей предпочтительной стратегии экономического развития и приоритетно развивать тяжелую промышленность, не скрывая этого и не прислушиваясь к советам СССР. В результате семилетний план практически с самого начала не отвечал утвержденному проекту, а был пересмотрен в пользу тяжелой промышленности и машиностроения, и в дальнейшем в течение десятилетий северокорейская экономика шла по пути приоритета тяжелой промышленности.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 452. Л. 138–149.

¹³ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 17. П. 89. Д. 5. Л. 178.

Советский Союз, сделав экономические отношения с Северной Кореей вопросом политического значения, утратил возможность влиять на ее внутренние дела. Советское руководство уже не настаивало на уделении большего внимания легкой промышленности, сельскому хозяйству и повышению уровня жизни.

К середине 1960-х гг. в глазах корейского руководства Советский Союз из «старшего товарища» и примера для подражания превратился в донора экономической помощи¹⁴. Когда Хрущев был смещен с поста руководителя СССР в 1964 г., Ким Ир Сен выразил свою позицию по двусторонним отношениям так: «...мы не терпим великодержавных замашек. <...> мы не хотим и не позволим никому вмешиваться в дела нашей партии, в дела нашей страны. Нам видней, как вести корейскую революцию»¹⁵. Фактически это означало, что КНДР ожидала равноправных отношений с Советским Союзом, без вмешательств последнего во внутренние дела Кореи и без права диктовать экономическую политику. В вопросах экономики северо-корейское руководство, теперь уже в открытую, не маскируя свои намерения от СССР, продолжало курс на приоритетное развитие тяжелой промышленности, взятый еще в конце 1940-х гг.

Советский Союз со своей стороны после активной вовлеченности во внутренние дела КНДР в середине – второй половине 1950-х гг. в 1960-х вернулся к позиции дистанцирования и предоставления экономической помощи, но невмешательства, с целью удержать Корею от перехода на китайскую сторону в советско-китайском конфликте. Эта трансформация оказала важное влияние на экономическое развитие Северной Кореи и на советско-корейские отношения, и ее эффект прослеживается вплоть до настоящего времени.

Список литературы

1. Бажанова Н. Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М. : Наука, 1993. 216 с.
2. Ланьков А. Н. Август, 1956 г.: кризис в Северной Корее. М. : Росспэн, 2009. 350 с.
3. Ланьков А. Н. СССР и КНДР в 1953-1961 гг. // Полит.ру : сайт. URL: <https://polit.ru/article/2016/04/24/korea/> (дата обращения: 13.07.2021).
4. Buzo A. The Guerilla Dynasty: Politics and Leadership in North Korea. London : Tauris, 1999. 336 p.
5. Ha J., Jensen L. Soviet Policy Toward North Korea // The Foreign Relations of North Korea: New Perspectives / edited by Jae Kyu Park et al. Seoul : Kyungnam University Press, 1987. P. 139–168.
6. Kim Il-sung. Works, Vol. 8: August 1953 – June 1954. Pyongyang : Foreign Languages Publishing House, 1981. 396 p.
7. Kim Il-sung. Works, Vol. 9: July 1954 – December 1955. Pyongyang : Foreign Languages Publishing House, 1982. 417 p.
8. Koh B.-C. The Foreign Policy of North Korea. New York : Frederick A. Praeger, 1969. 258 p.

¹⁴ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 93. Д. 4. Л. 188.

¹⁵ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 101. Д. 5. Л. 205.

9. Okonogi M. North Korean Communism: In Search of Its Prototype // Korean Studies: New Pacific Currents / edited by Dae-Sook Suh. Honolulu : University of Hawaii, 1994. P. 177–206.

10. Person J. Solidarity and Self-Reliance: The Antinomies of North Korean Foreign Policy and Juche Thought, 1953-1967. PhD thesis, George Washington University, 2013. 252 p.

North Korean Economic Development and the Evolution of the North Korean-Soviet Alliance, 1955–1964

N. I. Matveeva

School of Oriental and African Studies University of London, London, United Kingdom

Abstract. This article looks at the Soviet-North Korean alliance from the mid-1950s to the early 1960s, with a focus on the often understudied connection between international politics and domestic economic development strategies. It traces and explains the changes in bilateral relations, from a relatively disinterested provision of assistance on the Soviet part and the desire to emulate the USSR on the part of North Korea, to an investment interest of the Soviet Union in the North Korean economic policies, and back to the Soviet Union as a donor of aid aiming to retain the DPRK within its orbit, with North Korea striving to assert self-sufficiency and distance itself. The article also explores the differences in the position of North Korea and the Soviet Union on economic matters and the disputes over prioritizing heavy industry development that took place at the time. Based on a variety of primary sources, it shows how the alliance dynamics was reflected in the economic sphere. It argues that economic matters played a significant role in the cooling of bilateral relations by the mid-1960s.

Keywords: North Korea, Soviet Union, economic development, economic development strategies, 1950s, bilateral relations.

For citation: Matveeva N.I. North Korean Economic Development and the Evolution of the North Korean-Soviet Alliance, 1955-1964. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 82-89. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.82> (in Russian)

References

1. Bazhanova N.E. *Vneshneekonomicheskiye svyazi KNDR. V poiskah vyhoda iz tupika* [Foreign economic relations of the DPRK. In search of a solution]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 216 p. (in Russian)
2. Lankov A.N. *Avugst, 1956 g.: krizis v Severnoi Koree* [August, 1956: Crisis in North Korea]. Moscow, Rosspen Publ., 2009. 350 p. (in Russian)
3. Lankov A.N. *SSSR i KNDR v 1953-1961gg.* [USSR and DPRK in 1953-1961]. Polit.ru. Available at: <https://polit.ru/article/2016/04/24/korea/> (date of access: 13.07.2021). (in Russian)
4. Buzo A. *The Guerilla Dynasty: Politics and Leadership in North Korea*. London, Tauris Publ., 1999. 336 p.
5. Ha J., Jensen L. *Soviet Policy Toward North Korea*. The Foreign Relations of North Korea: New Perspectives. Edited by Jae Kyu Park et al. Seoul, Kyungnam University Publ., 1987, pp. 139-168.
6. Kim Il-sung. *Works, Vol.8: August 1953 – June 1954*. Pyongyang, Foreign Languages Publ., 1981. 396 p.
7. Kim Il-sung. *Works, Vol.9: July 1954-December 1955*. Pyongyang, Foreign Languages Publ., 1982. 417 p.

8. Koh B.-C. *The Foreign Policy of North Korea*. New York, Frederick A. Praeger, 1969. 258 p.
9. Okonogi M. *North Korean Communism: In Search of Its Prototype*. Korean Studies: New Pacific Currents. Ed. by Dae-Sook Suh. Honolulu, University of Hawaii, 1994. pp. 177-206.
10. Person J. *Solidarity and Self-Reliance: The Antinomies of North Korean Foreign Policy and Juche Thought, 1953-1967*. PhD thesis, George Washington University, 2013. 252 p.

Матвеева Наталья Игоревна

*PhD, преподаватель, факультет языков
и культур Восточной Азии
Школа востоковедения и африканистики
Университета Лондона
Великобритания, Лондон, WC1H 0XG,
Расселл сквер, 10
e-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5116-7498*

Matveeva Natalia Igorevna

*PhD in Korean Studies, Lecturer, Department
of East Asian Languages and Cultures
School of Oriental and African Studies
University of London
10, Russell Square, London WC1H 0XG,
United Kingdom
e-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5116-7498*

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» / SECTION “PHILOSOPHY OF SCIENCE”

09.00.14 ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ) / PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES (PHILOSOPHY OF SCIENCE)

*От редакторов раздела. Религиозная ситуация:
восточные дискурсы в контексте межкультурной коммуникации и
Стратегия национальной безопасности / Section Editor’s Note. The Religious
Situation: Oriental Discourses in the Context of Intercultural Communication
and the National Security Strategy*

23–24 сентября 2021 г. на базе Российского педагогического государственного университета им. А. И. Герцена и Иркутского государственного университета (ИГУ) состоялась Международная научная конференция «Религиозная ситуация: восточные дискурсы исторических, идеологических, этнологических, политико-правовых аспектов взаимодействия религиозных институтов, государства и общества». Мероприятие в полном смысле слова может характеризоваться как прошедшее «в нужное время и в нужном месте». Представленные на конференции историческая ретроспектива и ракурсы современного состояния религиозного пространства Восточно-Сибирского, Центрально- и Северо-Азиатского регионов как нельзя лучше отразили предметный ракурс региональной части программы конференции.

Региональная религиоведческая школа имеет различные институциональные очаги своего функционирования. Это кафедра философии и методологии науки ИГУ, кафедра конституционного права и теории права Юридического института ИГУ, кафедра религиоведения Бурятского государственного университета, кафедра философии Забайкальского государственного университета. Среди партнеров – соорганизаторов конференции выступили: Северный (Арктический) федеральный университет, Научно-образовательная теологическая ассоциация (НОТА), Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права. Базовой площадкой и основным партнером-инициатором, взявшим на себя труды по организации региональных участников конференции, стал журнал «Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение».

Неудивительно, что внимание религиоведов привлекают практические вопросы, связанные с современной религиозной ситуацией. Спектр затронутых проблем оказался очень широк: от политико-правовых вопросов взаимодействия религиозных организаций с обществом и государством до образовательной деятельности в высшей и средней школе; от проблем межрелигиозного диалога до современных вопросов политической теологии и нравственных проблем современного российского общества.

Современная религиоведческая проблематика, таким образом, оказывается тесно связанной с вопросами межинституционального взаимодействия таких акторов, как этноконфессиональные институты, общественные объединения, образовательные организации, государство.

Особо хочется отметить и тот факт, что исследования религии в социально-экономическом, политическом, социокультурном и геополитических контекстах имеют свою проекцию и в Стратегии национальной безопасности до 2035 г., утвержденной Указом Президента РФ в июле 2021 г. (далее – Стратегия).

Социально-культурная проблематика увязывается в положениях Стратегии с выработкой перспектив морального лидерства Российской Федерации, невозможной без защиты традиционных духовно-нравственных основ российского общества как фактора обеспечения обороны и безопасности страны (ч. 1, п. 19, 21 Стратегии). В число задач, решение которых призвано обеспечить реализацию положений Стратегии, законодатель вносит высокое качество человеческого потенциала, формирование которого объективно нереально без сохранения российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, лежащих и в основе эффективности государственного управления (ч. 1, п. 22, 23 Стратегии).

Весьма примечательным с точки зрения будущих исследовательских программ региональной философской, религиоведческой, правовой школ является положение Стратегии о культурном суверенитете и связанных с ним проблемах сохранения единого культурного пространства страны.

Безусловно, важнейшим кодом культуры в ее духовно-нравственном измерении является конфессионально детерминированные мировоззренческие комплексы. Здесь невозможно обойтись без методологических разработок фундаментального характера, касающихся процессов субъективации религиозной традиции, пространственных характеристик религиозной культуры, их взаимосвязи с этнолого-правовыми и социально-политическими феноменами межкультурной коммуникации в общественных отношениях.

Не подлежит сомнению также и то, что отмечаемая в Стратегии роль научного сообщества в обеспечении национальной безопасности в социально-экономической сфере, целиком и полностью относится и к социально-гуманитарной области общественных отношений. Что, так же безусловно и императивно, требует от научного сообщества разработок межрегиональной исследовательской программы, охватывающей весь комплекс поднимаемой в стратегических документах проблематики укрепления культурного суверенитета Российской Федерации, сохранения ее единого культурного пространства в целях защиты российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Полагаем, что начавшаяся тематическая работа на научных площадках Санкт-Петербурга, Москвы и Иркутска будет иметь свое логическое продолжение в формате как аналогичных, так и других научных мероприятий.

*Доктор культурологии, профессор И. А. Арзуманов
Доктор философских наук, профессор А. Е. Смирнов*

УДК 993

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.92>

Методологические стратегии религиоведения

О. Д. Агапов

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань,
Российская Федерация

Аннотация. Научная новизна статьи обусловлена экстраполяцией методологии культурно-исторической эпистемологии на процессы институализации религиоведения как научной дисциплины. На сегодняшний день религиоведение вышло на зрелый/высокий уровень институционального, теоретико-методологического, социокультурного и экзистенциального развития, которое воплощается в конкуренции различных методологических стратегий или спектра методологических средств, позволяющих реализовать общенаучный подход к религиозным феноменам. В частности, в статье рассмотрен ряд моментов, свидетельствующих о «зрелости» религиоведения как социально-гуманитарной дисциплины, а именно: а) конкуренция между тремя исследовательскими стратегиями – объективистской, интерпретативной, преформистской; б) соперничество между натуралистической и антинатуралистической программами; в) спор между факультетами и сообществами (дисциплины – лидеры и аутсайдеры); г) борьба за легитимацию между парадигмами секуляризации, десекуляризации, постсекуляризации. Сделан вывод о том, что религиоведение, являясь частью проекта развития социального/социальных наук, вступает в свою постсекулярную стадию, открывающую новые теоретико-методологические возможности в исследовании такой сферы бытия человеческого рода, как религиозное/сакральное/нуминозное. Важнейшим шагом для дальнейшего методологического продвижения является деконструкция парадигм секуляризма и десекуляризма, процесс выстраивания более гибкой и системной методологической стратегии познания поля религиозных феноменов.

Ключевые слова: религиоведение, «зрелая наука», методологические стратегии, социальные науки, история науки.

Для цитирования: Агапов О. Д. Методологические стратегии религиоведения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 92–98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.92>

Место и роль социальных наук с момента их возникновения постоянно изменяются, пребывают в динамике. Сегодня излюбленная постмодернистски настроенным научным сообществом *стратегия деконструкции* создает возможность для выстраивания постиндустриализма, постсекулярности, *пост*тоталитаризма/*пост*авторитаризма, иных *пост*практик в рамках поиска новой модели социальности, связанной с признанием того, что ранее вытеснялось из сферы мышления и социального. В частности, Д. Узланер обращает внимание на стратегии Ю. Хабермаса (диалог светски ориентированных и религиозно ориентированных граждан), стратегии Дж. Агамбена (прямой трансфер религиозных понятий в сферу социальных теорий). Он пишет:

«Постсекулярное – это не отвержение секулярного, это скорее продолжение критической работы над онтологией нас самих, которая на определенном этапе своего развития по тем или иным причинам оказалась выстроена вокруг секулярных дихотомий и имманентной рамки. Постсекулярная работа идет изнутри самого секулярного, которое в процессе историко-практического испытания пределов, которые мы можем пересечь» [5], как бы перешагивает через самое себя и становится постсекулярным.

Итак, мы движемся к новым горизонтам, когда секулярное становится постсекулярным, а религиозное – пострелигиозным. Указанное движение касается социальных наук, в том числе и религиоведения. Конкретнее, реестр социальных дисциплин (история, экономика, политология, социология, антропология, востоковедение) включал религиоведение как важнейшую часть проекта Просвещения. В словосочетании «социальная наука» И. Валлерстайн предлагает увидеть эвфемизм концепта «прогресс» философии Просвещения. Согласно его реконструкции влияние философии просветителей проявляется в следующих «следах»: 1) разделение в познании западного/цивилизованного и незападного миров; 2) в западной истории разделения между прошлым/традицией и настоящим («водораздел» Великая Французская революция); 3) в обязательном выделении в социуме трех сфер: рынка, государства и общества [1, с. 173]. Как видим, предметное поле религиоведения априори определялось как изучение религии в качестве реликта прошлого и как надзор над ним (по Дж. Милбанку).

Действительно, за каждым проектом социального/социальных наук явно или неявно стояли определенные *сообщества* (партия, движение, класс, страт), которые экзистенциальными, политическими, социокультурными, экономическими, сознательными или бессознательными моментами были заинтересованы в утверждении пространства *социального*.

Более того, каждое последующее поколение эпохи модерна вносило в развитие социально-гуманитарных наук проблемы своего времени, находило новые стратегии и тактики реализации научных идей. Формирование социально-гуманитарных наук происходило как *широкое и мощное социальное движение* по построению более справедливого и демократического общества.

Производство социального шло сразу по ряду направлений, а именно:

- конституирование самого социального как территории/топоса светскости;
- формирование комплекса социальных наук;
- разработка нового мировоззрения или идеологии социализма;
- развитие социальных движений,
- особое будирование *социального вопроса* как проблемы социального равенства и справедливого устройства общества;
- формирование большого социального романа (реализма).

Все указанные интенции и формы *удостоверяли* друг друга, создавая поле социальности/современности. Можно утверждать, что в промежутке 1750–1920 гг. агенты социального активно *социализировали* (опредмечивали – распредмечивали) *себя*, создавая по теории Н. Лумана пространство

самореференции и автопоэзиса. Например, идея науки социологии и идеология социализма выступили формами удостоверения социального, где в социологических знаниях и социалистических идеалах/утопиях утверждалось социальное/социальность как онтологическая реальность, как нечто аутентичное, естественное. В свою очередь новые социальные движения со своими проблемами постоянно давали пищу и для познания, и для праведного гнева.

К середине XIX в. концепт *общества* вобрал в себя всю палитру объединений граждан – политических, экономических, религиозных, культурных. Понятие «*социальное*» стало синонимом антропологического или человеческого вообще. Биологические, психологические, теологические, политические и правовые статусы людей стали общим маркером коллективного человеческого существования, а также всех форм деятельности, независимых от государства или религии. Социальное представлялось местом объединения индивидуального/частного и коллективного/общего. Для поколений XX в. уже XIX в. стал своего рода канон для самореференции.

Вместе с *социализацией социального* существование человеческого рода обогащалось практиками формирования *экономического* (по П. Бурдьё, К. Лавалю, В. Федотовой, В. Колпакову), *политического* (по М. Фуко, П. Бурдьё), *культурного* (А. Б. Гофману), *антропологическо-ориенталистского* (по К. Леви-Строссу, К. Гирцу, Э. Саиду), *исторического* (по Г. Гегелю, К. Марксу, Ф. Ницше, В. Дильтею), *психологического* (Ф. Е. Василюк), *религиозного* (по Дж. Милбанку, Д. Узланеру, С. Хоружему, С. Штыркову).

Конституирование религиоведения создавало в XIX–XX вв. *новый канон* понимания как религиозного (отличного от античного, средневекового, возрожденческого), так и светского. В частности, Дмитрий Узланер напоминает, что *религиоведческие исследования* в определенном смысле несут в себе идеологию сложившегося современного (modern) status quo. Он пишет: «Победив католицизм, вернее силой превратив его в “религию” (всюду кроме, наверное, Ватикана), Модерн настолько укрепился в ощущении своей естественности, что изобретенные его архитекторами понятия (в нашем случае это “религия” и “светское”) отсоединились от исторического контекста своего создания и превратились в универсальные категории “научного” и “беспристрастного” анализа. Расчертив в соответствии со своими понятиями все вокруг себя, Модерн начал искать (и находить) религии как по географической горизонтали, так и по исторической вертикали, не задумываясь, что тем самым он лишь вечно воспроизводит самого себя. Так ислам, индуизм, буддизм и прочие живые (и мертвые) традиции превратились в религии. Созданная равнодушными к духовным вопросам людьми категория (“религия”) вошла в повседневное употребление и до сих пор определяет обыденное (и не только) понимание происходящих с конкретными религиями процессов» [6, с. 149].

Дж. Милбанк настаивает, что *мирские теологи* не просто создали «религию», руководствуясь какими-то своими соображениями, но параллельно сконструировали и «светское», которое лучше всего отвечало их теологическим представлениям о мире. Отсюда следует, что те религиозные тради-

ции, которые столкнулись с новым проектом модерна, оказались не просто вытесненными в некую искусственно синтезированную область, называемую «религия», но еще и встали перед необходимостью принять новую теологию «светского», навязываемую им под угрозой уничтожения [5].

Итак, религиоведение сегодня – это составная часть корпуса социальных наук, которые не столько изучают современность/модерн, сколько создают ее, создавая канон восприятия и воспроизводства социальных отношений. Согласно реконструкциям Р. Смита – Ч. Тейлора – Дж. Ритцера проект социальных наук позволил объединить фрагментарные сообщества премодерна в новый концепт *универсального социального/модернового социального воображаемого*, открывшего возможность для формирования *мир – системы* модерна. Научное социогуманитарное (социологическое, политическое, религиоведческое, экономическое, культурологическое) воображение открыло дорогу для институализации многих проектов, вошедших в практику «*государства всеобщего благоденствия*» XX в. На наш взгляд, влияние религиоведческих штудий в современности имеет как минимум троякий характер, а именно: *это* 1) *область производства академических/фундаментальных социальных знаний*; 2) *широкая сфера прикладных политических, социально-экономических и социокультурных практик в индустриальном/постиндустриальном типах общества* (одну из них «*надзор за религией*» хорошо описал Дж. Милбанк); 3) *религиоведческий дискурс и воображение как часть общественного сознания*.

Все перечисленные качества свидетельствуют о том, что религиоведение сегодня – это «зрелая наука» по типологии Имре Лакатоса, который в споре с Томасом Куном ввел концепт уровня теоретико-методологической развитости. Критерием – свидетельством зрелости выступает *конкуренция научно-исследовательских программ* по изучению природной или социальной реальности. Все науки проходят стадии от незрелости, когда исследования ведутся по образцу наук-лидеров [4, с. 10].

Для большинства социальных наук таким образцом выступала физика, тогда как для классиков физики образцом являлась теология. Дж. Милбанк обращает наше внимание на то, что все социальные науки, возникшие в XVII–XIX вв., – наследницы определенного типа теологии, сложившегося в рамках «позднесредневекового номинализма, протестантской реформации и августинизма XVII в., которые полностью приватизировали, спиритуализировали и трансцендировали сакральное и в то же время представили природу, человеческое действие и общество как сферы автономной, сугубо формальной власти» [3, с. 34].

Также «**зрелость**» науки проявляется в различных моментах:

- *институциональном* (академии/университеты, факультеты социально-гуманитарных наук, научные журналы, индустрия консультаций и экспертиз);

- *теоретико-методологическом* (реализация принципов научности, форм научного познания, уровней научного исследования, конкуренции методологических стратегий, развитие терминологии/тезариуса, дискурса);

– *социокультурном* (идеалы, этос и ценности научного познания как основа образовательных и профессиональных практик, легитимность, хаби-туализация и седиментация научных знаний, рейтинги профессий);

– *экзистенциальном*. Социально-гуманитарные науки перешли на уровень *метатеоретизирования*, где выявляются исторические, социокультурные, экономические и иные факторы, определяющие динамику развития научного познания. Борис Пружинин и Татьяна Щедрина, развивающие программу *культурно-исторической эпистемологии*, справедливо утверждают, что «философское самосознание осмысливающего *культуру исследователя* позволяет ему понять себя как *историческое лицо*, позволяет выработать взгляд на себя как человека, погруженного в историю культуры и удерживающего преемственную связь событий» [4, с. 10].

На наш взгляд, среди форм проявления «зрелости» социально-гуманитарных наук можно выделить:

1) конкуренцию между тремя исследовательскими стратегиями – объективистской, интерпретативной, преформистской;

2) соперничество между натуралистической и антинатуралистической программами (И. Валлерстайн – В. Колпаков), преодоление диктата «*натуралистической катаракты*» (по Л. Бинсвангеру);

3) спор между факультетами, дисциплинами, сообществами, его можно описать как соперничество между близнецами в духе Р. Жирара (дисциплины – лидеры и аутсайдеры);

4) борьбу за легитимацию между парадигмами секуляризации, десекуляризации, постсекуляризации.

Выход современных наук на уровень *метатеоретизирования* позволяет отнести к истории социально-гуманитарных наук не как к «складу идей/вещей», а как к спектру *методологий*, позволяющих социогуманитариев перейти к активному, свободному, осмысленному и ответственному *управлению* процессом научного познания, от постановки проблематизации до создания научной концепции с ее теоретическим и прикладным «крыльями».

По В. И. Дудиной, *метатеоретизирование* «является инструментом решения определенных дисциплинарных проблем», таких как «фундаментальный сдвиг в концептуализации предметной области» или «дисциплинарная раздробленность» [2, с. 11].

Сформировавшиеся модели поведения субъекта социально-гуманитарного познания «*наблюдатель – интерпретатор – перфомист*» можно также сравнить в историко-эпистемологической перспективе с *методологическими стратегиями* как всем набором методологических средств, позволяющих реализовать общенаучный подход к исследуемой социально-гуманитарной реальности [4, с. 8].

Иными словами, мы можем прибегать сегодня к этим *стратегиям* как рабочим инструментам научно-исследовательской деятельности. На наш взгляд, именно взаимодополнительность стратегий наблюдения – интерпретации – преформизма наряду с другими методологическими стратегиями (*альтерация, медиация, конвенция, перевод, диагностика и т. д.*) позволяет

сделать научное познание более *гибким к нюансам* динамики бытия человеческого рода, позволяет найти путь сопряжения количественных и качественных методов изучения социального, религиозного, политического и т. д.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. Н. Тюкиной. М. : Территория будущего, 2006. 248 с.
2. Дудина В. И. Стратегии метатеоретизирования в социологии // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 11–19.
3. Милбанк Дж. Политическая теология и новая наука политики // Логос. 2008. № 4 (67). С. 33–54.
4. Современные методологические стратегии: интерпретация, конвенция, перевод / под общ. ред. Б. И. Пружинина. М. : Политические исследования, 2014. 526 с.
5. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55817078 (дата обращения: 26.10.2021).
6. Узланер Д. Расколдовывание дискурса: «Религиозное» и «светское» в языке нового времени // Логос. 2008. № 4. С. 140–159.

Methodological Strategies for Religious Studies

O. D. Agapov

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

Abstract. The scientific novelty of this article is based on the application of the methods of socio-historical epistemology to the processes of institutionalization of religious studies as a scientific object. Religious studies has reached a high, mature level of institutional, theoretical, methodological, sociocultural, and existential development which is expressed in the competition of different methodological strategies or a variety of methodological means which allow us to form a scientific approach towards religious phenomena. In particular, this article covers several aspects which testify to the “maturity” of religious studies as a socio-humanitarian science, namely: a) competition among three research strategies – objectivist, interpretative, and preformistic ones; b) competition between the naturalistic and the anti-naturalistic programs; c) a dispute among faculties and communities (scientific disciplines as leaders and outsiders); d) a struggle for legitimacy among the paradigms of secularization, desecularization, and post-secularization. The author has come to the conclusion that religious studies, being a part of a general project for the development of the social / social sciences, enters a *post-secular stage* which opens new theoretical and methodological possibilities for researching the sphere of the religious, the sacred, the numinous. One of the important steps for further methodological progress is the deconstruction of the paradigms of secularism and “de-secularism”, the process of building a more flexible and systematic methodological strategy for studying the field of religious phenomena.

Keywords: religious studies, “mature science”, methodological strategies, social sciences, history of science.

For citation: Agapov O.D. Methodological Strategies for Religious Studies. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 92-98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.92> (in Russian)

References

1. Wallerstein I. *Mirosistemny analiz. Vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Per. N. Tukiroy. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, 248 p. (in Russian)
2. Dudina V.I. Strategii metateoritizirovaniya v sociologii [Strategies for meta-theoretical thinking in sociology]. *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2017, vol. 12, pp. 11-19. (in Russian)
3. Milbank J. Politicheskaya teologiya i novaya nauka politiki [Political theology and the new science of politics]. *Logos* [Logo], 2008, vol. 4 (67), pp. 33-54. (in Russian)
4. *Sovremenny metodologicheskiye strategii: interpretaciya, konvenciya, perevod* [Contemporary methodological strategies: interpretation, convention, translation]. Pod obshch. red. B.I. PRuszhinina. Moscow, Politiceskiye issledovaniya Publ., 2014, 526 p. (in Russian)
5. Uzlaner D. *Postsekulyarny povorot. Kak myslit' o religii v XXI veke* [The post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]. Moscow, Instituta Gadara Publ., 2020. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55817078. (in Russian)
6. Uzlaner D. Raskoldovyvanie diksursa: "Religioznoe" i "svetskoe" v yazyke novogo vremeni [Disenchantment of the discourse: "the religious" and "the secular" in the language of modernity]. *Logos* [Logo], 2008, no. 4, pp. 140-159. (in Russian)

Агапов Олег Дмитриевич

доктор философских наук, профессор,
директор, НИИ социальной философии
Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова
Российская Федерация, 420111, г. Казань,
ул. Московская, 42
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Agapov Oleg Dmitrievich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Director, Research Institute of Social
Philosophy
Kazan Innovation University named after
V. G. Timiryasova
42, Moskovskaya st., Kazan, 420111,
Russian Federation
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Дата поступления: 26.10.2021

Received: October, 26, 2021

УДК 340:2:327(571.5)(091)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.99>

Этноконфессиональные и геополитические аспекты межкультурной коммуникации в Восточной Сибири конца XX–XXI в.: опыт теоретико-эмпирического анализа

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Целевой установкой данного исследования стало рассмотрение вопросов теоретического и эмпирического порядка процессов межкультурной коммуникации в Восточной Сибири конца XX–XXI в. в этноконфессиональном и геополитическом аспектах. В рамках реализации задачи исследования рассматриваются теоретико-методологические и структурно-функциональные аспекты межкультурной коммуникации в этноконфессиональном пространстве Восточно-Сибирского региона. Анализируется методологическая корреляция процессов межкультурной коммуникации и интегральных интенций государственной политики в идеологической сфере общественных отношений. Делаются выводы об актуализации и базисном характере антропологического подхода при рассмотрении функциональной взаимосвязи государственной власти и государственной политики в области религиозного пространства. На основе миссионерских интенций Римско-католической и Русской православной церковью определяются объект-предметный и субъектный параметры структуры правовой коммуникации с учетом геополитических характеристик государственного контроля над единством социокультурного пространства.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, Восточная Сибирь, методология, структура, этноконфессиональное пространство, Русская православная церковь, Римско-католическая церковь, геополитика.

Для цитирования: Арзуманов И. А. Этноконфессиональные и геополитические аспекты межкультурной коммуникации в Восточной Сибири конца XX–XXI вв.: опыт теоретико-эмпирического анализа // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 99–108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.99>

Введение. Вопросы, связанные с межцивилизационным характером общественных отношений в их макро- (межсоциально-групповой) и микро- (межличностной) природе, особенно остро встали в XX в., наступление которого ознаменовало активизацию межкультурных контактов практически во всех сферах жизни и во всех регионах. Военно-геополитический контекст данных процессов в первой половине XX столетия, после окончания Второй мировой войны и создания геополитических военных союзов в Западной и Восточной Европе (по линии Запад – Восток, капитализм – социализм) усилился за счет идеолого- и социально-политической стратификации государств.

В гуманитарной сфере научных и прикладных изысканий проблема поиска оснований к вопросам коммуникации привела к появлению ряда направлений, в рамках которых была поставлена задача не только объяснить, но и методологически обосновать осмысление специфики проблем процессов коммуникации – как межличностной, так и межсоциально-групповой.

Тезис идентичности культуры и коммуникации (Culture is communication [5, с. 119]), выдвинутый американским антропологом и лингвистом, основателем теории межкультурной коммуникации Э. Холлом, по сути, определил видение социально-гуманитарных форм не только глобальных, но и локальных коммуникативных процессов в качестве оценочного начала процессов изменения культуры. Определяя непосредственную, неформальную сторону социального межличностного прежде всего общения носителей разных традиций в ранге базового начала коммуникативной теории [Там же, с. 118], Э. Холл закладывает фундамент, на котором вполне успешно могут выстраиваться и современные рефлексии теоретико-, а также этнолого-правового порядка с учетом их контекстной, антропо-культурологической обоснованности.

Целевые установки управляемых политическими институтами макро-социальных коммуникативных процессов подразумевают достижение социально-политической и гуманитарно обусловленной стабильности, минимизирующей дискриминационные и конфликтные ситуации по религиозно-национальному или языковому признакам¹.

Достижение этой цели посредством управленческой деятельности государства предполагает две формы осуществления им интеграционной и идеологической функций: организационную (включающую в себя организационно-регламентирующую, организационно-хозяйственную, организационно-идеологическую формы) и правовую (включающую в себя правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную формы). В своей совокупности данные формы и функции определяют и конкретизируют пути практической реализации внутренней и внешней политики государства² в различных сферах общественных отношений.

Методологические подходы. При рассмотрении функциональной взаимосвязи государственной власти и государственной политики в области религиозного пространства актуализируется антропо-культурологический подход, связанный с ментальными цивилизационными характеристиками, детерминирующими как нравственно-аксиологические, так и социополитические аспекты права в пространственных измерениях, поскольку «духовно-культурные формы этнокультурного сознания имеют конкретную цивилизационно-территориальную и этноконфессиональную стратификацию» [1,

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477. (далее – Стратегия). П. 4.2 «а».

² И в рамках национальной политики, предполагающей выработку системы «стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства» (Там же).

с. 123]. Этноконфессиональная страта общественных отношений специфична субъектным составом микро- (межличностный уровень межкультурной коммуникации) и макроуровня, в который включены не только социальные группы – народы, национальности, этнические общности и этноконфессиональные группы, но и организационно-правовые формы данных сообществ как фактор политических отношений (например, общины коренных малочисленных народов, централизованные и нецентрализованные религиозные организации, национально-культурные автономии и пр.). Посредством данных форм реализации государством своих функций группы людей разной этноконфессиональной принадлежности участвуют в политических, экономических и социально- и межкультурных отношениях и взаимодействиях с иными социальными институтами в процессах обеспечения своих этнокультурных потребностей и интересов (ст. 7477, п. 4.2 «д», «е», «ж» Стратегии).

К объектам взаимоотношений в процессах межкультурной коммуникации в этноконфессиональной сфере прежде всего необходимо отнести собственно общественные отношения, целевой установкой которых с позиций интересов общества и государства является достижение взаимопонимания между социальными общностями при объективном наличии разницы конфессионально детерминированных и этнокультурных оснований. Последнее – достижение межэтнического и межрелигиозного согласия между различными этноконфессиональными субстратами социокультурного пространства – и определяет собственно содержание предмета межкультурной коммуникации в данной сфере общественных отношений³.

Основные результаты. Рассмотрим данные положения на примере миссионерских интенций Римско-католической церкви в Восточно-Сибирском, Дальневосточном и Центральном-Азиатском регионах.

К началу XX в. католиков в Иркутской губернии насчитывалось до 30 тыс. человек. Кроме Иркутска, к этому периоду католические приходы были сформированы в ряде городов и поселений региона (в Чите, Благовещенске, Хабаровске, Красноярске, Усолье-Сибирском, Слюдянке). Институционально к началу же XX в. наличие такого количества приходов было структурировано посредством создания апостольской администрации для Дальнего Востока с центром во Владивостоке. В советский период институты римокатолицизма разделили судьбу всех религиозных образований. И нормализация их деятельности началась с 90-х гг. XX в. В 1991 г. иркутский приход был восстановлен и функционировал в рамках образованной Ватиканом Азиатской апостольской администрации.

Процессы дальнейшей структуризации римско-католических институтов характеризовались рядом особенностей, в том числе и геополитического порядка. Прежде всего речь идет о миссионерских интенциях Римско-католической церкви, имеющих не только внутрисибирский, но и центральноазиатский и дальневосточный векторы. Так, в мае 1999 г. из азиатской части апостольской администрации для католиков латинского обряда

³ Данный тезис согласуется с положениями п. 4 «д» Стратегии.

России была выделена апостольская администратура для католиков латинского обряда Восточной Сибири, преобразованная в свою очередь в епархию Св. Иосифа с центром в г. Иркутске. В границах созданной епархии находится ряд восточносибирских и дальневосточных регионов⁴ [5] с общей площадью более чем 10 млн кв. км. Структурно обширная территория епархии делится на деканаты: Иркутский⁵, Красноярский⁶, Якутский⁷, Владивостокский⁸ и Магаданский⁹ [Там же]. Что касается проблем бытования римокатолицизма на территории Российской Федерации, то, с одной стороны, католическая церковь и ее институты нельзя назвать нетрадиционными для пределов России, учитывая многовековые традиции ее пребывания и количество верующих. С другой, нельзя не отметить обострившиеся (особенно в связи с процессами постсоветского возрождения Римско-католической церкви в начале XXI в.) противоречия между Русской православной церковью Московского патриархата (далее – РПЦ МП) и институтами Римско-католической церкви, преимущественно связанные с вопросами прозелитизма¹⁰ [4] и канонической территории¹¹ РПЦ МП, границы которой, по мнению ее иерархов, нарушаются миссионерской деятельностью Римско-католической церкви. Проблема встала особенно остро с распадом СССР и началом процессов возрождения структур как РПЦ МП, так и римокатолицизма в Российской Федерации. Обвинения в попрании принципа канонической территории звучали не только со стороны иерархов РПЦ МП¹², но и в достаточно жесткой форме в различных конфессионально ангажированных СМИ. Доктринальный посыл, связанный с апостольским правилом¹³ [3], за-

⁴ Кроме Иркутской области, республики Бурятия, Якутия, Тыва, Хакасия, Красноярский, Забайкальский, Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Амурская и Магаданская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵ Включающий в свой состав приходы в Ангарске (приход Св. Иосифа), Братске (приход Св. Кирилла и Мефодия), Листвянке (Духовный центр епархии Святого Иосифа, Дом им. Иоанна Павла II «Единение»), Слодянке (приход Св. Георгия), Усолье-Сибирском (приход Св. Рафаила Калиновского и монастырь Сестер Кармелиток Босых), Улан-Удэ (приход Святейшего Сердца Иисуса), Чите (приход Святых Петра и Павла). Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁶ Приходы в Красноярске, Боготолe, Канске, Ачинске, Норильске, Абакане. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁷ Приходы в Алдане, Нерюнгри, Якутске. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁸ Приходы в Владивостоке, Арсеньеве, Лесозаводске, Находке, Уссурийске, Благовещенске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹ Приходы в Магадане, Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске // Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁰ Стремление распространить свою веру, обратить других в свою веру.

¹¹ Под канонической территорией в РПЦ МП подразумевается «понятие, закрепляющее определенную территорию за определенной православной общиной (например, поместной церковью), где всякая религиозная деятельность иных общин воспринимается как недружественный прозелитизм».

¹² В бытность свою председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) направлял председателю Папского совета по содействию христианскому единству кардиналу Вальтеру Касперу сопроводительное письмо (от 25 июня 2002 г.) к справке со свидетельствами, касающимися прозелитической деятельности католиков на территории России.

¹³ Основанным на Священном Писании: Ап. Павел. (Рим. 15.20: «Я старался благовествовать не там, где уже известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании»).

прещающим епископу священнодействовать на территории чужой епископии, объективно корректируется в процессах массовых миграций, в условиях которых данный принцип отрицается Римско-католической церковью¹⁴. Обвинения в прозелитизме, по мнению ее представителей, не обоснованы, поскольку ее пастырская деятельность направлена, во-первых, на этнические субстраты, исторически принадлежащие к ее пастве (поляки, латыши, литовцы и т. д.), а во-вторых, вызваны тем, что римокатолицизм в своей миссионерской и пастырской деятельности проявляет большую активность и эффективность, чем структуры РПЦ МП¹⁵.

Геополитический ракурс проблем, связанных с прозелитизмом, а также с процессами формирования институтов Римско-католической церкви в регионе (вызвавшими острую реакцию православной общественности и имевшими конкретные правоприменительные решения со стороны государства), особенно ярко проявился в начале XXI в.

Ситуация, в частности, была связана с правовым статусом первого епископа новообразованной епархии Святого Иосифа Ежи Мазура, на момент регистрации учрежденной администрации не являющегося гражданином Российской Федерации. В силу данного обстоятельства в регистрации апостольской администрации Управлением юстиции Иркутской области было отказано. Но последующее за этим решение Ватикана переименовать региональную апостольскую администрацию в Апостольскую администрацию Восточной Сибири и префектуры Карафутто вылилось в достаточно жесткое противостояние геополитического окраса. Суть возникшего конфликта не только в том, что были нарушены положения Федерального закона 152-ФЗ от 18.12.1997 «О наименовании географических объектов», но и в том, что наименование «Префектура Карафутто» носила южная часть острова Сахалин, находящаяся в оккупационном режиме Японии с 1905 по 1945 г. Именно в силу данных обстоятельств акция Ватикана расценивалась как вмешательство во внутренние и внешние дела Российской Федерации. 10 апреля 2002 г. и Апостольская префектура Карафутто была переименована в Апостольскую префектуру Южно-Сахалинска. Впрочем, и этот акт был расценен в прежнем геополитическом ракурсе, поскольку Южный Сахалин назывался префектурой только в период японской оккупации. Последующее объединение созданных в рамках администраций епархий в митрополию, предпринятое папой Иоанном Павлом II в 2002 г., лишь усугубило негативный характер оценки сложившейся ситуации. В региональной проекции

¹⁴ Тем самым, по мнению некоторых православно ориентированных блогеров, не только ставя под сомнение традиционность самой РПЦ МП для России, но и становясь на одну сторону с многочисленными миссиями неохристианских деноминаций в 90-е гг. XX в., ведшими агрессивную миссионерскую деятельность по «евангелизации» местного населения. Сайт Якова Кротова. URL: http://krotov.info/spravki/essays_vera/17_p_vera/prozelit.html (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁵ В упомянутой справке митрополита Кирилла на имя кардинала Вальтера Каспера упоминается в этой связи его высказывание в интервью итальянскому журналу «Чивильта каттолика» от 16 марта 2001 г.: «Русская православная церковь чувствует собственную пастырскую и евангельскую слабость и таким образом боится католического присутствия, которое в основном более эффективно на пастырском уровне, хотя оно и меньше в численном отношении» // Сайт Якова Кротова. URL: http://krotov.info/spravki/essays_vera/17_p_vera/prozelit.html (дата обращения: 01.10.2021).

данные проблемы отразились как в отмечаемой структуризации институтов римокатолицизма, так и в характере деклараций планов пастырской и миссионерской деятельности. К началу XXI в. региональные структуры Апостольской администрации Восточной Сибири (с центром в г. Иркутске) насчитывали 43 прихода, 12 храмов и 21 часовню, в которых служили 28 епархиальных священника, 21 священник-монах и 47 сестер, принадлежащих к различным орденам.

Дискуссия. Взаимодействие между различными этноконфессиональными субстратами в большей степени касается задач государства по реализации интегративной функции в духовно-идеологической сфере. Определенные макрометодологические проблемы, связанные с этноконфессиональными субъектами межкультурной коммуникации, обусловлены объективными параметрами мультикультурализма России, где, как известно, проживает более 150 национальностей¹⁶.

В резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2018 г., в п. 4 раздела «Просвещение и толерантность» ставится вопрос о взаимосвязи просвещения и формирования в общественном сознании религиозной толерантности в контексте развития различных типов межкультурного взаимодействия «на национальном и международном уровнях»¹⁷. Вопрос об этноконфессиональных аспектах межкультурной коммуникации в геополитическом ракурсе объективно касается спиритуально-пространственных категорий в транстерриториальном ключе.

Функционально-понятийным и практико-производным следствием понимания пространства религиозной культуры является рассмотрение конфессионального поля¹⁸ [2, с. 20] как поля прежде всего миссионерского. Миссионерские интенции мировых религий и их доминационных субстратов рассматриваются в русле трансформации социокультурного пространства в его этноконфессиональной стратификации как конфессиональные инновации¹⁹ [Там же, с. 21]. В «силовом» притяжении религиозно-мировоззренческих систем миссионерского поля как одного из видов пространств межкультурной коммуникации развиваются процессы как аккумуляции, так и инкультурации, приводящие в конечном счете к той или иной мере мировоззренческой трансформации субъектов матричных этноконфессиональных культур. Межцивилизационное пограничье Восточно-Сибирского региона исторически является полем взаимодействия как христианских

¹⁶ Характеризуя этнокультурную специфику национального состава и возникающие при этом проблемы межкультурной коммуникации в целом, необходимо отметить, что согласно ч. 2 п. 10 Стратегии используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета (См. ст. 7477, ч. 2, п. 10 Стратегии).

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2018 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/73/L.52> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁸ Под которым понимается «пространство социокультурного континуума, смысловые, мировоззренческие приоритеты которого определяются совокупностью взаимодействий конфессиональных страт в их антропологиической специфике» [2, с. 20].

¹⁹ Под которыми понимаются появившиеся в исторически сформированном конфессиональном поле религиозно обусловленные направления, функционально размывающие традиционные мировоззренческие приоритеты, нормы общественных отношений и, как следствие, приводящие к трансформации конфессионального поля и дезинтеграции социокультурного пространства [2, с. 21].

(православие, католицизм, протестантизм и неопротестантизм) конфессий и деноминаций, так и буддистско-кофуцианских и автохтонных – шаманизма. Плавильный котел межкультурного взаимодействия в миссионерском поле религиозного пространства характеризуется двумя факторами, сложившимися в конце XX – начале XXI в.: с одной стороны, объективными процессами социально-экономической и гуманитарно-силовой глобализации в процессах межкультурных коммуникаций, а с другой – активизацией национальных политических институтов в осуществлении своих контрольных функций в области как экономического, так и духовно-идеологического пространств.

Именно в силу антиглобализационных интенций рубеж XX–XXI вв. отличается усилением этноидентификационных процессов, общих как для стран «большой традиции» (Китай, Россия, Иран), так и в целом для стран регионов Центральной и Юго-Восточной Азии. Роль этнокультурного и религиозного факторов в данных процессах в условиях России отражена в ряде принятых правовых актов программного и стратегического характера²⁰. Процессы этнокультурной и этноконфессиональной идентификации²¹ должны основываться на едином гражданском самосознании каждого субъекта общественных отношений, гипотетически принимающего фактическую мультикультурность федеративного государства в ее тотальной этнокультурной и языковой совокупности²². С другой стороны, не снимается объективное противоречие, возникающее между политическим волеизъявлением по формированию чаемого гражданского единства (как основы российской нации) и этнокультурным многообразием Российской Федерации²³, выраженным прежде всего в его этноконфессиональном спектре религиозного пространства.

Положения программно-стратегических документов, направленных на обеспечение мультикультурных факторов социального развития в его этнокультурном разнообразии (как предмета политико-правовой охраны), объективно не будут способствовать интегративным процессам в обществе по признаку его религиозно-конфессиональной стратификации в силу специфики доктринального уровня религиозного сознания. В данном случае, безусловно, присутствует макрометодологическая ловушка для попыток поиска

²⁰ См. напр.: О безопасности : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2; О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 26 (Ч. I). Ст. 3378; Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» // Собр. законодательства РФ. 2013. № 35. Ст. 4509 (утратил силу); О Стратегии государственной национальной политики ...

²¹ Дефиниция «гражданское самосознание», согласно положениям Стратегии национальной безопасности, определяется синонимом «общероссийская гражданская идентичность». Если соотнести данное понятие с понятием «этнокультурная идентичность», то возникает вопрос о мере их сочленения в позициях, связанных с этноконфессиональными истоками последней как фактора, дезинтеграционного по своей природе (п. «г» ч. 4.1 Стратегии).

²² Если учесть, что поддержание многообразия этнокультурного пространства является одной из приоритетных задач государственной национальной политики РФ, то вопросы превенции конфликтов на национальной и религиозной почве становятся действительной проблемой (п. «а» ч. 4.1 ст. 7477 Стратегии).

²³ Пункты 4.2 «д», «е», «ж» ст. 7477 Стратегии.

оснований, приводящих религиозно-конфессиональные страты к толерантному единообразию восприятия друг друга в процессах миссионерской деятельности прежде всего.

Не способствуют исправлению ситуации и новеллы в Конституцию РФ, принятые в 2020 г. Закрепленные в ч. 2 ст. 67.1 среди базовых ценностей российского общества исторические «идеалы и вера в Бога» как факторы развития и укрепления государственного единства не меняют задекларированного п. 1, 2 ст. 14 светского характера Российского государства, во-первых, и существующую де-юре модель государственно-конфессиональных отношений, во-вторых²⁴.

Выводы. Межкультурная коммуникация, понимаемая в широком смысле как макроуровневое взаимодействие различных социальных общностей и институтов социокультурного пространства, характеризуется субъектным составом, в который включены не только социальные группы – народы, национальности, этнические общности, этноконфессиональные группы, их организационно-правовые формы, но и государство как политический институт.

1. Этноконфессиональный субстрат коммуникативных процессов определяется как фактор, детерминирующий конкретную цивилизационно-территориальную и этноконфессиональную стратификацию. Прежде всего в геополитическом контексте, подразумевающем организацию государством процессов контроля над идеологическим пространством, в том числе и с использованием организационно-правовых форм осуществления интеграционной функции.

2. Антропокультурологический подход, связанный с ментальными цивилизационными характеристиками, обуславливающими как нравственно-аксиологические, так и социополитические аспекты государственно-правовых явлений в динамике межкультурной коммуникации, актуализируется при рассмотрении функциональной взаимосвязи государственной власти и государственной политики в области религиозного пространства. В рамках данного метаподхода определяются объект-предметные параметры межкультурной коммуникации, в рамках которых к объектам взаимоотношений в этноконфессиональной сфере необходимо относятся собственно общественные отношения, к содержанию предмета – достижение межэтнического и межрелигиозного согласия между различными этноконфессиональными субстратами социокультурного пространства.

3. Процессы структуризации римско-католических институтов в межкультурной коммуникации с иными этноконфессиональными стратами отличаются геополитическими параметрами миссионерских интенций Римско-католической церкви как в российском, так и в центральноазиатском и дальневосточном векторах своего пространственного структурирования.

4. Межконфессиональные коммуникативные проблемы между РПЦ МП и римокатолицизмом в России обострились в связи с прозелитической дея-

²⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 2020. 4 июля.

тельностью Римско-католической церкви и обвинениями со стороны РПЦ МП в «попирании принципа канонической территории».

5. Программно-стратегические документы, направленные на обеспечение мультикультурных факторов социального развития в его этнокультурном разнообразии (как предмета политико-правовой охраны), объективно не будут способствовать интегративным процессам в обществе по признаку его религиозно-конфессиональной стратификации в силу специфики доктринального уровня религиозного сознания, при всех попытках приведения религиозно-конфессиональных страт к толерантному единообразию миссионерских интенций доктринального уровня религиозного сознания.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 249 с.
2. Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансасиатском контексте (XX–XXI в.) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2008. 42 с.
3. Новый Завет. С параллельным переводом (на церковнославянском и русском языках). М. : Сибирская Благовонница, 2017. 1008 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. Яз. ; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Hall E. T. The silent language. New York : Doubleday & Company, INC., Garden City, 1959. 242 p.

Ethno-Confessional and Geopolitical Aspects of Intercultural Communication in Eastern Siberia in the Late 20th and Early 21st Century: A Theoretical and Empirical Analysis

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The study is aimed at considering theoretical and empirical issues of intercultural communication in Eastern Siberia at the end of the 20–21 centuries in ethno-confessional and geopolitical aspects. To achieve this research task the author has considered theoretical-methodological and structural-functional aspects of intercultural communication in the ethno-confessional space of the East-Siberian region. The methodological correlation of the processes of intercultural communication and integration intentions of state policy in the ideological sphere of public relations has been analyzed. Their targets in macro-social communication processes are socio-political stability and minimization of deviations based on ethnic and confessional affiliation through the implementation of organizational and legal forms of state functions. The conclusions have been made about actualization and basic nature of the anthropocultural approach, when considering the functional relationship of state power and state policy in the field of religious space. On the basis of the missionary intentions of the Roman Catholic and Russian Orthodox Churches, the object-subject and subjective parameters of the structure of legal communication have been determined, taking into account the geopolitical characteris-

tics of state control over the unity of the sociocultural space. Interfaith communication problems between the Russian Orthodox Church and Roman Catholicism in Russia have worsened due to the proselytizing activities of the Roman Catholic Church in the East Siberian and Far Eastern regions and the lack of an elaborate regulatory framework enabling the government to control ideological space.

Keywords: intercultural communication, Eastern Siberia, methodology, structure, ethno-confessional space, Roman Catholic Church, Russian Orthodox Church, geopolitics.

For citation: Arzumanov I.A. Ethno-Confessional and Geopolitical Aspects of Intercultural Communication in Eastern Siberia in the Late 20th and Early 21st Century: a Theoretical and Empirical Analysis. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 99-108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.99> (in Russian)

References

1. Arzumanov I.A. *Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya etnokonfessionalnykh otnoshenii: obshcheteoreticheskiy analiz* [Problems of state regulation of ethno-confessional relations: general theoretical analysis]. Monogr. Irkutsk, Irkutsk State Univ. Publ., 2019, 249 p. (in Russian)
2. Arzumanov I.A. *Transformatsiya prostranstva religioznoy kultury Baykalskogo regiona v transaziatskom kontekste (20-21 v.)* [Transformation of the religious culture space of the Baikal region in the trans-Asian context (20-21 centuries)]. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2008, 46 p. (in Russian)
3. *Novyy Zavet. S parallelnym perevodom (na tserkovnoslavyanskom i russkom yazykakh)* [New Testament. With parallel translation (in Church Slavonic and Russian)]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2017, 1008 p. (in Russian)
4. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Ed. by A.P. Yevgen'yevoy. 4th ed. Moscow, Rus. YAz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/> (date of access: 01.10.2021). (in Russian)
5. Hall E.T. *The silent language*. New York, Doubleday & Company, INC., Garden City, 1959, 242 p.

Арзуманов Игорь Ашотович

доктор культурологии, доцент,
профессор, кафедра конституционного
права и теории права, Юридический
институт
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: arzumanov@mail.ru
ORCID 0000-0003-3216-7107

Arzumanov Igor Ashotovich

Doctor of Scieces (Cultural Studies),
Associate Professor, Professor, Department
of Constitutional Law and Theory of Law,
Law Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: arzumanov@mail.ru
ORCID 0000-0003-3216-7107

Дата поступления: 01.10.2021

Received: October, 01, 2021

УДК 930.85

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.109>

Культурные смыслы православия в университетской среде (на примере Забайкальского государственного университета)

Л. В. Камедина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Российская Федерация

Аннотация. Актуализируются культурные смыслы православия, которые важны для возрождения духовной русской культуры в студенческой среде. Русская православная культура способна сохранить и донести культурные смыслы до личности через художественное творчество и духовную деятельность. Предлагается выбор методологии антропологического культурного взаимодействия преподавателей, студентов, Церкви, государства в освоении культурных смыслов православия в университетской среде. Предпринимается попытка создать исследовательский проект и осуществить культурологический анализ связи теоретических разработок в области изучения культурных смыслов с практикой применения их в современном социокультурном пространстве в условиях духовного кризиса и с учетом актуализации духовного культурного смысла в аспекте духовной безопасности личности, возможностей межконфессионального диалога между народами и религиями Забайкальского края, а также попытки объединения студентов по религиозным интересам, например, в социально-нравственной сфере через культурные смыслы и культурную деятельность. Цель исследования состоит в раскрытии взаимодействия культурных смыслов духовной русской культуры с образовательными, воспитательными, социокультурными практиками в университетской среде. Результаты исследования показывают, что студенты формируют свой культурный мир не только информационно-образовательными или социокультурными компонентами, но и своим духовным опытом, который накапливается при освоении культурных смыслов русского духовного бытия.

Ключевые слова: культурные смыслы, православие, студенческая среда, духовная безопасность, культурная деятельность.

Для цитирования: Камедина Л. В. Культурные смыслы православия в университетской среде (на примере Забайкальского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 109–117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.109>

Под культурными смыслами словари по культурологии понимают некое «накопление культурной информации, посредством которой общество (общность, нация, народ) создает свою картину мира, подходы к смыслам жизни, мыслит свое предназначение в мире» [12]. Философ, лингвист В. В. Биbihин придает культурным смыслам философское и лингвистическое значение, он объясняет их «историческим опытом людей, которые создают свой способ бытия в культуре, постигая и понимая окружающий мир через языковую коммуникацию» [2, с. 231–243]. Вживаясь в культурный

смысл, человек приобщается к культурному миру. Культурный смысл требует соучастия в нем. В культурных смыслах нет познавательной информации, но есть сохранение жизненно важных трансцендентных явлений, событий и очевидностей культурной картины мира. Через культурные смыслы картина мира осмысливается духовно и понимается содержательно. Смысловые духовные константы осваиваются через язык, искусство, религию, философию, науку. М. В. Силантьева говорит об особой методологии подхода к культурным смыслам, которые обязательно религиозны, так как связаны с традицией культуры. По ее мнению, религиозная культура сводится к антропологической составляющей религиозности, к взаимодействию людей для поиска Истины, при этом, подчеркивает исследователь, предполагается и встречное движение самой Истины к человеческому сознанию [11]. М. В. Силантьева предлагает различать антропологическую и сакральную религиозность. Она пишет о том, что часто звучат упреки в сторону Русской православной церкви, которая якобы не занимается социальной работой, т. е. общество требует подмены Церкви государством. Однако Церковь является мистическим институтом, она помогает решать социальные проблемы, а не выполняет их сама. Есть, по мнению М. В. Силантьевой, и второй вариант, когда религиозная сакральность преобладает и верующие, уходя в личную молитву, не видят социально страждущих людей вокруг себя [Там же].

В исследовании применены принципы структурно-функционального, семиотического и тео-аксиологического подходов. Структурно-функциональный подход позволяет раскрыть культурные смыслы русской духовной культуры через иерархию всех смыслов при соподчиненности их духовной составляющей русской культуры. В исследовательской работе со студентами за основу берется методология семиотического анализа текстов культуры, которая помогает увидеть символическое и знаковое поле изучения культурного смысла. Философ А. В. Усачев в работах по онтологии русской мысли формулирует «христианскую задачу в контексте гуманитарных наук – дать аутентичное толкование процесса просвещения», которое без освящения Духом Святым явится «гуманистическим идолопоклонством» [13, с. 263–274]. А. В. Усачев предлагает дополнить полемику между философией и религией проблемами культурологии, историософии и прочих гуманитарных дисциплин. В рамках тео-аксиологического подхода доказывается христосцентричность русской культуры, которая проявляется и на уровне мировоззрения творцов культурных текстов, и на уровне глубинной бытийственной составляющей русского бытия.

Актуальность исследования подчеркнута интересом к традициям православной культуры и проблемой их наследования. Студенты озабочены поиском смысла своего личного бытия среди моря различных смыслов, которые им предлагает современная реальность. Потеря духовного ориентира, неразличение добра и зла часто приводят молодежь в деструктивные религиозные и экстремистские организации, в которых окончательно теряется связь с культурными традициями предков и искажается духовно-нравственная жизнь. Интерес к культурным смыслам православия поддер-

живается в университетской среде разного рода культурными проектами, праздниками, олимпиадами, экскурсиями, просветительскими лекциями.

Культурный смысл выявляется через диалог культур, через связь художественного творчества со смыслом жизни молодого человека. Применяемые культуроведческие технологии призваны пояснять ценности и знаки русской духовной культуры в национальном наследии. Обязательным является «выявление многообразных связей деятелей отечественной культуры с институтами русской духовности» [5]. Для этого на базе центра русской культуры «Кириллица» историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета организованы курсы дополнительного образования «Русская православная культура», проводятся просветительские лекции для студентов, учителей. Студенты овладевают новыми знаниями как с помощью преподавателя, так и самостоятельно.

С использованием культурологических методик антропологического и сакрального освоения культурных смыслов на базе кафедры литературы создан авторский проект Л. В. Камединой, в котором «прописаны теоретические положения и технологии организации студенческой деятельности в области духовно-нравственного образования и воспитания» [Там же]. Поставленные задачи отражают этапы эволюции проектной деятельности. Проект является действующим, он пополняется новыми культурологическими практиками. Центр русской культуры «Кириллица» тесно сотрудничает с Забайкальской митрополией, в том числе и в грантовой деятельности. Например, в настоящее время осуществляется грантовый проект просветительских лекций для студентов и широкой аудитории. Преподаватели вуза предлагают тематику, связанную с освоением русских культурных смыслов через литературу, кинематограф, театр, историю Русской православной церкви, церковнославянский язык. Лекции читаются 2–3 раза в неделю на протяжении учебного года. Цикл лекций «Смысловые коды русской жизни и сохранение национальной идентичности: на материале русской литературы» вызывает большой интерес у студентов, много вопросов и полемику.

С помощью методик антропологического и сакрального освоения культурных смыслов в студенческой среде была разработана стратегия поддержки национальных традиций. Предложенные культурологические практики меняют общекультурный фон в университете, способствуют духовно-нравственному образованию и воспитанию студенческой молодежи средствами культуры.

Кафедра литературы ЗабГУ разработала банк тем для курсовых, дипломных, магистерских и аспирантских работ с включением тем, связанных с изучением духовных основ русской культуры и литературы. Это способствует использованию теоретических знаний студентами на практике, в том числе и в научных исследованиях при написании курсовых, дипломных, магистерских работ. Студенты, магистранты занимаются выявлением культурных смыслов и разрабатывают технологии их освоения. Например, студенты с большим интересом подходят к исследованию таких тем, как «Смыслы русского мира в “Слове о полку Игореве”», «Целостность русского духа в

сказках А. С. Пушкина», «Смыслы Страшного суда в творчестве Н. В. Гоголя», «Софийность в романах Ф. М. Достоевского», «Смыслы библейского “Екклесиаста”» в повести Л. Н. Толстого “Смерть Ивана Ильича”» и т. п.

В задачу проектной деятельности входит изучение православной студенческой среды в университете, которая оказывает духовное влияние на всю вузовскую атмосферу. Студенты постепенно включаются в мероприятия, проводимые кафедрой литературы и Забайкальской митрополией: посещают лекторий «Час православной культуры», организованный отделом религиозного образования епархии, слушают лекции о православных писателях, художниках, музыкантах, принимают участие в последующих их обсуждениях, задают вопросы. Лекции сменяются кинофильмами духовно-патриотической тематики, и студенты иногда охотно участвуют не только в просмотре кино, но и в активном его обсуждении. Ежегодно студенты-филологи помогают организовать празднование Дней славянской письменности и культуры, рассказывают на негуманитарных факультетах вуза о создателях славянской азбуки святых Кирилле и Мефодии, читают тексты на славянском языке, предлагают различные лингвистические игры, проводят олимпиады по церковнославянскому языку. У самих студентов постепенно пополняются культурологические знания основ православия, его ценностей.

В 2005 г. на базе кафедры литературы ЗабГУ были открыты курсы дополнительного образования «Русская православная культура», куда были приглашены студенты, выпускники вуза, учителя г. Читы. В результате набор оказался огромным, до 200 человек. На курсы пришли люди разных специальностей, студенты других вузов города и даже пенсионеры. Курсы продолжают работать, набор по-прежнему большой. Преподавателями кафедры совместно с отделом религиозного образования Забайкальской митрополии были созданы авторские программы по обучению культурным смыслам православия в университетской среде. Иногда на обучение приходят учителя-буряты, преподающие «Основы религиозных культур и светской этики» в школе, они объясняют свое желание учиться на данных курсах интересом к институту православия, сравнению его с буддизмом и его духовно-нравственной основой.

В вузе для студентов организована культурологическая экскурсия в православный храм, во время которой можно познакомиться с архитектурой храма, его внутренним устройством, «прочитать» иконостас, храмовые иконы, послушать духовные песнопения, греческий и славянский распевы, задать вопросы священнику.

Историко-филологический факультет ежегодно проводит две конференции: научно-практическую «Православие и общество: грани взаимодействия» и научно-просветительскую «Иннокентиевские чтения», посвященную святителю Иннокентию, митрополиту Московскому, апостолу Сибири и Америки. В обеих конференциях принимают участие студенты. Они помогают в организации научного форума, выступают с докладами, готовят свои статьи к публикации в сборниках конференций. Усвоение культурных смыслов православия осуществляется через научный резерв.

Постепенно, участвуя в различных вузовских проектах – научных, культурных, социальных, студенты убеждаются в христоцентричности русской культуры. Студенты-филологи на занятиях по русской литературе используют не только семиотический подход к анализу текста, предлагаемый Ю. М. Лотманом [7], но и метод духовного реализма, разработанный доктором филологических наук Института русской литературы (Пушкинский дом) А. М. Любомудровым [8]. Метод духовного реализма, применяемый в интерпретации текстов литературы, студенты апробируют на школьных практиках, доказывают правомерность подобных интерпретаций. Аспиранты кафедры выбирают темы для диссертаций, связанные с исследованием и освоением культурных смыслов как в студенческой среде, так и в национальном социуме в целом. Например, были успешно защищены кандидатские диссертации на тему социокультурного освоения иконичности творчества современных православных художников и на тему изучения христианской седмицы грехов в экфрасисе текстов культуры. Готовятся новые диссертации к защите в русле указанных исследований.

Социокультурные практики в университетской среде направлены на обязательное предупреждение студентов о деструктивных религиозных инновациях, каковых расплодилось множество и целью которых является воздействие на молодежь. Центр русской культуры «Кириллица» ЗабГУ вводит в культурологические практики христианские идеи, которые всегда имели огромную общественную силу для русской культуры в целом. Изучение творчества великих русских писателей Пушкина, Гоголя, Достоевского и других с позиций тео-аксиологического подхода, введенного в научный оборот руководителем «Кириллицы» проф. кафедры литературы ЗабГУ Л. В. Камединой, приносит свои плодотворные результаты [5]. Студентам объясняется неразрывная духовная связь творчества великих русских писателей с христоцентричным стержнем национальной культуры и русским бытием.

В настоящее время возрастает значимость изучения кодов национальной культуры, ее духовных смыслов в контексте сохранения национальной идентичности. Т. А. Кузнецова пишет о том, что культурные смыслы могут сохраняться в культурном времени даже при неблагоприятных общественных условиях [6].

В картине мира наших великих русских художников Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Репина, Нестерова, Верещагина, Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова оформлена идеациональная структура словесного, живописного, музыкального текстов, что доказывает репрезентацию духовного культурного смысла в их произведениях, их обращение к истокам древнерусских христианских констант, оформленных для народа. Через культурные смыслы студенты выстраивают свои отношения с институтом Русской православной церкви. Студенты ищут не только религиозную идею для своей культурной деятельности, но и религиозный смысл личного спасения. Усвоение культурных смыслов православия в университетской среде необходимо для образования и воспитания студентов в стенах вуза.

Современные средства массовой коммуникации, к которым часто обращаются студенты, порой уводят молодежь в поле ложных или подмененных смыслов и ценностей. Происходит разрыв с вековыми христианскими традициями и потеря культурных национальных смыслов. В. А. Никитин пишет о том, что в настоящее время «и культура нуждается в защите от духа невежества, и личность нуждается в защите от ложных сектантских суеверий, духовных лжеучений, которые действуют на нее» [9, с. 484]. Решать проблему духовной безопасности личности, по мнению кандидата юридических наук А. И. Хвыли-Олинтера, нужно в сфере науки, культуры, церкви и государства [14]. В образовательной среде университета студенты усваивают культурные смыслы для своих секулярных потребностей, а в институте Церкви – для потребностей своей души, для смысла жизни.

Важную роль на пути освоения культурных духовных смыслов играет пневматология – наука, разработанная еще древними византийцами и закрепленная в православном учении сербским ученым монахом, доктором богословия преподобным Иустином (Поповичем) [4]. Пневматология учит различать духов добра и зла. Опираясь на пневматологию и русский писатель Н. В. Гоголь, он в своем творчестве строил модель мироздания с земной горизонтальной плоскостью устройства жизни и духовной вертикалью, устремленной к Церкви и Творцу. Пневматология как «наука о духе» обращает внимание на созидательную и разрушительную энергию духа. Студенты-филологи при изучении мировой литературы входят в мир пневматологической семиосферы знаков, символов, кодов мира Бога и мира антихриста. Знакомство с трудами преподобного Иустина, который определяет центром мироздания Христа, является важным образовательным компонентом в воспитании студентов, потому что подобная педагогика помогает найти и смысл жизни, и социальную гармонию [Там же]. Опыт православного духоведения – это не научная психология, как иногда думают студенты, а именно пневматология русской культуры. Пневматологическое сознание, по определению писателя Иоанна Сан-Францисского, кандидата богословия, «обладает даром этической интуиции и властью аксиологических, оценочных суждений», оно одно способно различать духов добра и зла [3, с. 383].

Исследование культурного смысла выводит на знаки культурной памяти народа. События культуры имеют непрерывную цепь повторений во времени. Т. Ф. Кузнецова обосновывает подобные явления культурным временем, историческая длительность которого иная, нежели времени, протекающего в социуме, поэтому знаки, символы, образы, смыслы сохраняются в культуре длительное время и могут переходить в Вечность [6]. Культурные смыслы, напоминает Т. Ф. Кузнецова, существуют вне времени, они располагаются в глубинных слоях Бытия, в культурном времени, всегда готовые к воспроизводству [Там же]. Возрождение культурных смыслов, особенно в периоды духовного кризиса нации, народов, всегда актуально. Каждое поколение черпает вечные истины из нового прочтения текстов культуры. «Эта мысль считалась одной из фундаментальных, – пишет академик А. М. Панченко, – с нее начинался “Измарагд” – сборник, который с XIV

века считался своего рода “книгой жизни”» [10, с. 202]. Согласно Измарагду, подчеркивает Панченко, читающий книги, черпающий в них истины и духовные смыслы, «обновляется, и просвещается, и спасается» [Там же, с. 203]. Изучение традиционной русской культуры в вузовском образовании, в том числе и на негуманитарных факультетах, способствует сохранению и осознанию студентами непрерывности своего бытия в культуре.

Тем не менее сохраняются и проблемы. Студенты не всегда видят, определяют и правильно, адекватно осваивают культурные смыслы. Для этого необходима помощь опытного преподавателя каждому новому поколению студентов, которые осваивают духовные смыслы русской культуры для своего социокультурного бытия. По утверждению М. М. Бахтина, смысл не меняет материальности вещи, он воздействует на событие [1]. Некоторые студенты искажают православное восприятие русской культуры, уходя в «православие без берегов», либо начинают рассматривать духовные культурные смыслы со светских рационалистических позиций. Современный рационализм уничтожает сакральность духовного смысла в русской культуре. Для этого преподавателями разработаны и читаются ознакомительные элективные курсы «Русская духовная культура», «История Русской православной церкви», «Экфрасис культурных смыслов в словесных и живописных текстах», «Мировая культура в контексте духовного самосознания» и др., демонстрируются фильмы об архитектуре православных храмов, об иконописи, о жизни монастырей и монахов-подвижников. После прослушанных курсов студенты начинают задумываться о культурной национальной картине русского мира и пытаются осознать свое место в русском бытии. С помощью педагога студенты разрешают порой сложные ситуации, в том числе в присутствии учащихся – представителей других конфессий и национальностей.

Таким образом, факультетский центр «Кириллица» разработал рекомендации по освоению, сохранению и трансляции культурных смыслов в университетской среде. Для этого используется весь потенциал русской культуры, ее секулярные и религиозные составляющие; технологии по выявлению смыслов в текстах культуры; научно-практические конференции; программы, поддерживающие межнациональный, межконфессиональный диалог; олимпиады для поддержания интереса к истории русского языка и диалога культур, культурологические экскурсии в храмы Читы. Основной работой центра «Кириллица» в студенческой среде является формирование устойчивого мировоззрения молодежи, повышение общего интеллектуального, нравственного и культурного фона в университете, выработка критического мышления, для того чтобы сопротивляться идеологическим, психологическим, религиозным манипуляторам, и сохранение духовного здоровья. Взаимодействие университета с образовательными и культурными программами других вузов (Новороссийска, Орла, Воронежа, Улан-Удэ и др.), проведение совместных конференций по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию студентов (Всероссийская научно-практическая конференция 2019; 2021 гг.) способствуют поддержанию культурного диалога на всероссийском уровне.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. М. : Наука, 1986. С. 80–160.
2. Бибихин В. В. К онтологическому статусу языкового значения // Традиция в истории культуры. М. : Наука, 1978. С. 231–243.
3. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. Петрозаводск : Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. 575 с.
4. Иустин (Попович), преподобный. Догматика Православной Церкви: Пневматология. М. : Издат. совет РПЦ, 2007. 544 с.
5. Камедина Л. В. Духовные смыслы русской словесной культуры : монография. Чита : ЗабГУ, 2014. 227 с.
6. Кузнецова Т. Ф. Культура и время // Фундаментальные проблемы культурологии. В 4 т. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2008. С. 304–307.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 704 с.
8. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе Русского Зарубежья (Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 280 с.
9. Никитин В. А. Основы православной культуры. М. : Дом надежды, 2009. 560 с.
10. Панченко А. М. Русская история и культура: работы разных лет. СПб. : Юна, 1999. 520 с.
11. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб. : РХГА, 2009. Т. 10. Вып. 2. С. 196–206.
12. Словарь-справочник по культурологии. URL: <https://artap.ru/smysl-kulturnye> (дата обращения: 14.09.2021).
13. Усачев А. В. Очерки по онтологии русской мысли. Елец : ЕГУ, 2007. 293 с.
14. Хвеля-Олинтер А. И. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. М. : Дарь, 2008. 640 с.

Cultural Meanings of Orthodoxy in the University Environment (the Case of Transbaikal State University)

L. V. Kamedina

Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

Abstract. The article actualizes cultural meanings of Orthodoxy that are important for the revival of spiritual Russian culture of young students. Russian Orthodox culture preserves and conveys cultural meanings to an individual with the help of arts and spiritual activity. The paper presents methodology for anthropological cultural interaction of teachers, students, church, and government in the development of cultural meanings of Orthodoxy in the university environment. An attempt was made to arrange a research project and carry out a culturological analysis of the correlation of theoretical developments in the field of studying cultural meanings with the practice of their application in the modern sociocultural space in conditions of a spiritual crisis and taking into account actualization of the spiritual cultural meaning in the aspect of spiritual security of an individual, the possibilities of an interfaith dialogue between the peoples and religions of the Transbaikal region, as well as attempts to unite students according to their religious interests, for example, in the social and moral sphere through cultural meanings and cultural activities. The purpose of the study is to reveal the interconnection of cultural meanings of spiritual Russian culture with educational, training, socio-cultural practices in the university environment. The results of the study show that students form their cultural worldview not only with the help of informational and educational or socio-cultural components, but also through their spiritual experience, which is accumulated while mastering the cultural meanings of Russian spiritual life.

Keywords: cultural meanings, Orthodoxy, student environment, spiritual security, cultural activity.

For citation: Kamedina L.V. Cultural Meanings of Orthodoxy in the University Environment (the Case of Transbaikal State University). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 109-117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.109> (in Russian)

References

1. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [To the philosophy of action]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: Yezhegodnik*. 1984-1985. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 80-160. (in Russian)
2. Bibikhin V.V. K ontologicheskomu statusu yazykovogo znacheniya [Towards the ontological status of linguistic meaning]. *Traditsiya v istorii kultury* [Tradition in the history of culture]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 231-243. (in Russian)
3. Ioann San-Frantsiskiy (Shakhovskoy), arkhiyeppiskop. *Izbrannoye* [Favourites]. Petrozavodsk, Svyatoy ostrov (Fond kul'tury Karelii), 1992, 575 p. (in Russian)
4. Iustin (Popovich), prepodobnyy. *Dogmatika Pravoslavnoy Tserkvi: Pnevmatologiya* [Dogmatics of the Orthodox Church: Pneumatology]. Moscow, Izdatel'skiy Sovet RPTS, 2007, 544 p. (in Russian)
5. Kamedina L.V. *Dukhovnyye smysly russkoy slovesnoy kultury* [Spiritual meanings of Russian verbal culture]. Chita, ZabGU Publ., 2014, 227 p. (in Russian)
6. Kuznetsova T.F. Kultura i vremya [Culture and Time]. *Fundamentalnyye problemy kul'turologii*. In 4 vols. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2008, vol. 1, pp. 304-307. (in Russian)
7. Lotman YU.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2001, 704 p. (in Russian)
8. Lyubomudrov A.M. *Dukhovnyy realizm v literature Russkogo Zarubezhiya* (B.K. Zaitsev, I.S. Shmelov) [Spiritual Realism in the Literature of the Russian Abroad (B.K. Zaitsev, I.S. Shmelov)]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, 280 p. (in Russian)
9. Nikitin V.A. *Osnovy pravoslavnoy kul'tury* [Fundamentals of Orthodox Culture]. Moscow, Dom nadezhdy Publ., 2009, 560 p. (in Russian)
10. Panchenko A.M. *Russkaya istoriya i kultura: Raboty raznykh let* [Russian history and culture: works of different years]. Saint Petersburg, Yuna Publ., 1999, 520 p. (in Russian)
11. Silant'yeva M.V. Tsenostnyy potentsial khristianstva pered teoreticheskimi vyzovami sovremennosti [The value potential of Christianity in the face of the theoretical challenges of modernity]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. Saint Petersburg, RKHGA Publ., 2009, vol. 10, release 2, pp. 196-206. (in Russian)
12. *Slovar-spravochnik po kulturologii* [Dictionary of Cultural Studies]. Available at: <https://artap.ru/smysl-kulturnye/> (date of access: 14.09.2021). (in Russian)
13. Usachov A.V. *Ocherki po ontologii russkoy mysli* [Essays on the ontology of Russian Thought]. Yelets, YEGU Publ., 2007, 293 p. (in Russian)
14. Khvylya-Olinter A.I. *Dukhovnaya bezopasnost i dukhovnoye zdoroviye cheloveka, semii, obshchestva* [Spiritual security and spiritual health of a person, family, society]. Moscow, Dar Publ., 2008, 640 p. (in Russian)

Камедина Людмила Васильевна
доктор культурологии, доцент, профессор,
кафедра литературы
Забайкальский государственный
университет
Российская Федерация, 672039, г. Чита,
ул. Александрo-Заводская, 30
e-mail: kamedinal@mail.ru
ORCID 0000-0003-0308-8696

Kamedina Lyudmila Vasilievna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor,
Professor, Department of Literature
Transbaikal State University
30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039,
Russian Federation
e-mail: kamedinal@mail.ru
ORCID 0000-0003-0308-8696

УДК 37.017.93(571.54)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.118>

Буддизм как фактор образовательных процессов в Бурятии: социально-исторические аспекты

Г. С. Митыпова

*Бурятский республиканский институт образовательной политики, г. Улан-Удэ,
Российская Федерация*

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты социально-исторических процессов в образовательной сфере Бурятии в контексте интеграции буддийских институтов в область культуры и просвещения начала XX и XXI в. Отмечается, что на современном этапе буддизм в Бурятии представляет собой один из устойчивых конфессиональных институтов, имеющих в своем арсенале все те традиции, которые были присущи в дореволюционный период истории России: в культурном ландшафте региона это восстановление дацанских комплексов, развитие строительства, архитектуры, ремесел, формирование приходских общин.

Ключевые слова: буддизм, образование, просвещение, дацан, радио, телеканал, галерея, бронзовая скульптура, интеграция.

Для цитирования: Митыпова Г. С. Буддизм как фактор образовательных процессов в Бурятии: социально-исторические аспекты // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 118–128. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.118>

Введение. Некоторые аспекты социально-исторических процессов в образовательной сфере будут рассмотрены на примерах интеграции и реинтеграции буддийских институтов в область культуры и просвещения, образовательных структур начала XX и XXI в.

Исторические источники, которые дают представление о деятельности буддийских дацанов, о степени их взаимодействия с Министерством народного просвещения Российской империи начала XX в. в области образования, демонстрируют, что данный религиозный институт занимался не только вопросами вероучения, но в значительной части просвещением. В имперский период система образования подразумевала активное участие в образовательном и воспитательном процессе духовенства, о чем говорит, например, наличие школ при церквях и монастырях, дацанах, мечетях и синагогах, которые составляли значительную часть в системе народного образования.

Как писал в своей докладной записке на имя председателя совещания по обсуждению проекта Положения об управлении делами вероисповедания буддистов, иркутского генерал-губернатора Бандидо Хамбо-лама ламайского духовенства Восточной Сибири Чойнзон-Доржи Иролтуев, «в Забайкальской области в минувшем 1909 г. состоит всего 20 инородческих училищ, из них 4 двухклассных и 16 одноклассных. С сентября означенного года предположены были к открытию еще 2 инородных училища. Во всех вышеозначенных училищах состояло учителей – 26, законоучителей – 8 и вероучите-

лей – 2, всего 36. 2) учащихся обоего пола – 734, из них православных – 213, буддистов – 430, шаманистов – 88, евреев – 3, всего 734»¹. В программу обучения были включены учение и письмо на монгольском языке и буддийское вероучение для детей-ламаитов. Мера эта осуществлялась в 9 училищах Министерства народного просвещения, в коих должности преподавателей этих предметов занимают два буддийских духовных лица (ламы) и семь особых светских учителей, получающих за таковой труд свой вознаграждение от 50 до 300 руб. в год.

В преподавании означенного предмета употреблялся составленный учителем Базаровым учебник «Русско-монгольская речь». К этому надлежит добавить, что в ближайшем будущем при прохождении означенных предметов предполагается пользование также изданиями, в переводе с русского языка на монгольский, Санкт-Петербургского общества востоковедения, предназначенные служить проводником русской культуры среди проживающих в России инородцев монгольского корня [10, с. 57]: «Краткое изложение веры Будды Шигемуньи», «Краткий рассказ о русском государстве, его жителях и их промыслах», «Мир Божий, или Краткие рассказы о Вселенной» и «Начальные уроки естествознания»².

Для внедрения в государственную образовательную среду дацаны имели значительный опыт в просвещении, образовании в регионе, о чем свидетельствуют выпущенные ими издания. Так, в 1887 г. в 29 бурятских дацанах имелись свои печатни, в которых было издано около 600 названий книг и брошюр на тибетском и монгольском языках [10, с. 75].

Сохранилась переписка настоятеля, ширетуя Ацагатского (Шулутского) дацана о книгах, изданных в дацанской типографии на старомонгольском языке³. Значительную часть изданий составила обрядовая литература, молитвы, благопожелания, такие как «Ухин тэнгэрийн магтагал», «Шигэмунинь магтагал», «Дара эхын магтагал», «Мэгзэмунь залбирал», «Богдо лама-дар шутоху ябадал», «Мани уншиху есонь» и другие. В списке обозначены азбучовники «Тибет усукъ» на трех листах, «Инэтхэгъ унь арбан жорган усук уть» на двух листах. Представляют несомненный интерес для широкого круга читателей книги по вопросам этики и морали: «Тамахин гэм узегулогчи», «Шимнос эма ин... хоригол тамахину», «Хугшэн ба залугай ... хыле-легсан домог», «Мэргэнь ба... тыник ни шинжилаху оодур»⁴ [3].

Эти данные свидетельствуют о существовании училищ для детей из бурятских улусов, о просветительской издательской деятельности дацанов, где наряду с богослужебными текстами издавались наставления светского характера, такие как «Краткий рассказ о русском государстве, его жителях и

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1242. Л. 124 (об) – 125 (об). Докладная Записка Его Превосходительству Господину Председателю совещания по обсуждению проекта Положения об управлении делами вероисповедания буддистов Иркутскому Генерал-Губернатору от Бандидо Хамбо Ламы Ламайского духовенства Восточной Сибири Чойзон-Доржи Иролтуева.

² Там же. Л. 125 (об).

³ ГАРБ. Ф. 425. Оп. 1. Д. 86, 1887 г. Л. 3-31 об. Изданы в Ацагатском дацане на монгольском языке. Бандидо Хамба Итыгилов.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 429, 1911. Л. 17 (об) – 19.

их промыслах», «Мир Божий, или Краткие рассказы о Вселенной и начальные уроки естествознания».

Методологические подходы. При рассмотрении деятельности буддийских институтов в области просвещения и образования в дореволюционный и современный периоды истории Бурятии методологической основой исследования явился историко-сравнительный анализ. С его помощью изучены формы реализации просветительских функций и взаимодействие религиозных организаций с государственными и общественными структурами, а также процессы интеграции буддийской культуры в современное общество.

Основные результаты. За последние десятилетия в Бурятии восстановлены буддийские храмовые комплексы, сооружены новые в местах компактного расселения бурят. Задачу просвещения и духовно-нравственного воспитания решают буддийские ученые, ламы, философы, эмчи-лекари, настоятели дацанов, т. е. восстановлен в полном объеме весь спектр деятельности. 29 сентября 2020 г. в «Иволгинском дацане, в резиденции Пандито Хамбо Ламы Дамбы Аюшеева, с участием Дид Хамбо Ламы Дагбы Очирова, Ширээтэ Ламы дацана Аюра Цырендылыкова, почетного ректора Буддийского университета “Даши Чойнхорлин” Ганжур ламы Раднаева, проректора Буддийского университета “Даши Чойнхорлин” Геше Бадмы Мархаева и пресс-секретаря дацана Аллы Намсараевой, прошло обсуждение важнейших вопросов, связанных с реализацией большого проекта Сангхи России по созданию комфортной среды для детей в целях обучения их родному бурятскому языку. Прошедшие семь лет, с осени 2013 г., когда впервые Сангха России заявила о начале своей работы в сфере сохранения бурятского языка, признанного ЮНЕСКО в 2005 г. одним из вымирающих языков народов мира, созвав Ехэ хурал – Межрегиональную конференцию “Буряад хэлэнэй ерээдүй сагай Үрасхал”, показали, что за этот очень короткий период времени Сангхой России и ее единомышленниками сделано очень много на этом трудном пути»⁵.

Действительно, за этот очень короткий период времени Сангхой России и ее единомышленниками сделано очень много: создано национальное Буряад FM-радио и телеканал «Селенга-TV» с круглосуточным вещанием на всех диалектах бурятского языка. Поступают сведения, что в Бурятии всерьез возьмутся за обучение родному языку в детсадах⁶.

Автор является одним из лекторов Буряад FM-радио, в программе которого выступления по разнообразной тематике. Хамбо-лама Дамба Аюшеев привлек к работе на радио талантливую молодежь, журналистов, редакторов, которые охватывают своим вниманием все районы республики, освещают жизнь современного села, школ, рассказывают об успехах учащихся, спортсменов, артистов. Целый цикл передач посвящен истории Бурятии, историческим личностям. Автору довелось выступить по теме

⁵ Сангха России приступает к реализации большого проекта по сохранению бурятского языка // Буддийская традиционная Сангха России. URL: <https://sangharussia.ru/news-ibur/sangkha-rossii-pristupaet-k-realizatsii-bolshogo-proekta-po-sokhraneniyu-buryatskogo-yazyka> (дата обращения: 19.10.2021).

⁶ Начинаем эксперимент в МАДОУ № 52 «АЯ ГАНГА» // Буддийская традиционная Сангха России. URL: <https://sangharussia.ru> (дата обращения: 19.10.2021).

«В. И. Ленин и Бурят-Монгольская автономия в составе ДВР», рассказать о деятелях бурятского народа Агване Доржиеве и Элбэг Доржи Ринчино, об их встрече с Лениным и участии делегации бурят в работе съезда народов Востока, о Первой мировой войне и др. Как отмечает Д. Д. Амаголонова, «в условиях десекуляризации социокультурных практик свобода совести стала в России реальностью, а буддизм в комплексе с шаманизмом, оттеснив православие, является важной характеристикой региона, его брендом. При этом от имперского периода унаследованы адаптивные традиции лояльности властям, что позволяет буддийским организациям, главным образом Буддийской традиционной Сангхе России, влиять на многие стороны жизни в Бурятии» [1].

От идеи организации работ по восстановлению утраченных традиций в области буддийского искусства и культуры при дацане и до реализации проекта по изготовлению бронзовых скульптур XXIV Хамбо-ламе Дамбе Аюшееву потребовалось немало времени и сил. Изучались история и культура бытования дацанских комплексов, архитектура, живопись, скульптура – работы бурятских лам XVIII–XIX вв., была оказана поддержка музею в организации выставок, в издании цветных иллюстрированных книг, альбомов. В 2012 г. реализован проект, подготовленный Министерством культуры РФ в рамках культурной программы саммита АТЭС-2012, – выставка «Буддизм в России» в Приморском государственном музее имени В. К. Арсеньева, с изданием иллюстрированного альбома. В приветственном слове Хамбо-лама пишет, что Республика Бурятия, где более всего сохранились и развиваются буддийская культура и искусство, предоставила из фондов Национального музея буддийскую живопись и скульптуру XVIII – начала XX в., замечательные произведения великого ламы-художника С. Ц. Цыбикова конца XIX – первой трети XX в. Экспонирование на выставке высококачественных копий листов уникального Атласа тибетской медицины – редкая возможность прикоснуться к сокровенному источнику древнего искусства врачевания [6, с. 4].

В 2015 г. в Иволгинском дацане были созданы два новых объекта – современная, высокотехнологичная литейная мастерская «Эрхим дархан» и Художественная галерея искусств народов Азии. Идея организации мастерской «Эрхим дархан» на территории Иволгинского дацана обусловлена исторически сложившейся традицией дацанского искусства, имевшей в своем арсенале многие виды художественной культуры, когда были развиты различные жанры искусства – архитектура, живопись, скульптура, книгопечатание, декоративно-прикладное искусство [9].

Система культурной дипломатии включает в себя кинематографию, хореографию, музыку, живопись, выставочную деятельность, образовательные программы, научные обмены, открытие библиотек, перевод литературных произведений, трансляцию культурных программ, межрелигиозный диалог [5].

Сегодня во многом благодаря деятельности данной мастерской, дацаны обеспечены предметами, необходимыми для богослужений и для верующих мирян. Художественная галерея искусств народов Азии, открытая на территории Иволгинского дацана и в центре г. Улан-Удэ, позволила автору про-

следить весь тематический спектр экспозиции. Особой темой в коллекции галереи были зооморфные фигуры, в первую очередь пять видов домашнего скота, характеризующих жизнь и быт кочевника. «Табан хушуу мал»: хонин, морин, тэмээн, ухэр, ямаан, которые транслируют в культурное пространство и бурятский язык [11, с. 33]. Архивные документы Янгажинского дацана⁷, касающиеся изготовления предметов культовой атрибутики, свидетельствуют «о преподнесении в дар дацану 350 шт. медных обрядовых чашек и 100 шт. медных чашек (с ножками) помощником головы Харанутского рода Эрдэни Ганжуровым» (из отчета дацана 1884 г.). Следующий документ, от 15 декабря 1894 г., – распоряжение № 332 о подготовке ламских атрибутов на выставку в г. Чите, организованную Российским императорским географическим обществом, одежды, книг, бурханов, создаваемых при дацанской школе искусств. Данные документы, а также артефакты буддийского искусства, сохранные и экспонируемые в залах Музея истории Бурятии в г. Улан-Удэ, скульптуры Санжи Цыбик Цыбикова, настоятеля Янгажинского дацана, и др. подтверждают, что дацанская школа искусств существовала.

Многие исследователи отмечают, что бурятские умельцы, дарханы в конце XIX – начале XX в. использовали различные технико-художественные приемы: насечку серебром по железу, гравировку, художественную ковку, литье, чеканку, филигрань, золочение и серебрение, инкрустацию полудрагоценными камнями. Комплекс технических приемов и инструментов, используемых бурятскими мастерами металлообработки, показывает, что творчество бурят во многом близка художественной обработке металла других кочевых скотоводческих народов Южной Сибири и Центральной Азии. Современная технология позволила заменить многие ручные приемы обработки металла промышленными способами производства изделий [7].

В числе целей и задач буддийских институтов современности повышение уровня духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, изучение и понимание постулатов буддизма. В данном контексте хотелось бы затронуть вопросы изучения трудов просветителей буддизма в общеобразовательной среде. Одной из ярких и доступных для понимания родителей и их детей может стать книга Э. Х. Гальшиева «Зерцало мудрости» [8], где актуализируется философское миропонимание повседневной жизни.

Настоятели дацанов, ламы региона активно ведут просветительскую работу в социальных сетях, практически каждый дацан имеет свои страницы в «Фейсбуке», «ВКонтакте», где популярно излагаются краткие наставления, освещаются события, происходящие в дацанских приходах. Один из интересных проектов, реализующих в настоящее время, – пример Балдана Базарова, тункинского ламы, который ездит на велосипеде по Бурятии, Забайкальскому краю и посещает места рождения именитых Хамбо-лам в Еравнинском, Курумканском, Селенгинском и других районах, при этом снимает видеосюжеты, фотографирует и публикует аннотации на бурятском, русском языках. Он посетил достопримечательные места в Калмыкии,

⁷ ГА РБ Янгажинский дацан. Ф. 454. Оп. 1. Д. 56. Л.2; Ф. 454. Оп. 1. Д. 21. Л. 33; Д. 58. Л. 2; л. 8; Д. 17. Л. 16.

о чем поделился с читателями: «Алтан Ордн ехэ хото Бату Сарай: Ойролсо байга оваа ехэ тахисан, ехэ һонин байна». На мой вопрос: «Ямар хотын хажууда? Музей би гу?» ответил: «Астрахань хотос хойто зуг руу 180 км явасан. Энэ харагдаж байга хэрэм кино буулгахдаа барисан декораци» (Недалеко от Астрахани, где-то в 180 км, в месте, где предположительно была ставка Бату-хана, имеются декорации, оставшиеся после киносъемок). Акция, предпринятая Балдан-ламой, открывает новые маршруты для паломничества, туризма по заповедным и достопримечательным местам, связанным с именами буддийских иерархов⁸.

Настоятель Шулутского дацана Чингис Ешеев на своей странице в «Фейсбуке» делится с читателями новыми сведениями из истории дацана. Обнаруженная им в 2013 г. рукопись на старомонгольском языке о деятельности выдающегося Ширээтэ-ламы Челутайского (Шулутского) дацана Лубсана Ханчуба Ванчукова (1816–1878 гг.), известного эмчи-ламы, в семье которого три поколения являлись лекарями, помогла установить, что в середине XIX в. им же, вместе с главами хоринских родов прихода Шулутского дацана, и была сооружена ступа Единства «Юндэн» [9]. Удалось найти ее основание и возродить на прежнем месте этот первый субурган осенью 2015 г. Найти точно и достоверно описанную в рукописи обширную местность нам помогла та единственная на всю округу высокая лиственница в степи, с аккуратно раздвоенным стволом, ставшая символическим Хранителем истории Шулутского дацана⁹.

Молодой ученый Ф. М. Бафоев считает, что культурная дипломатия необходима во многих сферах жизни общества: «Вряд ли кто станет отрицать, что все страны, “отправляющие” и “принимающие”, просто обязаны создавать необходимые условия для возрождения национальных традиций и обычаев, изучения родного языка, сохранения самобытной и колоритной культуры того или иного национального меньшинства» [5].

Здесь не только внешняя сторона функционирования буддийских дацанов, более детально прослеживается деятельность современных приходов, и не только богослужебная, но и просветительская, хозяйственная, осуществляется анализ состояния жизни городской среды, современных сел и деревень, демонстрируется знание исторических основ бытования дацанов Забайкалья и Предбайкалья со времени принятия буддизма. История и культура дацанов Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области – это полновесная история бурятского народа в контексте развития Российского государства на востоке страны. Буддизм и дацаны в историческом прошлом и сегодня – это феномен. Задача современников, особенно в образовательной среде, – выбрать оптимальный способ взаимодействия. В данном контексте важно знание и истории бытования дацанских комплексов, и

⁸ Тараруев В. В Бурятии лама из Тунки идет в паломничество по святыням буддизма // МК в Бурятии. URL: https://ulan.mk.ru/social/2021/07/21/v-buryatii-lama-iz-tunki-idyt-v-palomnichestvo-po-svyatynyam-buddizma.html?fbclid=IwAR1tmul9rtQVKDZDk_mUWDJbYmYyNyLYK2FtXS7pjj_6oFThmlCMKORIJ0/ (дата обращения: 19.10.2021).

⁹ Новые страницы Шулутского дацана // Буддийская Традиционная Сангха России. URL: https://vk.com/wall-72062991_5820 (дата обращения: 19.10.2021).

предметного мира религиозной культуры, который может дать прогнозные обоснования роли искусства и религии в жизни современного общества [4].

В социокультурное пространство аксиологические детерминанты бытия – священное, сакральное – транслируются посредством функций культуры (прежде всего религиозной), в результате чего знаково-символическая система артефактов предметного мира религиозной культуры, ее семантический ряд историзирует себя, входя в субъектно-объектные отношения пространственно-временного континуума. По мнению одного из виднейших представителей феноменологии религии М. Элиаде, современному человеку для выхода из экзистенциального кризиса следует понять, а возможно, и частично принять опыт религиозного восприятия мира [12].

Разглядеть в «портфеле» буддийских институтов основы духовно-нравственного воспитания, искусства и культуры удастся и в образовательной среде региона. Практически везде введена в планы внеучебной деятельности дошкольных и общеобразовательных школ организация традиционного бурятского праздника встречи Нового года по лунному календарю «Сагаалган». Безусловно, мероприятия касаются в основном народных традиций и обычаев – в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в РФ», которым закреплено, что школа и дошкольные учреждения являются светскими учебными заведениями.

Здесь хотелось бы привести пример одной из конкурсных работ педагога Онохойской средней школы Натальи Павловны Брянской, учителя русского языка и литературы¹⁰, которая в своей работе опирается на памятник русской литературы «Домострой» и памятник бурятской литературы «Зерцало мудрости» Э.-Х. Галшиева, выступающие нравственным завещанием наших предков. По мнению педагога, эти книги, написанные несколько веков назад, до сих пор актуальны. Воспитатель детского сада «Колосок» села Унэгэтэй (русское старообрядческое село) Лыгжима Дагбаевна Андреева¹¹ организует небольшие поездки в окрестные бурятские села – Хара-Шибирь, где есть музей «Тоонто» Агвана Доржиева, субурган; Первомаевку и Шулу-ты, где восстановлен буддийский дацан, который в поездке по Сибири и Дальнему Востоку посетил будущий император Николай II; притрактовое село Новая Курба, расположенное на Старомосковском (Читинском) тракте, где проживали евреи, немцы и др. (кстати, один из лам Шулутского (Ацагатского) дацана (будущий Хамбо-дама Чойнзон Доржи Иролтуев) мог сво-

¹⁰ Брянская Н. П., лауреат конкурса за проект «Сундучок из прошлого» по организации духовно-нравственного воспитания в рамках образовательного учреждения (Приказ Министерства образования и науки Республики Бурятия от 13 июля 2020 г. № 872 «Об итогах (регионального) этапа XV Всероссийского конкурса в области педагогики, воспитания и работы с детьми и молодежью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя» в Республике Бурятия в 2020 году).

¹¹ Андреева Л. Д., МБДОУ Унэгэтэйский детский сад «Колосок», воспитатель. Учебно-методический комплекс «Этнокультурное воспитание и образование». Конкурсная номинация «Лучшие учебно-методические разработки в системе дополнительного образования. Рабочая программа кружка по бурятскому языку «Табанхурган» – «Пять пальцев». Приложение: Учебно-методическое пособие по ознакомлению с родным селом. Блок «Родное село» (Конспекты НОД, презентации «ХараШибирь», «Шулута»). Заиграевский район, 2019 г.

бодно говорить на немецком языке с цесаревичем во время его путешествия по Сибири и Дальнему Востоку).

Характеристику образовательных процессов в контексте изучения буддизма, культуры буддизма могут дать сведения из документа «О мониторинге основ религиозной культуры и светской этики (ОРКСЭ)» как учебного предмета, проведенном в школах региона. Здесь предоставим несколько статистических данных по выбору модулей родителями (законными представителями) обучающихся 4-х классов в 2018/19 учебном году предмета «Основы буддийской культуры», предоставленных Министерством образования и науки Республики Бурятия: общее количество общеобразовательных школ 438, 4-х классов – 749, в них обучаются 15 496 детей, из них программу «Основы буддийской культуры» осваивают 700. Предмет преподается в основном в сельских районах, местах компактного проживания бурят, исповедующих буддизм¹².

Надо отдать должное общеобразовательным школам, где дети и их родители выбрали модуль «Основы религиозной культуры»: 3604 детей республики из 15 496 учат этот предмет, только в школах г. Улан-Удэ его изучают 1336 детей. 638 преподавателей реализуют данный курс, согласно данным статистики, учебниками обеспечены 100 % школ, соблюдается регламент по обеспечению свободного добровольного информированного выбора обучающимися, родителями (законными представителями) модулей курса ОРКСЭ. Выбор предмета «Основы религиозной культуры» в школе обусловлен факторами бытования в регионе мировых религиозных культур, наличия храмовых комплексов на территории современной Бурятии.

Действительно, полипрофессиональная среда Бурятии, где компоненты культуры буддизма сформированы, по мнению Д. Д. Амаголоновой, современная десекуляризация подразумевает не только изменения в общественном и индивидуальном сознании, но и новую роль религиозных институтов в социальной жизни, что означает их секуляризацию в значении активного участия духовенства в разнообразных мирских практиках, включая сферы экономики, политики и идеологии [2].

Бурятия как один из поликонфессиональных регионов России требует пристального внимания и изучения историко-культурного контекста для реализации намеченных задач в общем контексте воспитания духовно-нравственных основ подрастающего поколения.

Выводы. Факторы просветительской деятельности буддийских центров в Бурятии являются свидетельством динамических процессов, характеризующих социально-историческое развитие региона и его образовательного пространства. Действительно, за последние десятилетия восстановлены буддийские храмовые комплексы, приходы, издаются книги, журналы, более того, предприняты культурные акции с созданием художественных мастерских, выставочных залов, открытием телеканалов вещания на русском и

¹² Мониторинг основ религиозной культуры и светской этики (ОРКСЭ) // Министерство образования и науки Республики Бурятия.

бурятском языках, радио FM, организуются конкурсы для детей на знание истории и культуры, спортивные состязания и др.

Образовательная среда, формирующая основы духовно-нравственного воспитания, предполагает воспитание всем укладом жизни, историческими традициями народов России, а средства, как мы понимаем, – это образование, культура и религия.

Деятельность учителей направлена на формирование духовно-нравственных основ в жизни подрастающего поколения, на уроках и во внеурочной работе педагоги формируют у школьников систему базовых национальных ценностей (семья, патриотизм, гражданственность, природа, здоровье и др.), учат детей быть толерантными и открытыми для диалога, прививают уважение к родному языку и к культурным ценностям.

Список литературы

1. Амаголонова Д. Д. Буддизм в Бурятии: российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. 2015. № 36. С. 5–41.
2. Амоголонова Д. Д. Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии // Научный диалог. 2021. № 7. С. 381–399.
3. Арзуманов И. А. «Религиозное пространство» и «пространство религиозной культуры» опыт культур-методологической стратификации // Вопросы культурологии. 2009. № 5. С. 21–25.
4. Бафоев Ф. М. Культурная дипломатия в системе международных связей на постсоветском пространстве // Молодой ученый. 2016. № 6. С. 662–667. URL: <https://moluch.ru/archive/110/25748/> (дата обращения: 19.1.2021).
5. Ангаева С. П. Буддизм в истории Бурятии и роль Агвана Доржиева в его распространении (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Москва, 1995. 21 с.
6. Буддизм в России = Buddhism in Russia : выставка проводится в рамках культурной программы саммита АТЭС-2012, (5 сент. – 5 дек. 2012) / М-во культуры РФ ; [науч. ред. Н. Жуковская]. М., 2012. 111 с.
7. Дагданова Ж. Н. Бурятское народное декоративно-прикладное искусство в XIX – начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 2006. 34 с.
8. Галишев Э.-Х. Зерцало мудрости : пер. с бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1993. 352 с.
9. Исторический портрет Шулуцкого (Ацагатского) дацана в контексте религиозной политики России XIX в. – нач. XXI в. / И. А. Арзуманов [и др.] ; науч. ред. Г. С. Митыпова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 167 с.
10. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1983. 235 с.
11. Митыпова Г. С. Процессы культурной дипломатии Бурятии и России (на примере деятельности Галереи искусств народов Азии) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 2. С. 31–36.
12. Михельсон О. К. Религиозная культура и современность // Христианская культура на пороге третьего тысячелетия : материалы науч. конф., 12–14 июня 2000 г. СПб. : С.-Петерб. филос. общество, 2000. Вып. 5. С. 95–98. (Symposium).

Buddhism as a Factor in Educational Processes in Buryatia: Socio-Historical Aspects

G. S. Mitypova

Buryat Republican Institute of Education Policy, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article examines some socio-historical aspects in the context of educational processes in Buryatia in the case of the integration of Buddhist institutions in the field of culture and education in the early 20th and 21st centuries. Today Buddhism in Buryatia is one of sustainable confessional institutions and has all the traditions in its arsenal it had in pre-revolutionary history. They are restored datsan complexes, the development of building construction, architecture, and crafts, the establishment of parish communities that are characteristic of the cultural landscape of the region.

Keywords: Buddhism, education, datsan, radio, TV channel, gallery, bronze sculpture, integration.

For citation: Mitypova G.S. Buddhism as a Factor in Educational Processes in Buryatia: Socio-Historical Aspects. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 118-128. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.118> (in Russian)

References

1. Amagolonova D.D. Buddizm v Buryatii: rossijskoe gosudarstvo i konfessionalnaya konkurenciya [Buddhism in Buryatia: the Russian State and Confessional Competition]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East], 2015, no. 36, pp. 5-41. (in Russian)
2. Amagolonova D.D. Buddijskaya tradicionnaya Sangha Rossii v sociokulturnyh processah sovremennoj Buryatii [The Buddhist Traditional Sangha of Russia in the socio-cultural processes of modern Buryatia]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2021, no. 7, pp. 381-399. (in Russian)
3. Arzumanov I.A. "Religioznoe prostranstvo" i "prostranstvo religioznoj kultury opyt kultur-metodologicheskoy stratifikacii ["Religious space" and "space of religious culture experience of cultural and methodological stratification]. *Voprosy kulturologii* [Questions of cultural studies], 2009, no. 5, pp. 21-25. (in Russian)
4. Bafoev F.M. Kulturnaya diplomatiya v sisteme mezhdunarodnyh svyazej na postsovetском prostranstve [Cultural diplomacy in the system of international relations in the post-Soviet space]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2016, no. 6, pp. 662-667. URL <https://moluch.ru/archive/110/25748/> (mode of access: 19.11.2021). (in Russian)
5. Angaeva S.P. *Buddizm v istorii Buryatii i rol Agvana Dorzhieva v ego rasprostraneni* (konec 19 v. – 30-e gg. 20 v.) [Buddhism in the history of Buryatia and the role of Agvan Dorzhiev in its spread (the end of the XIX century – the 30s of the 20th century)]. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 1995, 21 p. (in Russian)
6. *Buddizm v Rossii: vystavka provoditsya v ramkah kulturnoj programmy sammita ATEC-2012, (5 sentyabrya – 5 dekabrya 2012)* [Buddhism in Russia: the exhibition is held as part of the cultural program of the APEC Summit 2012, (September 5 – December 5, 2012)]. Sci. ed. N. Zhukovskaya]. Moscow, 2012, 111 p. (in Russian)
7. Dagdanova Z.H. *Buryatskoe narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo v 19 – nachale 21 vv.* [Buryat folk decorative and applied art in the 19th – early 21 centuries. Cand. sci. diss. abstr.] Moscow, 2006. 34 p. (in Russian)
8. Galshiev E.H. *Zercalo mudrosti* [The Mirror of Wisdom]. Ulan-Ude, Buryat. kn. Publ., 1993. 352 p. (in Russian)
9. Arzumanov I.A. et al. *Istoricheskij portret Shulutskogo (Acagatskogo) dacana v kontekste religioznoj politiki Rossii 19 v. – nach. 21 v.* [Historical portrait of the Shulut (Atsagat) datsan in the context of the religious policy of Russia in the 19th century – beginning

12th century]. Ed. by G.S. Mitypova. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Publ., 2012. 167 p. (in Russian)

10. *Lamaizm v Buryatii 18 – nachala 20 veka: Struktura i social rol kultovoj sistemy* [Lamaism in Buryatia of the 18th – early 20th century: The structure and social role of the cult system]. G.R. Galdanova, K.M. Gerasimova, D.B. Dashiev, G.C. Mitupov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983, 235 p. (in Russian)

11. Mitypova G.S. Processy kulturnoj diplomatii Buryatii i Rossii (na primere deyatelnosti Galerei iskusstv narodov Azii [The processes of cultural diplomacy of Buryatia and Russia (on the example of the activity of the Asian Peoples Art Gallery)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennej Azii* [Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia], 2018, no. 2, pp. 31-36. (in Russian)

12. Mihel'son O.K. Religioznaya kultura i sovremennost [Religious culture and modernity]. *Hristianskaya kultura na poroge tretiego tysyacheletiya* [Christian culture on the threshold of the third millennium]. Proc. of the Sci. Conf. June 12-14, 2000. Saint Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2000, vol. 5, pp. 95-98. (in Russian)

Митьпова Гунсема Сандаковна

*доктор исторических наук, доцент,
Центр воспитания и дополнительного
образования
Бурятский республиканский институт
образовательной политики
Российская Федерация, 670000,
г. Улан-Удэ, ул. Советская, 30
e-mail: gunsema53@mail.ru*

Mitypova Gunsema Sandakovna

*Doctor of Sciences (History), Associate
Professor, Center of Education and
Additional Professional Education
Buryat Republican Institute of Educational
Policy, 30, Sovetskaya st., Ulan-Ude, 670000,
Russian Federation
e-mail: gunsema53@mail.ru*

Дата поступления: 06.09.2021

Received: September, 06, 2021

УДК 26.009

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.129>

Дипломатический межрелигиозный диалог в системе межрелигиозных отношений¹

С. В. Мельник

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва,
Российская Федерация*

Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация

Аннотация. Анализируется практика взаимодействия между главами религиозных общин, которая обозначается как «дипломатический межрелигиозный диалог». Кратко описываются основные типы межрелигиозного диалога: полемический, когнитивный, миротворческий и партнерский. Дается общая характеристика дипломатического межрелигиозного диалога, который можно рассматривать как одну из разновидностей миротворческого диалога. Анализируются несколько критических аргументов в отношении дипломатического диалога. Делается вывод, что дипломатический диалог занимает свою нишу в системе межрелигиозных отношений и его некорректно оценивать с точки зрения других видов межрелигиозного диалога, которые преследуют иные цели и основываются на других принципах.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, межрелигиозные отношения, дипломатия, религиозные лидеры, миротворчество, социальное согласие, критика.

Для цитирования: Мельник С. В. Дипломатический межрелигиозный диалог в системе межрелигиозных отношений // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 129–140. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.129>

Виды межрелигиозного диалога. Межрелигиозный диалог может преследовать разные цели, использовать различные принципы и выражаться во множестве форм. По мнению автора, следует выделять четыре основных типа межрелигиозного диалога: полемический, миротворческий, когнитивный и партнерский. С названными типами диалога можно условно сопоставить вопросы, вокруг которых выстраиваются межрелигиозные отношения: «кто прав?», «кто ты?», «как нам мирно жить вместе?» и «что мы можем сделать для улучшения мира?».

Полемический межрелигиозный диалог ставит своей целью демонстрацию преимуществ своей веры и выражается в спорах об истинности религиозных учений. В рамках когнитивного диалога осуществляется знакомство и сравнительное изучение религий [5, с. 90–97]. Установка на понимание другой религии, имеющая место в когнитивном диалоге, позволяет вынести из центра внимания вопрос об истинности и спасительности, который может

¹ Автор выражает благодарность за поддержку президенту организации *United religions* А. Т. Гилалову.

провоцировать антагонизм и вражду. Когнитивный межрелигиозный диалог получает широкое распространение на современном этапе межрелигиозного диалога, начавшемся с конца XIX в., в частности, в рамках различных инициатив Римско-католической церкви после Второго Ватиканского собора (1962–1965) [7]. Полемический и когнитивный типы диалога можно охарактеризовать как относящиеся к богословской сфере – в них исследуются догматические вопросы, осмысливается соотношение религий как мировоззренческих систем.

В XX в. начинает активно развиваться миротворческий межрелигиозный диалог. Популярность этого направления диалога во многом была связана с осознанием того факта, что в условиях современного глобального, взаимосвязанного и взаимозависимого мира верующие разных религий неизбежно массово контактируют друг с другом, а потому важно обеспечивать гармоничные отношения между ними. То есть центральная проблема здесь – как верующим людям, являющимся носителями различающихся религиозных убеждений, жить в мире и согласии, какой вклад они могут внести в разрешение существующих конфликтов и укрепление общественной стабильности. Впоследствии цель диалога стала определяться не только как миротворчество, но как сотрудничество верующих в более широкой перспективе для решения различных социальных проблем (помощь нуждающимся, справедливость, дискриминация, интеграция мигрантов, защита религиозной свободы, вклад в процветание общества, экологическая проблематика и пр.). Партнерский межрелигиозный диалог предполагает практическое сотрудничество верующих в различных сферах, представляющих общий интерес. Итак, в рамках миротворческого и партнерского диалога собственно богословские вопросы, сравнительное изучение воззрений разных религий выносятся за скобки, тогда как акцент делается на обеспечении конструктивного взаимодействия религий как социальных институтов [6].

Дипломатический диалог. Знаковым событием для развития миротворческого межрелигиозного диалога в глобальном масштабе стала прошедшая в 1970 г. в Киото (Япония) Всемирная конференция религии и мира (World conference on religion and peace). Межрелигиозный саммит собрал сотни участников из разных частей мира, в том числе на конференции присутствовала делегация религиозных лидеров из СССР. Примечательно, что самыми распространенными словами, употребляемыми спикерами на мероприятии, были «страх», «война» и «ядерная энергия» [8, р. 226]. Этот факт демонстрирует, что в миротворческом диалоге богословская проблематика занимает периферийное положение, а зачастую вовсе выносится за скобки из повестки встреч.

Исследователи отмечают, что межрелигиозный диалог может реализовываться на трех уровнях: высоком (религиозные лидеры), среднем (ученые, эксперты) и низовом (англ. grass roots) [9, р. 155–156]. Например, на низовом уровне могут проводиться различные молодежные мероприятия², осу-

² Например, в России проводится ежегодный Международный межрелигиозный молодежный форум. URL: <https://sovetnational.ru/information-support/news/sostoyalos-oftsialnoe-zakrytie-vii-mezhdunarodnogo-mezhreligioznogo-foruma-v-mahachkale.html> (дата обращения: 28.07.2021).

ществляются проекты так называемого межрелигиозного образования (inter-religious education).

Миротворческий диалог на «высоком уровне» реализуется в специфической форме, которую можно обозначить как дипломатический межрелигиозный диалог. В дипломатическом диалоге участвуют религиозные лидеры и другие официальные лица, которые выступают в качестве представителей своих религиозных общин. Ранее автором рассматривались основные цели и принципы дипломатического диалога и приводились примеры его реализации на международном, государственном и региональном уровнях. Так, среди принципов дипломатического диалога можно выделить следующие: институциональный характер (участники выступают именно как представители своих общин, а не от себя лично), социально ориентированная повестка, измерение государственно-религиозных отношений, регулярность, символическое значение [4].

Самой распространенной формой выражения дипломатического диалога является участие религиозных лидеров в разнообразных межрелигиозных саммитах и конференциях. Например, на пространстве Евразии значимой межрелигиозной площадкой является Съезд лидеров мировых и традиционных религий в столице Казахстана. Съезд регулярно проводился при поддержке президента страны Н. А. Назарбаева начиная с 2003 г. с периодичностью не реже одного раза в три года. Приведем в качестве примера тематику прошедших съездов: «Религия, общество и международная безопасность» (2006); «Роль религиозных лидеров в построении мира, основанного на толерантности, взаимном уважении и сотрудничестве» (2009); «Мир и согласие как выбор человечества» (работа велась по четырем секциям: «Роль религиозных лидеров в достижении устойчивого развития», «Религия и мультикультурализм», «Религия и женщина: духовные ценности и современные вызовы», «Религия и молодежь») (2012); «Диалог религиозных лидеров и политических деятелей во имя мира и развития» (2015); «Религиозные лидеры за безопасный мир» (2018)³. В рамках подобных конференций участники по очереди выступают с докладами, а по итогам мероприятия принимается совместная декларация.

Межрелигиозные саммиты, которые во многом являются сходными и по большому счету однотипными, регулярно проводятся в разных странах по всему миру. Например, 3–5 июля в Москве состоялся Всемирный саммит духовных лидеров, который был приурочен к встрече «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. В мероприятии приняли участие более 300 религиозных деятелей из 49 стран. Пленарное заседание саммита открыл Президент России В. В. Путин. В итоговом документе (Послании) Всемирного саммита духовных лидеров затрагивались следующие темы: роль религии и ее миротворческий потенциал; права и достоинство личности, ценность человеческой жизни как «дара Всевышнего»; институт семьи; оскорбление религиозных чувств; значение традиционных нравственных ценностей для совре-

³ Более подробно см. официальный сайт Съезда лидеров мировых и традиционных религий. URL: <http://www.religions-congress.org> (дата обращения: 28.07.2021).

менного мира; экономическая деятельность и моральные принципы; миграция; экстремизм и терроризм; забота об окружающей среде; призыв к построению справедливого мироустройства и сотрудничества для борьбы с новыми вызовами (наркомания, инфекционные болезни, особенно СПИД, распространение оружия массового уничтожения)⁴.

Дипломатический диалог как способ гармонизации межрелигиозных отношений. По отношению к практике дипломатического межрелигиозного диалога можно встретить скептическую реакцию и критические замечания. Рассмотрим наиболее характерные аргументы.

Во-первых, существует мнение, что подобная форма межрелигиозного взаимодействия не может называться диалогом «в подлинном смысле этого слова». В этом контексте весьма показательным является тот факт, что в наиболее известной, католической классификации типов межрелигиозного диалога (включающей «теологический», «духовный», «практический» виды диалога, а также «диалог жизни») форма межрелигиозного взаимодействия, соответствующая дипломатическому диалогу, вообще отсутствует [10, р. 203–204].

Второй аргумент заключается в суждении, что такой диалог является в некотором роде «неискренним», он не соответствует аутентичным ценностям и задачам религии, лишь имитирует общность и солидарность, которых на самом деле не существует. Приведем в качестве иллюстрации конкретный пример. В 2012 г. в Вене по инициативе Саудовской Аравии был открыт Международный центр межрелигиозного и межкультурного диалога короля Абдаллы (KAICIID). На церемонии открытия этой общественной организации присутствовали видные религиозные и политические деятели, в том числе генсек ООН Пан Ги Мун. Основной целью KAICIID, согласно официальным документам, является «служение человечеству», «содействие миру, терпимости и взаимопониманию между людьми разных вероисповеданий и культур», «содействие соблюдению прав человека, разрешению конфликтов, утверждению справедливости». Зимой 2015 г. между правительством и представителями общественности Австрии с одной стороны и KAICIID – с другой возник конфликт, связанный с тем, что Центр не отреагировал на арест «саудовского правозащитника и блоггера» Раифа Бадави, который получил наказание в виде 1000 ударов плетью и десяти лет лишения свободы за «оскорбление ислама». Канцлер Австрии Вернер Фейманн указал на недопустимость отсутствия негативной оценки фактов, по его мнению, грубого нарушения прав человека в Саудовской Аравии со стороны Центра, что, как он считает, свидетельствует об игнорировании обозначенных в уставе организации принципов. Канцлер Фейманн назвал KAICIID «молчащим центром» и заявил, что если эта организация является «экономическим центром», лишь «прикрывающимся религиозным фиговым листом», то ей «не

⁴ Всемирный саммит религиозных лидеров принял итоговый документ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/123672.html> (дата обращения: 28.07.2021).

место на территории Австрии»⁵. Саудовская Аравия заявила, что в случае закрытия Центра будет рассмотрен вопрос о переносе штаб-квартиры ОПЕК из Вены. Официальные представители Австрии высказались, что закрытие Центра негативно повлияет на имидж страны и не решит проблему нарушения прав человека в Саудовской Аравии, поэтому предложения о закрытии КАИСПД были отклонены. То есть деятельность в области дипломатического межрелигиозного диалога в некоторых случаях может интерпретироваться не в соответствии с публично заявленными ее задачами, а как направленная на достижение собственных узкогрупповых или политических целей.

В-третьих, иногда отмечается, что дипломатический диалог является неэффективным, представляет собой некую формальную процедуру, которая не приводит к «реальным», значимым результатам или вообще каким-либо существенным изменениям ни среди его непосредственных участников, ни в обществе в целом. Иногда в этой связи указывается на поверхность, шаблонность делаемых в рамках межрелигиозных форумов заявлений и принимаемых документов, на их декларативный характер и отсутствие в них какой-либо научной или практической ценности.

Прокомментируем изложенные критические замечания и попробуем сформулировать возможные ответы на них, которые могли бы быть представлены «апологетами» дипломатического диалога.

Недостаток первого аргумента заключается в том, что его сторонники вкладывают в такое широкое понятие, как «диалог», которое буквально означает лишь «разговор», «беседу», «коммуникацию», конкретное, узкое значение, как правило, сформулированное представителями диалогической философии в XX в., при этом не учитываются другие интерпретации этого термина. Например, известный российский специалист по христианско-мусульманскому диалогу А. В. Журавский пишет: «Диалог – это встреча, духовная беседа, но это также ни в коем случае не дипломатическая встреча и не беседа с целью договориться или о чем-то условиться. Иначе, диалог – это ни в коем случае не компромисс и не конформизм, в диалоге мы не должны стремиться прийти к единому мнению. Диалог, таким образом, должен быть живым и личностным общением между «Я» и «Ты», а не между «Я» и «Он». Но для того, чтобы подобное общение стало возможным, необходима готовность узнать и понять другого» [1]. Однако насколько правомерна такая «узурпация» термина «диалог», придание ему одного значения, соответствующего концепциям некоторых философов прошлого века (М. Бубера, М. Бахтина и пр.)? Например, существует произведение христианского святого П. в. Иустина Мученика, которое называется «Диалог с Трифоном иудеем» («Πρὸς Τρύφωνα Ἰουδαίου διάλογος»). В произведении представлена полемика между христианином и иудеем, которую автор обозначил словом «диалог». Такое понимание этого термина, в свою очередь, восходит к диалогам Сократа, в которых собеседники спорили и пытались

⁵ Austria Threatens to Close Saudi-Backed Interfaith Dialogue Center. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/5194/austria-saudi-kaiciid> (дата обращения: 28.07.2021).

выяснить истину, т. е. он имеет свои глубокие основания в европейской философской и культурной традиции.

При этом следует подчеркнуть, что дипломатический диалог вообще не ставит таких задач, как обсуждение догматических представлений своей и другой религии для того, чтобы «понять» другого, встреча личностей в парадигме Я – Ты, которая приводит к изменению внутреннего мира участников. Дипломатический межрелигиозный диалог имеет совершенно другие цели и выстраивается в соответствии с иными принципами. В качестве примера приведем выдержку из текста совместной декларации по итогам встречи святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II и председателя Духовного управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислама Аллахшукюра Пашазаде, прошедшей в Баку 15 сентября 2005 г. В декларации говорится: «Эффективным ответом на вызовы времени становится межрелигиозный диалог представителей различных вероисповеданий. Он позволяет развенчивать мифы о наших религиях, совместно противостоять воинствующему секуляризму, псевдодуховности, человеческим порокам, отрыву общества от своих духовных и культурных корней... Мы благодарны правительствам наших стран за поддержку межрелигиозных инициатив и выражаем надежду, что следующий год позволит достичь серьезных сдвигов в диалоге между традиционными религиями, цель которого – достижение мира между людьми, народами, цивилизациями»⁶. То есть в рамках понимаемого таким образом межрелигиозного диалога ни о каком обсуждении богословских вопросов речи вообще не идет, используется другой дискурс. В связи с этим также не следует ожидать от межрелигиозных саммитов каких-то глубоких богословских дискуссий, того, что обсуждаемые проблемы будут исследоваться с академической тщательностью.

Итак, первый аргумент носит скорее терминологический характер, т. е. недоразумения во многом связаны с тем, что не прояснено, какое значение мы вкладываем в понятие «диалог». Можно сказать, что не следует путать дипломатический диалог, являющийся разновидностью миротворческого диалога, с когнитивным диалогом, который преследует другие цели и имеет другую «природу».

Второе замечание во многом связано с тем, что на дискурс дипломатического диалога существенное влияние может оказывать нехарактерное для религиозного сознания секулярное прагматическое мировоззрение. Иногда имеют место попытки сформировать межрелигиозную солидарность на основе приверженности таким ценностям, как стабильность, безопасность, процветание общества, концепция прав и свобод человека и пр., которые, несомненно, не противоречат религиозному сознанию, но и не являются для него первостепенными. Межрелигиозные встречи на международном уровне могут выступать в качестве «религиозного измерения» имеющих секулярную природу общественно-политических процессов, связанных с

⁶ Совместная декларация Председателя Управления мусульман Кавказа Шейх-уль-ислама Аллахшукюра Пашазаде и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/40248.html> (дата обращения: 28.07.2021).

глобализацией. То есть в некоторых случаях имеется тенденция прагматического использования «религиозного фактора» для достижения таких целей, как обеспечение глобальной безопасности и устойчивого развития. Причем межрелигиозное взаимодействие нередко пытаются реализовывать в парадигме современного либерального стандарта.

Размышляя об этой проблеме, святейший патриарх Кирилл в своем выступлении на межрелигиозном форуме в Москве однажды отметил, что сегодня «доминирующей силой» из-за мощных массмедиа являются не верующие люди, составляющие большинство населения земного шара, а «могущественное секуляризированное меньшинство». Радикальным ответом на этот вызов может стать полный отказ от диалога, «от всяких попыток влиять на окружающий нас мир», что «лежит в основе сильного антиэкуменического движения внутри нашей Русской Церкви»⁷. Другой крайностью является готовность «сдаться на милость победителю, быть политкорректным, повторять секулярную мантру. Тогда в прессе будут говорить, что вы прогрессивный человек, что вы пример для других, но это не будет вашим аутентичным вкладом в международный дискурс – это будет вашим поражением, ибо вы сдались на милость сильного». Вместе с тем, по мнению предстоятеля Русской православной церкви, нужно стремиться «аутентично представлять свою позицию» для чего Его Святейшество призвал «находить друзей и единомышленников в разных религиях, в разных традициях, среди светских секулярных людей – мыслителей, философов, политиков, дипломатов»⁸. То есть мы видим, что проблема существенного влияния светского дискурса на характер межрелигиозных отношений вызывает озабоченность и у религиозных лидеров. Ответом на этот вызов может стать не отказ от диалога, а «аутентичное» свидетельство о религиозных ценностях. Например, святейший патриарх Кирилл в своих выступлениях большое внимание уделял тому, как концепция прав и свобод человека может интерпретироваться с православной точки зрения. В этом контексте говорится, что достоинство каждой личности как образа Божия и свобода человека рассматриваются в христианстве как высшие ценности. Вместе с тем не следует отождествлять свободу и вседозволенность и исключать из концепции прав и свобод человека понятие греха и моральных норм [3].

Третий критический аргумент указывает, что способ взаимодействия, соответствующий дипломатическому диалогу, является неэффективным, он не вносит существенного вклада в достижение декларируемых участниками целей, т. е. разнообразные межрелигиозные форумы якобы являются по большей части «бесполезными», «никому не нужными».

Ограниченность только лишь дипломатического диалога осознается и иногда открыто признается самими религиозными лидерами. В ходе встречи с участниками Европейского совета религиозных лидеров, прошедшего в Москве в 2011 г., святейший патриарх Кирилл отметил: «Легче всего подпи-

⁷ Святейший Патриарх Кирилл: без поддержки снизу межрелигиозный диалог теряет смысл. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1546480.html> (дата обращения: 28.07.2021).

⁸ Там же.

саться под общими словами – никто не берет никакой ответственности, а потом эти общие заявления никто не читает. В межрелигиозных группах говорят о мире и дружбе, а тем временем на Ближнем Востоке, на Северном Кавказе, в Европе взрываются бомбы. На одном уровне – политкорректный диалог, на другом – жесткая, иногда страшная действительность»⁹. Здесь святейшим патриархом затрагивается проблема представительства религиозных общин в диалоге. Исследователь А. Ортон справедливо подчеркивает, что один из центральных вопросов, связанных с межрелигиозным диалогом, заключается в том, кто участвует в упомянутых встречах и кто отсутствует на них. Участниками межрелигиозных инициатив зачастую являются лишь люди, которые признают достоинства диалога и не нуждаются в развитии терпимости и взаимного уважения. При этом в диалог оказывается никак не вовлечено значительное количество членов религиозных общин, в том числе тех из них, для которых озвучиваемые миротворческие идеи были бы особенно актуальны [11, р. 353–355].

Выступая на Международной межрелигиозной конференции в Мадриде в 2008 г., король Саудовской Аравии Абдалла среди прочего заявил: «Пусть наш диалог станет защитой веры перед лицом безбожия, защитой добродетели перед лицом порока, справедливости перед лицом угнетения, мира перед лицом противостояния и войн, человеческого братства перед лицом расизма... охрана окружающей среды от загрязнения – единая цель всех религий и культур»¹⁰. В итоговом документе мероприятия указывается, что все религии выступают против «преступности, коррупции, наркотиков, терроризма»¹¹. Однако важно понимать, что подобные заявления и совместные декларации не предполагают, что участники конференции планируют делать какие-то реальные шаги и организовывать практическую деятельность для решения обозначенных ими проблем. Выступления религиозных лидеров нередко преследуют цель лишь высказать позицию своей религиозной общины по тем или иным вопросам, осуществить «свидетельство» о духовных и нравственных ценностях. Близость общей позиции демонстрирует единство и согласие между разными религиями. То есть следует подчеркнуть, что дипломатический диалог, особенно на международном уровне, может казаться похожим на партнерский диалог, в рамках которого осуществляется конкретная практическая деятельность, однако он не является таковым, их не следует путать.

Для дипломатического диалога важным является не его концептуальное содержание или перспективы организации совместной деятельности, а символическое значение самого факта дружеской встречи лидеров разных религий. В данном случае требуется демонстрация религиозными деятелями наличия добрых взаимоотношений и солидарности по каким-то социальным вопросам, выражение лояльности государству и готовности к конструктив-

⁹ Святейший Патриарх Кирилл ...

¹⁰ Косач Г. Г. Мадридский конгресс межрелигиозного диалога: работа и итоги. URL: <http://www.rodon.org/relig-080722133738> (дата обращения: 28.07.2021).

¹¹ Там же.

ному сотрудничеству на благо общества. Такая «картинка» позитивных отношений, транслирующаяся посредством СМИ, является примером для рядовых верующих и создает благоприятную социальную атмосферу. Именно указанный символический аспект, а не содержание докладов, не развертывание последовательной и логически связанной аргументации имеет, как представляется, первостепенное значение и для различных межрелигиозных форумов с участием религиозных лидеров.

Автор был участником одной из межрелигиозных конференций в Дагестане, на которой присутствовали студенты. Один из них сказал, что на него произвел большое впечатление сам факт того, что муфтий, православный священник и раввин сидят за одним столом, общаются уважительно и доброжелательно, высказывают свое мнение по социальным вопросам – «важность семьи», «следование нравственным принципам в жизни», «резкое осуждение экстремизма», при этом их позиции оказываются очень близки, они в некотором смысле принадлежат к «одному лагерю».

Итак, возможный ответ на третий критический аргумент «в защиту» дипломатического диалога может заключаться в том, что он предполагает взаимодействие на «высоком уровне» религиозных лидеров, что определяет его специфику и ограничения.

При этом нельзя не отметить, что внесение в повестку межрелигиозных отношений различных проблем, волнующих религиозных лидеров, выражение ими озабоченностей и призывов может иметь практическую пользу. Например, Русская православная церковь в рамках международных конференций и официальных встреч святейшего патриарха Кирилла и председателя ОВЦС митрополита Волоколамского Илариона на протяжении последних десятилетий постоянно привлекала внимание мирового сообщества к проблеме преследования и гонений на христиан в странах Ближнего Востока и Северной Африки, что принесло свои плоды [2, с. 8–36]. С другой стороны, минимизация контактов между официальными представителями религиозных общин как альтернатива регулярному дипломатическому диалогу будет способствовать разобщению. Гражданский мир и согласие, свой вклад в укрепление которых дипломатический диалог, несомненно, вносит, хотя и воспринимается многими как «данность», на самом деле является признаком сбалансированной системы межрелигиозных, межнациональных, государственно-религиозных и социально-политических отношений. Поэтому, несмотря на то что дипломатические контакты могут носить во многом формальный характер, некоторые из них могут оцениваться как «излишние», в данном случае, как говорится, цель оправдывает средства.

Сложность проблем и процессов в межрелигиозном диалоге свидетельствует, что для гармонизации отношений могут применяться различные стратегии, которые не исключают, а могут дополнять друг друга и полезно сочетаться. Дипломатический межрелигиозный диалог занимает свою отдельную нишу в системе межрелигиозных отношений, он полезен, необходим, выполняет свои функции в рамках задачи поддержания общественной стабильности, поэтому его некорректно оценивать с точки зрения других

видов межрелигиозной коммуникации, которые преследуют иные цели. Вместе с тем нельзя не признать, что рассмотренные критические замечания отчасти справедливы, поэтому должны быть учтены для оптимизации модели дипломатического диалога.

Список литературы

1. Журавский А. В. «И наш Бог, и ваш Бог един» (обзор конференции) // Минарет. 2006. № 8. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/8/comgod.htm? (дата обращения: 28.07.2021).
2. Иларион (Алфеев), митрополит Волоколамский. Эпоха нового мученичества. Дискриминация христиан в разных регионах мира // Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований : сб. науч. ст. М. : Познание, 2017. С. 8–36.
3. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М. : Изд-во Моск. Патриархии РПЦ. Синодальный информ. отдел Московского Патриархата, 2016. 288 с.
4. Мельник С. В. Дипломатический межрелигиозный диалог // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, ч. 2 (№ 43). С. 217–225.
5. Мельник С. В. Классификации типов межрелигиозного диалога: анализ существующих подходов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4 (36). С. 87–118.
6. Мельник С. В. Классификация типов межрелигиозного диалога // Коммуникология. 2020. Т. 8, № 2. С. 25–51.
7. Bethune P.-F. Monastic inter-religious dialogue // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester : John Wiley & Sons, 2013. P. 34–50.
8. Guinovart-Pedescoll J.-O. When Fear becomes Peace: Transforming Interreligious Dialogue into a Social Movement (World Conference on Religion and Peace, 1970–1973) // Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement / Ed. Lehmann K. Berlin; Boston : De Gruyter, 2021. P. 203–230.
9. Kadayifci-Orellana S.A. Inter-religious dialogue and peacebuilding // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester : John Wiley & Sons, 2013. P. 149–167.
10. Moyaert M. Interreligious Dialogue // Understanding Interreligious Relations / edited by D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 193–217.
11. Orton A. Interfaith dialogue: seven key questions for theory, policy and practice // Religion, State and Society. 2016. Vol. 44, Iss. 4. P. 349–365.

Diplomatic Interreligious Dialogue in the Framework of Interreligious Relations

S. V. Melnik

*Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russian Federation
Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation*

Abstract. The article examines the practice of interaction between the heads of religious communities which is referred to as “diplomatic interreligious dialogue”. One of the most common forms of the manifestation of diplomatic dialogue is participation of religious leaders in a variety of interreligious summits and conferences. The first part of the article briefly describes main types of interreligious dialogue: polemical, cognitive, peacemaking and partner-

ship. The second part gives a general description of diplomatic interreligious dialogue that can be considered as one of a type of peacemaking dialogue. The third part of the article analyzes several critical arguments in relation to diplomatic dialogue: this form of communication cannot be called a dialogue in the true sense; predominance of secular discourse; low efficiency. The author has come to the conclusion that diplomatic dialogue occupies its niche in the system of interreligious relations. And it is incorrect to evaluate diplomatic dialogue from the point of view of other types of interreligious dialogue that pursue different goals and are based on different principles.

Keywords: interreligious dialogue, interreligious relations, diplomacy, religious leaders, peacemaking, social harmony, criticism.

For citation: Melnik S.V. Diplomatic Interreligious Dialogue in the Framework of Interreligious Relations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 129-140. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.129> (in Russian)

References

1. Zhuravskij A.V. *I nash Bog, i vash Bog edin (obzor konferencii)* [Our God and your God is the same (Conference Review)]. Available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/8/comgod.htm? (date of access: 28.07.2021).
2. Ilarion (Alfeev), mitropolit Volokalskij. *Jepoha novogo muchenichestva. Diskriminacija hristian v raznyh regionah mira* [Modern The era of new martyrdom. Discrimination of Christians in different regions of the world]. *Mezhreligioznyj dialog i ego rol v dele zashhity hristian Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki ot presledovanij* [Interreligious dialogue and its role in protecting Christians of the Middle East and North Africa from persecutio]. Moscow, Poznanie Publ., 2017, pp. 8-36 (in Russian)
3. Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia. *Svoboda i otvetstvennost': v poiskax garmonii. Prava cheloveka i dostoinstvo lichnosti* [Freedom and responsibility: in search of harmony. Human rights and dignity]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2016, 288 p. (in Russian)
4. Melnik S. *Diplomaticheskij mezhreligioznyj dialog* [Diplomatic interreligious dialogue], *Missija konfessij*, 2020, no. 9, pp. 217-225. (in Russian)
5. Melnik S. *Klassifikatsii tipov mezhreligioznogo dialoga: analiz sushchestvuiushchikh podkhodov* [Classifications of interreligious dialogue: analysis of existing approaches], *Gosudarstvo, religiia, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2018, no. 4(36), pp. 87-118. (in Russian)
6. Melnik S.V. *Klassifikatsiia tipov mezhreligioznogo dialoga* [Classification of types of interreligious dialogue], *Kommunikologiya* [Communicology], 2020, no. 2, pp. 25-51. (in Russian)
7. Bethune P.-F. *Monastic inter-religious dialogue*, *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*, ed. by C. Cornille. Chichester, John Wiley & Sons, 2013, pp. 34-50.
8. Guinovart-Pedescoll, J.-O. *When Fear becomes Peace: Transforming Interreligious Dialogue into a Social Movement (World Conference on Religion and Peace, 1970-1973). Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement*. Ed. by K. Lehmann. Berlin, Boston, De Gruyter, 2021, pp. 203-230.
9. Kadayifci-Orellana S.A. *Inter-religious dialogue and peacebuilding. The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Ed. by C. Cornille. Chichester, John Wiley & Sons, 2013, pp. 149-167.
10. Moyaert, M. *Interreligious Dialogue, Understanding Interreligious Relations*, ed. by D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 193-217.
11. Orton A. *Interfaith dialogue: seven key questions for theory, policy and practice. Religion, State and Society*, 2016, vol. 44, iss. 4, pp. 349-365.

Мельник Сергей Владиславович

кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт научной информации

по общественным наукам РАН

Российская Федерация, 117997, г. Москва,

Нахимовский пр., 51/21

старший научный сотрудник, Центр

межрелигиозного диалога

Болгарская исламская академия

Российская Федерация, 422840, г. Болгар,

ул. Кул Гали, 1а

e-mail: melnik.s.vl@yandex.ru

Melnik Sergey Vladislavovich

Candidate of Sciences (Philosophy),

Research Fellow, Institute of Scientific

Information for Social Sciences RAS

51/21, Nakhimovsky av, Moscow, 117418,

Russian Federation;

Senior Research Fellow, Center for

Interreligious Dialogue

Bolgar Islamic Academy

1a, Kul Gali st., Bolgar, 422840,

Russian Federation

e-mail: melnik.s.vl@yandex.ru

Дата поступления: 30.07.2021

Received: July, 30, 2021

УДК 284

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.141>

Конфессиональный диапазон протестантизма

М. А. Федоров

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Аннотация. Осуществляется анализ вероучения религиозных общин, традиционно ассоциируемых с протестантизмом, в результате которого делается вывод, что такие организации, как «Свидетели Иеговы», Церковь святых последних дней, пятидесятники-унитарии выходят за пределы вероучительного поля как христианства в общем, так и протестантизма в частности. Отмечается другая отличительная черта протестантизма – принятие пяти единств *sola scriptura, sola fide, sola gratia, Solus Christus* и *Soli Deo gloria*, направленных на утверждение христианских догматов, явно представленных в Библии. Данный тезис демонстрируется при помощи анализа вероучительных источников лютеранства, реформатства, англиканства. Представляется отчет о наличии пяти единств в вероучении религиозных организаций, как правило, относимых к радикальной реформации, – баптистов, пятидесятников, методистов, меннонитов, квакеров, адвентистов седьмого дня. Культурная и историческая близость протестантов и религиозных организаций, не отвечающих этим критериям, позволяет их объединить под категорией «постреформационные».

Ключевые слова: протестантизм, христианские догматы, вероучение протестантов, «Свидетели Иеговы», мормоны, адвентисты седьмого дня, унитарии.

Для цитирования: Федоров М. А. Конфессиональный диапазон протестантизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 141–151. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.141>

Протестантизм – самое многочисленное из течений христианства, включающее широкий спектр деноминаций, в котором традиционно выделяются такие конфессии, как лютеранство, реформатство (кальвинизм), англиканство. Специфика вероучения таких деноминаций, как баптисты и пятидесятники, равно как и харизматическое движение, указывает на то, что они могут претендовать на статус отдельных конфессий, что, впрочем, требует своего исследования.

Термин «конфессия» достаточно четко определен в словарях¹, под ним понимается принадлежность к определенному религиозному объединению, характеризующемуся собственным вероучением и культом. Под вероучением мы подразумеваем сумму тезисов, определяющих религиозную картину мира, место, права и обязанности человека в мире; под культом – совокупность религиозных обрядов, традиций, определяемых вероучением. Термин

¹ Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/конфессия>; Философский словарь // Словари-онлайн. URL: <http://slovari-online.ru/word/философский-словарь/вероисповедание.htm> (дата обращения: 02.09.2021).

«деноминация» восходит к проповеднической деятельности Д. Уэсли, который учил о единстве христианской церкви, существующей в контексте множества принадлежащих ей религиозных объединений (деноминаций) [6, с. 498]. Под данным термином мы понимаем религиозные объединения, разделяющие вероучение определенной конфессии и отличающиеся спецификой религиозной практики.

Многоликость и дисперсный характер протестантизма являются причиной существования разного толкования его границ и перечня относящихся к нему деноминаций. Авторы учебников по религиоведению, как правило, относят к протестантизму любые религиозные группы, которые возникли после деятельности Лютера. Помимо прямых наследников магистерской реформации – лютеранства, реформатства и англиканства, к протестантизму относят² меннонитов, унитариев, квакеров, баптистов, методистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня (АСД), «Свидетелей Иеговы» (СИ)³, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (ЦСПД), известных как мормоны [6, с. 486–505; 10, с. 213–247; 11, с. 282; 13, с. 58; 16, с. 323–326].

Некоторые авторы делают оговорки относительно СИ и ЦСПД⁴ как:

1) относящихся к маргинальному христианству по причине доктрин, несвойственных большинству христианских конфессий [6, с. 505; 10, с. 247]

2) вышедших за пределы протестантизма [11, с. 282];

3) не разделяющих общехристианские догматы [13, с. 59].

Особняком стоит учебник К. А. Соловьева, в котором мормоны, СИ и АСД называются псевдохристианскими [14].

В религиоведческих публикациях, посвященных практическим вопросам, можно встретить две позиции. Согласно первой, СИ и ЦСПД являются представителями протестантизма [1, с. 61; 7, с. 182; 13, с. 144], по второй эти организации рассматриваются отдельно [2, с. 30; 8; 9, с. 70; 12, с. 133; 15, с. 9].

При описании протестантизма, как правило, излагаются его отличительные от католицизма и православия черты, но при этом создается впечатление, что упускается тот факт, что протестантизм, равно как и любая относимая к нему деноминация, прежде всего должен соответствовать основным догматам христианства. Следовательно, протестантскими общинами и организациями можно считать только те, которые в первую очередь можно назвать христианскими.

Важность вопроса о границах христианского вероучения восходит к первым символам веры, включавшим основные положения христианства, которые неопиты должны были провозглашать перед крещением. Позже были сформулированы Никейский, а еще позже – дополняющий и уточняющий его Никео-Константинопольский символы веры, очерчивающие границы христианской теологии, отделяя его от иных религиозных учений.

² Список пост-реформационных деноминаций протестантского и околупротестантского толка может быть достаточно обширным и рассматривать их в рамках данной статьи было бы невозможно.

³ В настоящее время является запрещенной на территории Российской Федерации.

⁴ Элбакян Е. С., Шабуров Н. В. включают ЦСПД в категорию «другие христианские направления» и потому не относящуюся к протестантизму [17].

Важность исповедания определялась его сотериологической направленностью, что объясняет принципиальность христианских богословов относительно каждого элемента Символа веры.

Ограничение двумя вселенскими соборами, где были упомянутые Символы веры, необходимо для того, чтобы включить в список христианских Армянскую апостольскую церковь, Коптскую православную церковь, Эфиопскую православную церковь, Эритрейскую православную церковь, Сирийскую православную церковь и Ассирийскую церковь Востока. Протестантское богословие, как правило, признает христологические решения шести вселенских соборов, теологически имея больше общего с католицизмом и православием, чем древние восточные церкви.

Никео-Константинопольский символ веры содержит следующие универсальные для христианства положения:

- вера в триединого Бога – Отца, Сына и Святого Духа,
- вера в то, что Бог Отец и Бог Сын обладают единой природой⁵,
- вера в воплощение Бога Сына, Его искупительную смерть, воскресение из мертвых и восшествие на небеса,
- вера в единую святую, вселенскую (кафолическую) и апостольскую Церковь,
- изменение своей жизни через крещение и стремление к жизни в небесном царстве.

Непринятие даже одного из этих положений означает самоисключение из концептуального поля христианства. И, не принимая христианское учение о триединстве Бога, такие религиозные группы, как унитарии и СИ, должны называться не протестантскими, а около- или псевдохристианскими. Их вероучения строятся вокруг личности Иисуса из Назарета, но и унитарии⁶, и СИ⁷ отрицают божественность Христа, что является одним из ключевых догматов христианства.

В отношении ЦСПД это не так очевидно, поскольку внешне они провозглашают веру в Отца, Сына и Святого Духа⁸, и неудивительно то, что среди религиоведов можно найти исследователей, считающих, что вероучение мормонов остается в общехристианском русле [17, с. 104]. Однако в проповедях Джозефа Смита, основателя ЦСПД, можно увидеть совершенно чуждое для христианства понимание Бога, который когда-то был человеком,

⁵ Вопрос о природе Бога Святого Духа не поднимался на Втором Вселенском соборе, однако христианское богословие однозначно указывает на то, что все три Ипостаси обладают одной сущностью [4, с. 255; 5, с. 186].

⁶ Our beliefs / United Pentacostal Church International. URL: <https://www.upci.org/about/our-beliefs> (дата обращения: 16.08.2021).

⁷ Во что верят Свидетели Иеговы? // Свидетели Иеговы : сайт. URL: <https://www.jw.org/ru/свидетели-иеговы/часто-задаваемые-вопросы/верования-свидетелей-иеговы> (дата обращения: 14.02.2021). В настоящее время ресурс является недоступным на территории РФ как признанный экстремистским.

⁸ Символы Веры Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/scriptures/af-poster/1?lang=rus> (дата обращения: 14.08.2021).

как все люди, а позже вознесся на небеса⁹. Если для христианского богословия ключевым является положение о том, что природа Бога и природа всего творения принципиально различны, то в Учениях и Заветах¹⁰, одной из символических книг ЦСПД, говорится о том, что Бог Отец и Бог Сын так же материальны, как и люди.

По этой причине считаем, что эти религиозные организации существуют вне вероучительных границ христианства, а следовательно, и протестантизма как одного из направлений христианства. Более того, история реформации показывает, что это был протест против католической церковной традиции с целью возвращения к христианским догматам, явно представленным в Библии [18, р. 338]. Результатом стало отвержение старых католических и поиск новых форм христианской религиозной практики.

Можно только догадываться, почему реформаторы не попытались вернуться к более ранней версии церковной традиции, тем более что для этого существовали вполне определенные предпосылки:

- реформаторы отнюдь не отвергали Предание ранних отцов, а обращались к нему в той мере, в которой оно согласовывалось с Библией, что, по мнению исследователей, характеризует творения отцов Церкви как минимум до IV в. [18, р. 332; 19, р. 39–40];

- основные деятели Реформации – Лютер, Цвингли и Кальвин – были против анархии Т. Мюнцера и К. Швенкфельда, которая основывалась на полном отвержении любой церковной традиции, в том числе и экзегетической [20, р. 100–101];

- изначально церковное учение существовало в устной форме, представляя собой передаваемую от апостолов евангельскую весть, которая, по мнению реформаторов, должна стоять во главе церковного учения;

- именно в рамках церковной традиции был утвержден и принят канон Священного Писания, исторически являясь, таким образом, вторичным по отношению к церковному Преданию.

Вместо этого реформаторы попытались воссоздать традицию, которая бы соответствовала Библии, где Священное Писание выступает как абсолютный авторитет. Основным недостатком этого решения можно назвать то, что книги Ветхого и Нового Заветов представляют собой отнюдь не катехизис или учебник по догматическому богословию, где дано систематическое представление христианского вероучения, а произведения с различной жанровой спецификой, которые требуют как экзегетических методов, так и экзегетической традиции, представляющей собой консенсус богословов, существующих в рамках церковной традиции.

Рост вариативности толкования библейских текстов привел к возникновению разных конфессий, представители которых, отстаивая собственную

⁹ The King Follett Sermon By Joseph Smith, Jr. (1805–1844) First President, The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/ensign/1971/04/the-king-follett-sermon?lang=eng> (дата обращения: 14.08.2021).

¹⁰ Учения и Заветы. Артикул 130:22-23. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/scriptures/dc-testament/dc/130?lang=rus> (дата обращения: 14.08.2021).

правоту, тем не менее признавали принадлежность других конфессий к христианству. Примером может служить марбургский диспут между Лютером и Цвингли [20, р. 183], в котором можно увидеть, с одной стороны, принципиальность в вероучительных вопросах, характерную для Древней Церкви, с другой – стремление к единству христианского мира, которое позже будет озвучено в принципе «в главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь».

Этим главным, объединяющим всех протестантов, являются, во-первых, общехристианские догматы, а во-вторых, пять единств – *sola scriptura*, *sola fide*, *sola gratia*, *Solus Christus* и *Soli Deo gloria*, в каждом из которых¹¹ можно увидеть ограничительный характер. Это означает, что учение реформаторов возникло не по принципу «разрушения старого мира до основания» и последующей «постройки нового», а путем выбора тех положений христианской догматической традиции, которые имеют подтверждение в Библии, что можно увидеть уже на примере лютеранства.

Так, провозглашая книги Ветхого и Нового Заветов единственным правилом и стандартом веры, лютеранские богословы¹² расценивают любые исповедания, догматы и творения христианских учителей как свидетельство и выражение веры¹³, которое может быть оценено через призму Библии¹⁴. Провозглашая оправдание от грехов и спасение только по вере в искупительную жертву Иисуса Христа, они отрицают сотериологическую значимость поступков человека¹⁵.

Sola gratia включает в себя как обращение к вере только по действию благодати Бога¹⁶, так и последующую жизнь верующего в благодати, единственно по действию которой он следует воле Божьей¹⁷. Утверждение преимущественного значения благодати ограничивает роль заслуг человека для ее получения, равно как и его усилий по достижению спасения¹⁸.

Провозглашая исключительность личности Иисуса Христа как единственного посредника между Богом и человеком и единственный путь спасения, лютеранские богословы прежде всего отрицают роль добродетели для получения веры и совершения спасения¹⁹ и затем утверждают, что молитвенное обращение верующих должно быть направлено только к Сыну Божьему, а не к святым²⁰.

¹¹ Каждое из *sola* обычно переводится на русский язык при помощи наречия «только», хотя этимологически более верно использовать наречие «единственно», более близкое латинскому *sola*. Поэтому мы говорим о пяти *solī* как о пяти единствах.

¹² Здесь и далее лютеранское вероучение рассматривается на материале издания: Книга согласия. Вероисповедание и учение лютеранской церкви : изд. электрон., испр. Фонд «Лютеранское наследие», 1998. 617 с. URL: http://www.lhf.ru/pdf/BOFC6_1.pdf (дата обращения: 12.02.2021).

¹³ Там же. С. 589–609.

¹⁴ Там же. С. 429:1, 2.

¹⁵ Там же. С. 439:6-7, 497: 9, 13, 14; 502:41.

¹⁶ Там же. С. 434:5, 435:9-10.

¹⁷ Там же. С. 440:9-10, 521:17, 522:23.

¹⁸ Там же. С. 573:32-33, 578:60, 61.

¹⁹ Там же. С. 26:9, 14, 70:40, 45-46, 87:36, 90:41-42, 98:93, 111:148-149.

²⁰ Там же. С. 28:2-4.

Упомянутая дисперсность протестантизма требует рассмотреть, насколько эти пять *sola* представлены в других исповеданиях. В Бельгийском исповедании²¹, основном вероучительном трактате реформатов, Священное Писание декларируется единственным правилом веры, стоящим выше любых постановлений и решений соборов²².

Уделяя огромное внимание разрушительному действию греха, реформатские богословы подчеркивают, что вера в Христа является тем единственным, что дает прощение грехов, оправдание и спасение, тогда как поступки человека не дают основания для спасения²³. Говоря о благодати, они подчеркивают, что только благодаря ее действию возможны очищение душ от мерзости греха в таинстве крещения, получение оправдания через веру и освящающее возрастание веры, производящей добрые дела в верующем и побуждающей к борьбе с грехом²⁴.

В Бельгийском исповедании уделяется большое внимание личности Иисуса Христа: подчеркивая Его божественность и человечность²⁵, реформаты говорят о Христе как о единственном Совершителе спасения и Посреднике между Богом и человеком, единственным Главе Церкви и Учредителе ее таинств. Именно на этом основании молитвенное обращение может быть направлено только ко Христу, тогда как почитание святых называется порочащим Бога²⁶.

Англиканская церковь²⁷, имея в своем основании католическую, лютеранскую и реформатскую традиции, также говорит о верховном вероучительном приоритете Священного Писания²⁸, оправдании только верой через жертву Иисуса Христа²⁹, исключительном в отношении спасения действии благодати³⁰. Также необходимо отметить христоцентричность англиканства: прощение грехов, спасение и освящение возможны только благодаря Иисусу Христу, а потому поклоняться можно только Богу³¹.

В отношении баптистов³², методистов³³, традиционных пятидесятников (РЦХВЕ)³⁴ и пятидесятников-харизматов (РОСХВЕ)³⁵ можно сказать, что

²¹ Бельгийское исповедание, составленное Гвидо де Бре. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/24/Bres> (дата обращения: 02.09.2021).

²² Там же. Арт. 3–5, 7.

²³ Там же. Арт. 14, 15, 17, 22–24.

²⁴ Там же. Арт. 23, 24, 29, 34.

²⁵ Там же. Арт. 10, 18, 26.

²⁶ Там же. Арт. 26, 34, 35.

²⁷ Здесь и далее англиканское вероучение рассматривается на материале: Тридцать девять статей Англиканской церкви // Реформатский взгляд : [сайт]. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/385/> (дата обращения: 16.08.2021).

²⁸ Там же. Арт. 6.

²⁹ Там же. Арт. 11, 12, 18, 31.

³⁰ Там же. Арт. 10, 13, 16, 17.

³¹ Там же. Арт. 10–15, 17–19, 22.

³² Вероучение евангельских христиан-баптистов. URL: <https://baptist.org.ru/faith/verouchenie> (дата обращения: 04.08.2021).

³³ What are the core beliefs of the Global Methodist Church? URL: <https://www.globalmethodist.org/#faqs> (дата обращения: 16.08.2021).

³⁴ Вероучение РЦХВЕ. URL: <https://hve.ru/church/verouzhenie/3838-verouchenie-rt-khve> (дата обращения: 04.08.2021).

³⁵ Основы вероучения РОСХВЕ. URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1378304> (дата обращения: 04.08.2021).

они следуют традиции непосредственных представителей магистерской реформации, рассмотренных выше, и в их вероучениях также можно проследить все пять единств протестантизма. Для меннонитов характерны вариации в толковании доктрин веры: на примере одной страны можно увидеть, что есть меннониты, придерживающиеся Дордрехдского исповедания веры³⁶ (1632 г.) или Христианских основ (1921 г.), например Меннонитская церковь Канады³⁷, в которой все пять единств если не называются прямо, то представлены по смыслу. Тогда как в исповедании веры Канадской церкви братских меннонитов³⁸ можно уже увидеть отступления от тринитарного никейского богословия.

Религиозное общество друзей (квакеры) на сегодняшний день не относит себя ни к одной конфессии. Правильно назвать его внеденоминационным движением, возникшим как альтернатива традиционизму протестантских конфессий. В его основе лежат нацеленность на внутренние духовные переживания и гуманистические принципы мира, простоты, равенства и правды. Более того, данное движение, сохраняя организационное единство, не имеет единой вероучительной основы: внутри него выделяют либеральное направление (религиозный гуманизм), евангелическое (близкое к воззрениям классических протестантов), консервативное (воззрения раннего квакерства)³⁹.

С точки зрения пяти единств маргинальным для протестантизма можно считать ХАСД. С одной стороны, в их вероучении⁴⁰ представлены все пять единств: догматический приоритет Библии, вера в искупительную жертву Иисуса Христа (п. 10), сотериологическое значение божественной благодати, христоцентричность учения, где Бог выступает как единственный предмет поклонения⁴¹. С другой – важными для сотериологии называются послушание заповедям Ветхого Завета, соблюдение субботы и диетические ограничения⁴², что можно рассматривать как отступление по принципу *sola fide*.

Обособленность АСД можно увидеть в отношении к межконфессиональному взаимодействию: признавая общность основных догматических принципов, представители АСД подчеркивают уникальность своей теологии, специфика которой в ряде случаев может служить препятствием для совместного участия в мероприятиях с другими конфессиями [3, с. 33].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что протестантизм представляет собой целостное направление в христианстве, отличительной чер-

³⁶ Dordrecht Confession of Faith (Mennonite, 1632). URL: [https://gameo.org/index.php?title=Dordrecht_Confession_of_Faith_\(Mennonite,_1632\)#VI._Of_Repentance_and_Reformation_of_Life](https://gameo.org/index.php?title=Dordrecht_Confession_of_Faith_(Mennonite,_1632)#VI._Of_Repentance_and_Reformation_of_Life) (дата обращения: 12.08.2021).

³⁷ Mennonite Church Canada. URL: <https://www.mennonitechurch.ca/about/confession-of-faith> (дата обращения: 12.08.2021).

³⁸ The MB Confession of Faith (full text). URL: <https://www.mennonitebrethren.ca/mb-convictions/the-mb-confession-of-faith-detailed-edition/> (дата обращения: 12.08.2021).

³⁹ Квакеры и христианство. URL: <https://quakers.ru/christianity/> (дата обращения: 12.08.2021).

⁴⁰ Вероучение Церкви Адвентистов Седьмого дня. URL: <https://adventisty.ru/church/> (дата обращения: 14.08.2021).

⁴¹ Там же. П. 1, 2, 4, 9, 10, 12–14, 17.

⁴² Там же. П. 19, 20, 22.

той которого является обоснование конфессиональных вероучений с непременным подтверждением в канонических книгах Ветхого и Нового Заветов и подчеркнутым отделением от традиции Римско-католической церкви, выраженным в пяти единствах.

Основным критерием описания христианских конфессий нужно считать теологический, поскольку христиане одной конфессии объединяются в первую очередь благодаря единству исповедания, а не культурных или географических факторов. Если существует потребность в создании категории, включающей протестантские и околохристианские религиозные объединения, то для этого необходим новый термин, например «постреформационные», которые могут акцентировать такие характеристики, как рационализм и социокультурные особенности их организации. Именно такая категория позволит объединить протестантов и религиозные организации, подобные СИ и ЦСПД.

Список литературы

1. Ахмадулина С. З. Ретроспективный анализ деятельности религиозных объединений на территории Бурятии (на примере «Свидетели Иеговы») // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 4. С. 61–64.
2. Белов А. Э. Культурная типология протестантских конфессий в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 5. С. 30–37.
3. Гончаров О. Ю. Межконфессиональный диалог церкви христиан адвентистов седьмого дня в России // Миссия конфессий. 2017. № 19. С. 25–35.
4. Груден, Уэйн. Систематическое богословие. Введение в библейское учение : пер. с англ. 2-е изд. СПб. : Мирт, 2010. 1453 с.
5. Давыденков О., прот. Догматическое богословие : учеб. пособие. М. : Изд-во ПСГТУ, 2015. 624 с.
6. История религии. В 2 т. Т. 2 : учеб. для бакалавров / под ред. И. Н. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. 783 с.
7. Карнаухов И. А. Тернарный принцип маргинального протестантизма и теологии надежды Мольтмана // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 182–184.
8. Кляшев А. Н. Протестантизм в индустриальных и традиционных сообществах (по материалам полевых исследований в ХМАО – Югре) // Вестник ВЭГУ. 2017. № 4 (90). С. 57–66.
9. Конопатченков А. В. Основные процессы религиозной жизни в США во время второго великого пробуждения в первой половине XIX века // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2017. № 16. С. 57–76.
10. Религиоведение : учеб. пособие / М. Я. Ленсу, Я. С. Яскевич, В. В. Кудрявцев [и др.] ; под ред. М. А. Ленсу [и др.]. Минск : Новое Знание, 2003. 446 с.
11. Религиоведение / под ред. М. М. Шахнович. СПб. : Питер, 2009. 432 с.
12. Сараев В. Г., Попов П. Л., Черенев А. А. Религиозные организации Сибирского федерального округа: территориальное распределение // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 131–141.
13. Современные верования и конфессии в России : справочник / под общ. ред. А. А. Желтова. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. 162 с.
14. Соловьев К. А. Религиоведение : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2016. 370 с.
15. Татыева Е. В. Проблемы «русского протестантизма» в постсоветской России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 61. С. 9–14.

16. *Шелковая Н. В.* Введение в религиоведение. Ростов на/Д : Феникс, 2007. 416 с
17. *Элбакян Е. С., Шабуров Н. В.* Мормонизм и протестантизм: сравнительный анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4 (8). С. 84–109.
18. *Allert Craig D.* What Are We Trying to Conserve?: Evangelicalism and Sola Scriptura // The Evangelical Quarterly. 2004. 76.4. pp. 327-348. URL: https://biblicalstudies.org.uk/pdf/eq/sola-scriptura_allert.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
19. *Lane A.N.S.* Scripture, Tradition and Church: An Historical Survey // Vox Evangelica. 1975. 9. pp. 37-55. URL: https://www.biblicalstudies.org.uk/pdf/vox/vol09/scripture_lane.pdf (дата обращения: 10.02.2020).
20. *McGrath, Alister E.* Reformation thought: an introduction. 4th ed. John Wiley & Sons Ltd., 2012. 304 p.

Confessional Range of Protestantism

M. A. Fedorov

Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. Diversity and the fragmented nature of Protestantism are the reason of various interpretations of its boundaries and the number of denominations it comprises. The key criterion of affiliation with Protestantism is the acceptance of basic doctrines set forward in the Niceno-Constantinopolitan Creed. The analysis of the beliefs of the religious organizations traditionally connected with Protestantism suggests that Jehovah's Witnesses, the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, Pentecostals-Unitarians are out of the doctrinal field of Christianity in general and out of the range of Protestantism in particular. The other distinct characteristic of Protestantism is the acceptance of the Five Solas – sola scriptura, sola fide, sola gratia, Solus Christus и Soli Deo gloria, which are aimed at the validation of Christian doctrines set forth in the Bible. This thesis was demonstrated via the analysis of the doctrinal sources of Lutheranism, Reformed Church and Anglican Church. The article also reports on the five solas present in the creeds of Baptists, Pentecostals, Methodists, Mennonites, Religious Society of Friends, and Seventh-Day Adventists. Cultural and historical proximity of protestants and religious organizations that do not meet the criteria above calls for a new category – “post reformation religions” – that can embrace them all.

Keywords: Protestantism, Christian doctrines, protestant theology, Jehovah's Witnesses, Mormons, Seventh-Day Adventists, Unitarians.

For citation: Fedorov M.A. Confessional Range of Protestantism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 141-151. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.141> (in Russian)

References

1. *Akhmadulina S.Z.* Retrospektivnyy analiz deyatel'nosti religioznykh ob'yedineniy na territorii Buryatii (na primere “svideteli iyegovy”) [Retrospective analysis of the activities of religious organizations on the territory of Buryatia (on the example of “Jehovah's Witnesses”)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 2010, vol. 4, pp. 61-64. (in Russian)
2. *Belov A.E.* Kul'turnaya tipologiya protestantskikh konfessiy v kul'turno-istoricheskom prostranstve Sankt-Peterburga [Cultural typology of Protestant confessions in the cultural and historical space of St. Petersburg]. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research], 2011, vol. 5, pp. 30-37. (in Russian)

3. Goncharov O.Yu. Mezkhkonnessionalnyy dialog tserkvi khristian adventistov sed'mogo dnya v Rossii [Inter-confessional Dialogue of the Seventh-day Adventist Christian Church in Russia]. *Missiya konfessij* [Mission of Confessions], 2017, vol. 19, pp. 25-35. (in Russian)
4. Grudem, Wayne. Sistematischeskoe bogoslovie. Vvedenie v biblejskoe uchenie [Systematic Theology: An Introduction to Biblical Doctrine]. 2nd ed. St. Petersburg, Myrt Publ., 2010, 1453 p. (in Russian)
5. Davydenkov O., protopresb. *Dogmaticheskoye bogosloviye* [Dogmatic Theology]: Study Guide. Moscow, PSGTU Publ., 2015, 624 p. (in Russian)
6. Yablokova I.N., ed. *Istoriya religii* [History of religion]. In 2 volumes. Vol. 2. 4th ed. Moscow, Yurayt Publ., 2015, 783 p. (in Russian)
7. Karnaukhov I.A. Ternarnyy printsip marginalnogo protestantizma i teologii nadezhdy Moltmana [The ternary principle of marginal Protestantism and Moltmann's theology of hope]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, vol. 22, pp. 182-184. (in Russian)
8. Klyashev A.N. *Protestantizm v industrialnykh i traditsionnykh soobshchestvakh* [Protestantism in industrial and traditional communities (based on field research in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – UGRA)]. Bulletin of VEGU, 2017, vol. 4 (90), pp. 57-66. (in Russian)
9. Konopatchenkov A.V. Osnovnyye protsessy religioznoy zhizni v SSHA vo vremya vtorogo velikogo probuzhdeniya v pervoy polovine XIX veka [The main processes of religious life in the USA during the second great awakening in the first half of the 19th century]. *Trudy Perervinskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Proceedings of the Perervinskaya Orthodox Theological Seminary], 2017, vol. 16, pp. 57-76. (in Russian)
10. Lensu M.Ya., Yaskevich J.S., Kudryavtsev V.V., Lensu M.A. (eds.) *Religiovedeniye* [Religious studies]: textbook. Minsk, Novoe znanie Publ., 2003, 446 p. (in Russian)
11. Shakhnovich M.M., ed. *Religiovedeniye* [Religious studies]. Saint Petersburg, 2009, 432 p. (in Russian)
12. Saraev V.G., Popov P.L., Cherenev A.A. Religioznyye organizatsii Sibirskogo Federal'nogo okruga: territorialnoye raspredeleniye [Religious organizations of the Siberian Federal District: territorial distribution]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series Political Science. Religious studies], 2017, vol. 19, pp. 131-141. (in Russian)
13. Zheltov A.A., Zhukovskaya A.G., Malakhov R.A. [and others], Zheltova A.A., ed. *Sovremennyye verovaniya i konfessii v Rossii* [Modern beliefs and confessions in Russia]. Vollogda, VIPE FSIN Rossii Publ., 2017, 162 p. (in Russian)
14. Soloviev K.A. *Religiovedeniye* [Religious studies] training manua. Moscow, INFRA-M Publ., 2016, 370 p. (in Russian)
15. Tatyeva E.V. *Problemy "russkogo protestantizma" v postsovetskoy Rossii* [Problems of "Russian Protestantism" in Post-Soviet Russia]. *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Actual problems of social sciences: sociology, political science, philosophy, history], 2016, vol. 61, pp. 9-14. (in Russian)
16. Shelkovaya N.V. *Vvedeniye v religiovedeniye* [Introduction to Religious Studies]. Rostov-on-Don, Phoenix, 2007, 416 p. (in Russian)
17. Elbakyan E.S., Shaburov N.V. Mormonizm i protestantizm: sravnitelnyy analiz [Mormonism and Protestantism: Comparative Analysis]. *Koncept: filosofiya, religiya, kultura* [Concept, Philosophy, Religion, Culture], 2018, vol. 4 (8), pp. 84-109. (in Russian)
18. Allert Craig D. What Are We Trying to Conserve?: Evangelicalism and Sola Scriptura. *The Evangelical Quarterly*, 2004, 76.4, pp. 327-348. URL: https://biblicalstudies.org.uk/pdf/eq/sola-scriptura_allert.pdf (date of access: 20.09.2021).
19. Lane A.N.S. Scripture, Tradition and Church: An Historical Survey. *Vox Evangelica*, 1975, vol. 9, pp. 37-55. Available at: https://www.biblicalstudies.org.uk/pdf/vox/vol09/scripture_lane.pdf (date of access: 20.09.2021).

20. McGrath, Alister E. *Reformation thought: an introduction*. 4th ed. John Wiley & Sons Ltd. 2012, 304 p.

Федоров Михаил Александрович
кандидат философских наук, доцент,
кафедра религиоведения и теологии
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, 670000,
г. Улан-Удэ ул. Смолина, 24а
e-mail: fma1105@gmail.com

Fedorov Mikhail Alexandrovich
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Department of Religious
Studies and Theology
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000,
Russian Federation
e-mail: fma1105@gmail.com

Дата поступления: 04.09.2021

Received: September, 04, 2021

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ, ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА,
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ, ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ, АРХИВ
РАЗМЕЩЕНЫ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА
[HTTP://IZVESTIAPOLIT.ISU.RU/RU](http://izvestiapolit.isu.ru/ru)**

Серия открыта для дискуссионных материалов,
поэтому ее содержание не обязательно отражает точку зрения редакционной
коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных
фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных,
географических названий и иных сведений, а также за использование данных,
не предназначенных для открытой печати.

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»**

2021
Том (№) 38 (45)

Редактор *В. В. Попова*
Переводчик-корректор *И. М. Карнакова*

Адрес издателя
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00, факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru, <http://www.isu.ru>

Дата выхода в свет 20.12.2021. Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. Цена 200 руб. Заказ 162

Адрес типографии Издательства ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел.: +7(3952) 53-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru